

ИСТОРИЯ МАВРИТАНИИ

В НОВОЕ
и НОВЕЙШЕЕ
время

Границы государственные

Границы административных единиц

Столица государства

Центры административных единиц

Прочие населенные пункты

Железные дороги

Магистральные дороги

Аэропорты

Морские порты

Болота

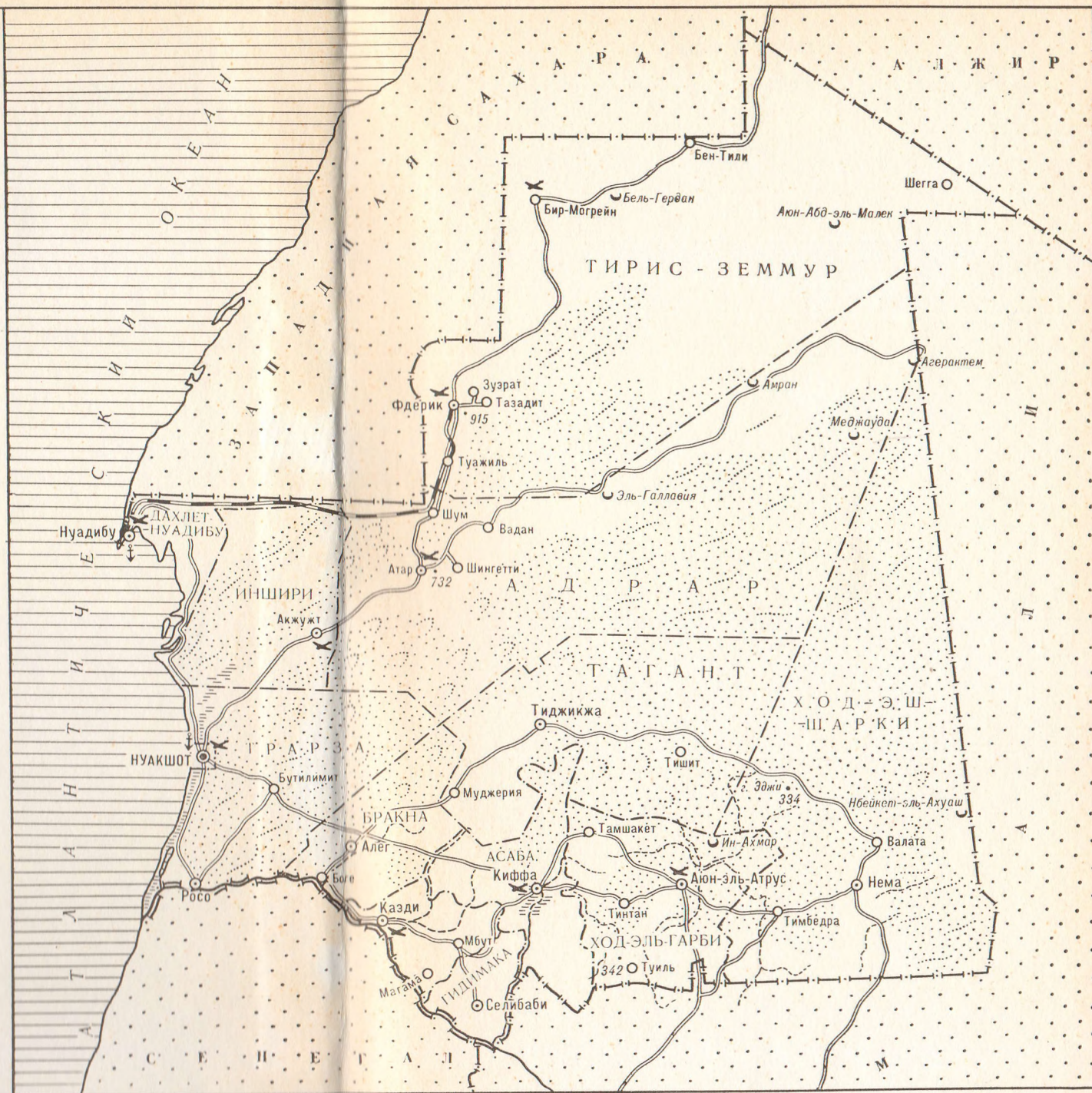
Пески

Колодцы

Отметки высот

Реки пересыхающие

80 0 80 160 км

ИСТОРИЯ СТРАН АФРИКИ

Серия основана в 1981 г.

Редакционная коллегия:

Ан. А. Громыко (ответственный редактор),
А. М. Васильев, А. Б. Давидсон,
Р. Н. Исмагилова, А. Б. Летнев,
Д. А. Ольдерогге, А. С. Покровский,
Л. Н. Прибытковский, Г. Б. Старушенко,
В. А. Субботин, А. Ю. Урнов

Л260 740
Ю. В. Луконин, Н. П. Подгорнова

ИСТОРИЯ МАВРИТАНИИ

в новое
и новейшее
время

Москва

Главная редакция восточной литературы

1991

Редактор тома
А. Б. ЛЕТНЕВ

Редактор издательства
Г. М. КОЗЛОВСКАЯ

- Л84 Луконин Ю. В., Подгорнова Н. П.
История Мавритании в новое и новейшее время.— М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1991. — 199 с.
ISBN 5-02-017130-1

Первый в советской историографии обобщающий труд о молодом государстве Северо-Западной Африки. В монографии комплексно исследуется широкий круг проблем Исламской Республики Мавритании. Наряду с политической историей большое внимание уделяется анализу социально-экономических процессов в кочевом, полукочевом и оседлом обществах, оценке позиций социальных групп на различных этапах исторического развития, изучению состояния национальной культуры и особенно методов ее возрождения и становления в годы независимости.

Л 0503030000-107 142-91
013(02)-91

ББК 63.3 (6Ма)

ISBN 5-02-017130-1

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1991

Независимость Исламской Республики Мавритании (ИРМ) была провозглашена 28 ноября 1960 г., т. е. в год, известный в мировой истории как «год Африки». Этот акт был закономерным и неизбежным итогом 60-летней борьбы народов страны против чужеземного господства.

Суровый климат, недостаток плодородных и удобных земель, острый дефицит пресной воды, необходимой для жизнедеятельности человека и нормального функционирования всех видов хозяйства, стойкий дух сопротивления мавританцев иностранным поработителям делали Мавританию в колониальный период малопривлекательной и «бесперспективной» для монополистического капитала Франции и других держав. Даже среди крайне бедных колоний бывшей Французской Западной Африки (ФЗА) Мавритания слыла «Золушкой». В колониальных кругах метрополии страну пренебрежительно именовали «вакуумом», а ее администрацию — «администрацией вакуума» [44, с. 2; 127, с. 116; 98, с. 279—280]. Поэтому вплоть до 60-х годов XX в. она оставалась примерно на том уровне развития, которого достигли ее народы к концу XIX — началу XX в.

Тем не менее метрополия цепко держала в своих руках Мавританию, главным образом из-за стратегического положения: близость к морским и воздушным путям из Европы в Азию и Америку, вхождение в состав компактных французских владений от Атлантики до Судана, от Средиземного моря до Гвинейского залива. Мавритания находилась как бы в тылу таких исключительно важных для Франции территорий, как Марокко, Алжир, Сенегал. Париж учитывал также потенциальные возможности будущей эксплуатации природных и людских ресурсов страны.

ИРМ расположена на северо-западе Африки, по обе стороны Северного (Рака) тропика: к северу от него — меньшая ее часть, к югу — большая. Площадь страны — 1 032 455 кв. км — почти вдвое больше площади Франции. Протяженность территории с юга на север (между 14° и 27° с. ш.) — около 1500 км, с востока на запад (между 5° и 17° з. д.) — 1200 км. Граничит на юге с Сенегалом, также на юге и на востоке — с Мали, северо-востоке — с Алжиром, на северо-западе — с бывшей Испанской Сахарой.

Страна крайне бедна водными ресурсами. Постоянный водоток имеют только пограничная на юге р. Сенегал и ее правые притоки Каракоро, Ниорде, Горголь. Паводковые воды этих рек в зависимости от количества выпадающих атмосферных осадков

затопляют в правобережье пойму от 100 тыс. до 250 тыс. га. После схода паводка на заливных участках (вало, или уало) выращиваются сельскохозяйственные культуры. В большинстве же областей поверхностные воды появляются только в сезон дождей (июль — октябрь). Они заполняют русла уэдов (вади), впадины. Большая часть их испаряется, меньшая впитывается почвой и какое-то время сохраняется. На юге имеется несколько мелководных озер (самое крупное — Ркиз) и непересыхающих болот (наиболее обширное — Канкоса). В оазисах горных областей Адрар и Тагант встречаются выходы на поверхность подземных вод. Однако и в оазисах и вне их пресную воду поднимают в основном из колодцев с помощью примитивных приспособлений.

Для рельефа Мавритании характерны низменные и возвышенные равнины, невысокие плато (редко выше 400—500 м над уровнем моря). На западе внутренние районы отделяют от океана тянущиеся на сотни километров гряды песчаных дюн (Акшар, Азефаль). На востоке и северо-востоке — огромное скопление грядовых песков (в основном северо-восточного направления). Они образуют эрги (арабское название песчаных пустынь, расположенных в понижениях рельефа) Варан, Игиди, аль-Джуф. На северо-востоке простираются также хаммады, или реги, — обширные каменистые и щебнистые пустыни.

Центральную часть занимает песчаниковое плато Адрар («гора» по-берберски, высшая точка Амозагга, 732 м). К юго-востоку от Адрара расположены такие же песчаниковые плато Тагант («лес» по-берберски) и Асаба (высота обоих — 300—400 м). Все плато изрезаны уэдами и ущельями. Их края, особенно северный и западные, имеют крутые, иногда с отрицательным углом наклона, обрывы. Некоторые из них — Дахр Валата, Дахр Тишит, Дахр Нема, аль-Хосейра — тянутся на десятки и сотни километров. Крайний северо-запад занимает горная страна Земмур (высота 600—800 м).

В различных частях Мавритании встречаются протяженные впадины, образованные пресными водами (их называют «дайи»), а чаще солеными (себхи, или шотты). Среди последних крупнейшие Ндагамша, Умм-эд-Друс-Телли, Умм-эд-Друс-Гебли, Иджиль.

Около трети территории занимают низменности. Наиболее обширные Аукер (к востоку от Таганта), аль-Хаммами, Галламан и Карет (севернее и южнее 24° с. ш.).

Морское побережье в основном низменное и выравненное. Берега слабоизрезанные. Имеются заливы и бухты, но вход в большинство тех и других запирают песчаные отмели. Только бухта Нуадибу может принимать морские, в том числе крупные, суда. К югу от этой бухты находятся несколько островов, из которых наиболее известные — Тидра и Арген.

Мавритания входит в зону тропического, очень жаркого и засушливого климата. Количество выпадающих атмосферных осад-

ков убывает с юга на север: с 600 мм в области Гидимака до 100 мм в Адраре, 50—55 мм — в пункте Бир-Могрейн, 20—30 мм — в пункте Шегга. Среднегодовые температуры июля 30—32°C, среднегодовые января 16—20°C. Суточные колебания температур, особенно зимой, нередко достигают 30°C.

Страна подразделяется на три большие природно-климатические и почвенно-растительные зоны: саванну (или суданскую), сухую степь и полупустыню (или сахельскую), пустыню (или сахарскую). Сахара занимает около 60% территории Мавритании, примерно треть ее приходится на Сахель, а остальные 7—8% на суданскую зону. Особо выделяют приатлантическую область, климат которой несколько смягчает близость океана.

В течение года сменяют друг друга три сезона. Смену сезонов определяют господствующие в тот или иной период ветры. С ноября по февраль они дуют с севера и северо-востока, препятствуя проникновению в страну с юга влажных ветров Атлантики. В жаркий и сухой сезон (март—июнь) господствует харматан, дующий из Сахары в течение 120—150 дней. В этот сезон часты песчаные и пылевые бури, повышения температуры до +45°C. С июля по октябрь длится сезон дождей (его называют «зимний»). Юго-западные муссоны приносят в Мавританию, точнее, в ее южные области ливни и грозы.

Крайне бедны почвы и флора. Огромные пространства мавританской Сахары заняты песком и щебнем, встречаются оголенные скальные участки и солончаки. Из травянистых растений для нее характерны эуфорбии, злаковые, полынь. В низинах растут эфедра и арта, юба и сумак. В оазисах, в ложах уэдов и по их берегам — финиковые пальмы, некоторые виды акаций, тамариск. В полупустыне и сухих степях преобладают серо-коричневые и красно-бурые почвы. Здесь произрастают также различные виды акаций, в том числе камедной, и трав. Среди последних такие солелюбивые, как геттафа и аскафа. Границу между полупустыней (сухими степями) и пустыней обычно обозначает трава крам-крам.

В саванне, лежащей южнее 16-й параллели, большие площади заняты плодородными, приносимыми ежегодными паводками аллювиальными почвами. Из деревьев здесь распространены баобаб, тамариск, пальмы (финиковая, дум), акации (среди них и камедная). В сезон дождей появляются растения — эфемеры, чей вегетационный период продолжается всего несколько недель. По берегам р. Сенегал, ее притоков заросли мангровых деревьев и кустарника.

Фауна столь же бедна, как и флора. Ее не отличает ни богатство видового состава, ни многочисленность. Среди хищников реже встречаются крупные (львы, леопарды, пантеры, гепарды), чем мелкие (гиены, шакалы, лисицы-фенек). Из травоядных распространены газели, антилопы, горный козел (муфлон). Близ рек много кабанов и зайцев. Во всех природно-климатических зонах встречаются мелкие грызуны. Присутствуют следующие пресмы-

кающиеся: ящерицы, варапы, змеи, черепахи крокодилы (в р. Сенегал). Что касается птиц, то отметим редких ныне страусов, а также пустынного ворона, сахарского дрозда, ткачиков, диких цесарок, каменных куропаток. Разнообразен мир насекомых: в саванне — комары, москиты, муха цеце, в полупустыне и пустыне — пауки, скорпионы, жуки, муравьи. Нередко территория Мавритании подвергается опустошительным нашествиям саранчи. Во внутренних водоемах (реках, озерах) ловят пресноводных рыб (сом, рыба-капитан). А воды атлантического шельфа по праву считаются одними из богатейших в мире как по рыбным запасам, так и по их видовому составу.

Список полезных ископаемых небольшой, но мощность некоторых месторождений минералов имеет (или имела) большое промышленное значение. В районе Кедиа д'Иджиль с 1963 г. разрабатывались богатые залежи железной руды (запасы оценивались в 150—200 млн. т с 65%-ным содержанием металла). В настоящее время эти залежи почти истощены, что заставляет переходить к добыче более бедных месторождений и создавать производства по обогащению руды. Близ Акжужта еще в средние века было известно меднорудное месторождение. Его запасы оценивались в 500 тыс. т чистого металла, разработка началась в 1971 г. Залежи медной руды также в значительной степени истощены.

Среди других разведанных минералов промышленное значение имеют месторождения гипса (запасы — 4 млрд. т, находятся между Нуакшотом и мысом Тимирис), ильменита (к югу от м. Тимирис), фосфоритов (область между городами Каэди и Киффа), каменной соли. Велись изыскания на урановые руды и нефть (во внутренних районах и на атлантическом шельфе), на редкоземельные минералы. От обнаружения новых месторождений зависит дальнейшее экономическое и социальное развитие страны. Ведь доходы от эксплуатации минеральных ресурсов в годы стабильных мировых цен на сырье составляли 40—50% поступлений в государственный бюджет.

Географическая среда оказывает огромное воздействие на жизнь народов Мавритании. Численность населения оценивалась в 1985 г. примерно в 1,7 млн. жителей (средняя плотность — 16 человек на 10 кв. км; при этом если в сахарской зоне — только 1 человек, то в правобережье р. Сенегал — 350 человек на те же 10 кв. км). Прирост населения в 1973—1983 гг. находился на уровне 2,7% в год. Крайне неравномерно географическое распределение населения. 80% живут на одной седьмой территории (южнее 17-й параллели. Однако 20% из их числа размещаются на узкой полосе вдоль р. Сенегал и 30% — в юго-западной части области Ход.

Объективные процессы социально-экономического развития вызвали частичный и численно незначительный отход сельского населения в города и промышленные анклавы. Но жестокие засухи 70—80-х годов резко ускорили эти процессы. С 1965 по

1985 г. численность скотоводов кочевников и полукочевников сократилась с 83 до 15%, а население городов резко увеличилось. В первую очередь это коснулось столицы Нуакшота (в 1965 — около 6 тыс., в 1987 г. — 600 тыс.), а также Зуэрата (45 тыс.), Нуадибу (22 тыс.), Каэди (21 тыс.), Росо (16,5 тыс.), Атара (15,3 тыс.). Численность трудоспособного населения в 1982 г. оценивалась в 850 тыс. человек, из которых 69% были заняты в сельском хозяйстве, 23% — в сфере услуг и только 5% — в промышленности [193, 15.11.1987].

Население Мавритании обычно делилось на две большие этнорасовые группы: на арабо-берберов (белых мавров, или аль-бейдан), принадлежащих к европеоидной расе, и негроидов (черных мавров, или ас-судан). Доля первых в 1985 г. оценивалась примерно в две трети, вторых — в одну треть. Если европеоидное население имеет однородный состав (в 1980 г. 70% — арабо-берберы), то негроидное более разнородное: в него входят тукулеры (в 1980 г. 16% населения страны), сараколе, или сонинке (около 7%), фульбе (около 5%), волоф, бамбара и др. (менее 2%) [7, с. 11, 12; 107, с. 70—75, 449—459]. Негроидные народы Мавритании до сих пор считают себя «расовым меньшинством», хотя правительство еще в 1967 г. объявило все население страны мавританцами, запретило его деление по этнорасовым, национальным или племенным признакам.

Подавляющее большинство населения (99,6%) исповедует суннитский ислам маликитского толка, который отличает строгая приверженность сунне (преданиям о деяниях пророка Мухаммеда, проповедях его и изречениях), являющейся одним из главных источников мусульманского права (шариата). Сильные позиции сохраняет суфизм (аскетическое движение, родившееся в раннем средневековье и включающее в себя ряд религиозно-философских систем), представленный различными дервишскими братствами (орденами). Христиан немного — 0,3%, в их числе европейцы (католики, протестанты), проживающие в стране, представители некоторых негроидных народов (прежде всего из волоф). Еще меньше последователей традиционных верований — 0,1%. Они встречаются среди сонинке, бамбара, волоф, тукулеров. Но доисламские представления сохраняют и арабо-берберы: верят в магическую силу амулетов, которые изготавливают представители традиционного мусульманского духовенства (марабуты) и которые они освящают своим благословением (барака) [7, с. 21, 24, 25; 16, с. 68; 146, с. 118—121].

Население Мавритании формировалось более 20 столетий. Последние миграции на территорию страны относятся к концу XIX в. (племена улад бу сба из Южного Марокко). Население состоит из двух больших групп: 1) белых скотоводов кочевников и полукочевников, потомков берберских (их вторжение восходит к III—IV вв. н. э.) и арабских, или хасанских (их завоевание страны происходило в XV—XVII вв.), племен; 2) черных оседлых земледельцев, чьи предки (бафур, гангара, позже — текрур)

занимали области вплоть до гор Атласа, но затем отступили к р. Сенегал в результате, с одной стороны, опустынивания западносахарского региона, а с другой — натиска более сильных в военном отношении берберов-санхаджа и позже арабов (ветвь племен макиль — племенной союз бани хасан). Каждая группа имела специфический образ жизни, особые, свойственные только ей формы и методы ведения хозяйства, общественно-политические структуры. Внешне они как бы противостояли друг другу, поскольку имели существенные различия. Некоторые западные ученые утверждают, что черные земледельцы долины р. Сенегал были объектом грабительских походов арабо-берберов, что между двумя группами существовала постоянная вражда. В действительности же обе группы дополняли друг друга экономически, нередко взаимодействовали политически, обменивались теми или иными элементами материальной и духовной культуры [105, с. 622; 126, с. 22—26; 38—44]. Происходило также смешение этносов, принадлежащих к обоим группам.

Неверны также утверждения в отдельных западных трудах, что арабо-берберы отвергали оседлый и полuosедлый образ жизни [134, с. 37—75; 163, с. 213; 126, с. 72—122, 131—144]. В численном отношении доля «чистых» кочевников, находившихся в постоянном движении, уступала доле полукочевников и оседлых. Но и они нередко переходили на полукочевую хозяйственную деятельность: например, в засушливые годы спускались в саванную и даже в суданскую зоны, временно переходя на отгонно-пастбищное скотоводство.

Многие города и ксуры (укрепленные селения) были основаны арабо-берберами. В них формировались торговая и образованная прослойка населения. Начавшийся еще в XVII—XVIII вв. процесс оседания кочевников медленно, но неуклонно развивался. В колониальный период и после завоевания независимости его темпы ускорились, хотя ни колониальные, ни национальные власти специально не проводили политики перевода кочевников на оседлый образ жизни: процесс оседания был объективным.

Неправомерны утверждения и тех исследователей, которые противопоставляют негроидов современной Мавритании маврам, считая, что их ориентация в годы независимости имела «южное» направление. Центробежные, сепаратистские течения, конечно, существовали и существуют в правобережье р. Сенегал. Но негроиды Мавритании имеют много существенных особенностей, которые отличают их от соплеменников в Сенегале и Мали. Эти особенности порождены многовековыми тесными культурными, экономическими, политическими контактами с маврами. Специфика негроидного населения позволяет руководству страны рассчитывать на возможность использования языка хасания как общенационального, на дальнейшее сближение негроидов с маврами, на ускорение процесса формирования национальной общности в границах Мавритании. Поэтому лозунг первого президента ИРМ М. ульд Дадды, адресованный маврам и негроидам:

«Давайте вместе строить единое отечество!» — имеет под собой реальное основание.

Мавританию называют «соединительным мостом» между «белой» (Северной) Африкой и Африкой «черной» (Тропической), «местом встречи» различных цивилизаций [124, с. 218—219; 106, с. 235].

Действительно, арабская культура (ислам, язык, науки, литература и др.) начали проникать из Северной Африки в области Сахеля и Западного Судана с X и особенно с XI—XII вв. (эпоха Альморавидов). Завоевания арабов-хасанов в XV—XVII вв. ускорили процессы исламизации берберов, негроидов правобережья р. Сенегал, а также арабизацию берберских племен. В XVI—XIX вв. почти все берберы утратили свой язык (зенага, зенагия) и восприняли арабский диалект хасания, весьма близкий к классическому языку. Однако сам диалект обогатил свой словарь за счет зенага и языков негроидов (названия многих растений, животных, географических местностей). А арабы-хасаны восприняли различные элементы материальной и духовной культуры берберов и негроидов. Уже тогда, в XV—XVI вв., начался процесс складывания этнической общности, которая в новейшее время получила название «мавры». В этом процессе участвовали арабы-хасаны, берберы, негроиды долины р. Сенегал.

В Мавритании сохранились уклады доколониального общества: патриархально-феодальный, полунатуральный и в отдельных областях натуральный. Они существуют, нередко переплетаясь и накладываясь один на другой, с мелкотоварным и частнокапиталистическим. Последний и государственно-капиталистический оказывают возрастающее воздействие на жизнь страны.

В годы независимости руководство ИРМ взяло курс на перестройку отсталой структуры хозяйства, на становление многоотраслевой экономики на базе государственного сектора, планирования экономического и социального развития. Были национализированы (на условиях полной компенсации) иностранные компании, введена монополия на эксплуатацию минеральных ресурсов, контролировались внешняя торговля, финансы, страховое дело. В конце 60-х — начале 70-х годов политика поддержки государственного сектора сочеталась с политикой поощрения смешанной экономики (с участием частного иностранного и национального капитала), в которой, однако, контроль сохранялся за государством. Сильные позиции в экономике страны по-прежнему сохраняют иностранные компании, особенно французские. Эти позиции могут, видимо, усилиться в результате принятого властями в 1979 г. решения о децентрализации контроля над государственными предприятиями с целью передачи их в руки частного капитала. Частный национальный капитал действует главным образом в обрабатывающей промышленности, жилищном строительстве, автотранспорте [27, с. 81, 83, 106].

Мавритания — аграрная страна. В сельском хозяйстве, кото-

рое по преимуществу входит в традиционный сектор экономики, занято около 70% самодеятельного населения. Однако его доля в создании валового внутреннего продукта в 1984 г. составляла всего 33,8% [2, т. 2, с. 93]. Правительство предпринимает меры для развития современного сектора сельского хозяйства. В 1982 г. было принято решение о проведении аграрной реформы, а в 1984 г. введено новое земельное законодательство. Но несмотря на принимаемые меры, производство зерна лишь на одну треть покрывает потребности страны (остальные две трети обеспечиваются за счет импорта и иностранной помощи).

Доля промышленности и строительства в ВВП сравнительно высока — 25% (1986 г.). Вывоз минерального сырья дает 50—60% экспортной выручки. Из крупных предприятий горнодобывающей промышленности следует назвать рудники по добыче железной (Кедиа д'Иджиль) и медной (Акжужт) руд. Мощность шести рыбоперерабатывающих заводов в Нуадибу превышает 300 тыс. т в год. В пищевой и легкой промышленности приоритет отдается строительству средних и мелких предприятий, не требующих крупных инвестиций [2, т. 2, с. 93; 7, с. 97—99, 109].

В 1982 г. начал работать нефтеперерабатывающий завод в Нуадибу (производительность 1 млн. т в год), в 1980 г. в Барни и в 1981 г. в Нуакшоте введены в строй цементные заводы (мощность первого — 100 тыс. т, второго — 70 тыс.). Заметно выросла численность рабочего класса: с 3 тыс. в конце 60-х годов до 30 тыс. в начале 80-х [7, с. 16—17].

На карте Африки Мавритания как административная единица появилась в конце XIX — начале XX в. в качестве «гражданской территории», владения Франции. В 1920 г. она была объявлена колонией, до 1946 г. входившей во Французскую Западную Африку. В 1946 г. Мавритания получила статус «заморской территории» в составе Французского союза, а с 1957 г. стала автономной Исламской Республикой Мавритания, членом Французского Сообщества.

Колонизаторы объединили на одной территории население с различной этнорасовой принадлежностью. Кроме того, многие племена мавров и негроидов были рассеяны колониальными границами. Не менее 20% мавров жили в Испанской Сахаре (западные регейбат, уяяд делим), Мали (кунта), Марокко (текна), Алжире (восточные регейбат, таджакант). Негроиды — тукулеры, сонинке, фульбе, волоф, бамбара — оказались в Мавритании на положении этнорасового меньшинства. В одном геополитическом комплексе были объединены скотоводы-кочевники (мавры) и оседлые земледельцы. В плане историческом, социальном, культурном первые были отрезаны от Магриба и арабского мира, вторые — от Черной Африки. Колонизаторы оправдывали свои действия как политическими (интеграция), так и экономическими (скотоводы и земледельцы друг без друга не проживут) причинами. Однако сложившаяся этнорасовая ситуация использовалась ими прежде всего в своекорыстных целях.

Под предлогом «защиты» негроидов от мавров делались попытки противопоставить их друг другу. Однако достичь этого в полной мере им не удалось. В 40—50-е годы XX в. ускорился процесс сближения негроидов и мавров. Например, в 1955 г. до 100 тыс. мавров постоянно проживали в правобережье р. Сенегал. А негроиды селились в новых административных и экономических центрах всей Мавритании. Сама жизнь подвела мавров и негроидов, которые разделили общую судьбу подчинения Франции, к необходимости вести совместную освободительную борьбу.

Название «Мавритания» начало употребляться колониальным ведомством Франции в 1899 г. [115, с. 67; 126, с. 12—13]. Тогда же большинство жителей страны получили официальное наименование — мавры. Откуда произошли оба эти термина? Ведь они не были ни арабскими, ни берберскими, ни негрскими. Вплоть до начала XX в. самоназвания «мавры» не существовало: арабы-берберы именовали себя «аль-бейдан» («белые») в отличие от «ас-судан» («черные») — негроидов правобережья р. Сенегал.

Французский исследователь Д. Жак-Менье утверждает, что термины «мавр», «Мавритания» применялись еще в античную эпоху. И своим происхождением они будто бы обязаны имени древнего, но исчезнувшего финикийского племени. Правители Карфагена распространили оба термина на весь Магриб. Эти наименования восприняли римляне, захватившие Северную Африку [133, с. 13—14] (I в. н. э.). Они создали в Магрибе две провинции, которые на латинском языке назывались «Мавретания Тингитанская» (нынешнее Северное Марокко) и «Мавретания Цезарейская» (нынешний Северо-Западный Алжир) [2, т. 2, с. 85; 127, с. 19—20]. В средневековой Европе «маврами» называли мусульманских завоевателей Иберийского полуострова, а также и жителей Магриба. В новое время так стали называть уже всех мусульман Северной и Западной Африки.

Английский исследователь Стюарт также считает, что термин «мавр» происходит от латинского. В разное время он применялся к мусульманам, проживавшим от Андалусии (Испания) до р. Сенегал. Но Стюарт утверждает, что «аль-бейдан», как называли себя мавры, носило не только этнорасовый, но и социально-классовый характер. Это название принадлежало господствовавшим слоям населения (в XIX в. — 20%), независимо от цвета кожи. Именно социальная принадлежность определяла, кто «аль-бейдан», а кто «ас-судан» (в XIX в. вторых было 80%) [161, с. 377].

Преобладающей социально-экономической спецификой Мавритании как нового, так и значительной части новейшего времени было кочевничество, как особая форма хозяйственной деятельности и связанного с ней образа жизни. Для него были характерны специфические явления материальной и духовной культуры, устойчивое сохранение племенной структуры.

Издrevле у кочевников (арабо-берберов) были развиты частная собственность на скот и общинная форма собственности на пастбища и источники воды. Но уже в начале нового времени

крупные вожди и знать, используя политическую и экономическую власть, захватывали лучшие пастбища. Веками существовавшие патриархальные формы рабства дожили до начала 80-х годов XX в.

Вместе с тем на примере Мавритании видны сущность и характер общественного разделения труда, которое порождало необходимость экономических, политических, культурных связей между маврами-скотоводами и негроидами — земледельцами долины р. Сенегал. Мирные в основном отношения иногда нарушались враждебными столкновениями, которые, однако, не носили преимущественно этнорасового характера, как нередко изображается в некоторых трудах западной исторической литературы. Во-первых, негроиды долины в массе своей исповедовали ислам и поэтому для арабо-берберской верхушки отпадал предлог совершать походы под знаменем «священной войны» (джихада), во-вторых, арабо-берберы и негроиды, нуждаясь друг в друге экономически, поддерживали регулярный торговый обмен, в-третьих, те и другие участвовали в транссахарской торговле, а поэтому были заинтересованы в ее стабильности.

Для Мавритании нового и отчасти новейшего времени было свойственно крайне замедленное развитие социально-экономических процессов. Например, ремесло так и не отделилось от скотоводства и земледелия. Оно скорее обособилось, став делом профессиональных каст. Другой причиной медленных темпов развития было отсутствие крупных городов, сильных торгово-предпринимательских слоев. Его тормозили также крайняя неразвитость товарно-денежных отношений, широкое распространение и живучесть подневольного труда рабов и зависимых слоев. На неразвитость товарно-денежных отношений указывает отсутствие такого «могущественного оружия» (выражение Ф. Энгельса), как деньги. До 1919 г. денежную форму принимали различные «товары», в том числе скот, соль, рабы и др.

Уже в недрах общества империи Альморавидов (XI—XII вв.) начали зреть (под воздействием арабского и южноевропейского феодализма) раннефеодальные отношения. После вторжения арабов-хасанов из Марокко в Мавританию в конце XV — начале XVI в. развитие раннефеодальных отношений ускорилося. Старые источники доходов вождей, носившие характер дофеодальных (кормление, полюдь, военная добыча, эксплуатация военнопленных, обращенных в рабов), заменялись или дополнялись новыми. Верхушка жила также за счет даней, собиравшихся как со скотоводческого берберского, так и с земледельческого негроидного населения. Ее власть в XVIII—XIX вв. уже зиждилась на военном господстве и внеэкономическом принуждении. Развитие феодальных отношений в Мавритании шло не вглубь (эксплуатация собственных общинников, соплеменников), авширь (изъятие дани у соседних неарабских племен). Отношения арабской военной «аристократии» с подчиненными племенами берберов и негроидов можно характеризовать как вассалитет, основанный

не на свободном договоре (как в обществах развитого феодализма), а на военном принуждении, когда вожди покоренных племен обязывались платить натуральную дань.

На первых порах арабские завоевания не были прочными. Вассалы часто поднимали восстания, пытались избавиться от зависимости. Поэтому «сюзеренитет» правителя-эмира (эмираты возникли в конце XVII — начале XVIII в.) выражался в его военном могуществе, его способности держать в подчинении любого вассала. Основной формой его управления были постоянные походы, нередко принимавшие характер набегов как с целью сбора дани, так и с целью захвата добычи. Постоянного войска не было: его роль в покорении и подчинении соседа выполняло арабское племя, военным ядром которого оставалась дружина. Поэтому «дворы» эмиров и крупных вождей нередко представляли собой походные военные лагеря.

Военная верхушка имела и другие источники доходов. Через территории племен проходила караванная торговля. Эмиры и вожди облагали караваны пошлинами, торговали сами, получая прибыль как путем обмена местных товаров (большая доля приходилась на «реэкспорт» золота и рабов из междуречья Сенегала и Нигера), так и путем взимания пошлин (в том числе с европейцев).

Углубление феодальных отношений порождало антифеодальные протесты: религиозно-реформаторская война берберов (1644—1677), восстания тукулеров Фута Торо в конце XVIII в., еретические движения под лозунгами возврата к «чистоте» первоначального ислама.

Становление феодальных отношений происходило в условиях крайне устойчивых первобытнообщинных отношений. А в периферийных областях Мавритании процесс разложения последних продолжался и в новейшее время.

Формирование феодального уклада сопровождалось (и в какой-то мере маскировалось) складыванием сословно-кастовой структуры и деятельностью религиозных (дервишских) братств. На развитие социальных процессов оказывали воздействие этнические (соседство «белой» и «черной» рас) и религиозные факторы. Социальное расчленение общества в большой степени совпадало с этнорасовым. Приниженное положение каст, вызванное выполнением профессиональных функций (ремесленники, гриоты, охотники, морские рыбаки), не в последнюю очередь определялось принадлежностью большинства их членов к «черной» расе.

Касты имели различия и сходства с индийскими. Каждый человек («белый» и «черный») принадлежал к той или иной касте. Кастам были присущи иерархия, отделение одна от другой, разделение труда. Несколько иной была субординация на вершине пирамиды: марабуты стояли на ступень ниже воинов (в Индии, наоборот, брахманы находились выше кшатриев). В отличие от кшатриев занятия воинов ограничивались только военным делом.

В то же время характер деятельности марабутов и брахманов был во многом идентичным. Социальные и политические границы между сословиями-кастами в Мавритании были менее жесткими, чем в Индии. Отсутствовало (по крайней мере внешне) противопоставление «чистых» «нечистым», «неприкасаемым». Допускались межкастовые браки: дети приобретали статус сословия-касты отца. Разделение труда (в том числе профессиональная специализация) не соблюдалось строго. Имелись случаи добровольного перехода из статуса высшей касты в статус низшей отдельных лиц и целых групп («воинов» в «марабуты»).

Для Мавритании доколониального и колониального периодов была характерна межплеменная разобщенность. Каждое племя чаще всего исходило из собственных интересов. Редкими были совместные действия ради общей конечной цели. Союзы легко создавались и так же легко распадались. Отсутствовало политическое единство. Династические распри в эмиратах и государствах правобережья ставили под вопрос само существование этих хрупких государственных образований. Именно отсутствие единства между племенами было главным тормозом на пути создания в новое время крупного государственного образования в Мавритании.

XV век в истории Мавритании занимает особое место. Во-первых, в страну вторглись арабы — племенной союз бани хасан. Если до этого влияние ислама и арабской культуры на коренное население оказывалось косвенно, опосредованно, то теперь оно стало прямым. Вторжение арабов ускорило формирование раннефеодальных отношений. Во-вторых, на мавританском побережье обосновались европейцы-португальцы. В XVII в. за Португалией последовали Голландия, Франция, Англия, которых наряду с золотом, экзотическим сырьем — камедью интересовали и рабы. Страна постепенно становилась перевалочным путем, по которому перевозились золото (из междуречья Сенегала и Нигера), рабы, ценное в то время растительное сырье — камедь (гуммиарабик).

Борьба европейских государств за контроль над побережьем Мавритании продолжалась почти два столетия и завершилась в 10-е годы XIX в. Согласно Парижскому договору 1814 г. Мавритания была включена во французскую «сферу влияния». Более 80 лет Франция готовила условия для оккупации страны. Но когда в начале XX в. приступила к вторжению, то столкнулась с ожесточенным сопротивлением ее населения. Подчинение Мавритании потребовало от Парижа больших, прежде всего военных, усилий и затянулось более чем на 30 лет (с 1904 по 1936 г.). Поэтому «мирный» период господства Франции в этой стране продолжался менее четверти века.

До 1946 г. Мавритания была «забытой» колонией. Являясь фактически частью своеобразной сенегало-мавританской «федерации», она не имела своего бюджета и статистики, ее центральные административные органы находились на сенегальской тер-

ритории. Естественно, программы развития страны составлялись с учетом главным образом интересов колонизаторов. Конечно, Франция установила в Мавритании «закон и порядок» (межплеменные войны были прекращены), используя давно апробированный принцип «разделяй и властвуй». Противопоставляя друг другу мавров и негроидов, одни социальные группы другим, одновременно сохраняла и использовала в своих интересах существовавшие социально-классовые структуры. Хотя работорговля была запрещена, сами институты рабства и полурабской зависимости (вольноотпущенничества) не были упразднены. Отменив феодальную дань одних племен (марабутских) в пользу других (воинов), колонизаторы заставили третьих (зенага) выкупить ее (у воинов).

Мавритания вступила на путь независимого развития, фактически не имея рабочего класса, национальной буржуазии, национальной интеллигенции, а также современных государственно-политических институтов. Молодому государству пришлось начинать почти с нуля. В начале 70-х годов правительство провело серию реформ, призванных обеспечить подъем экономики и культуры страны. Вся жизнь страны контролировалась партией мавританского народа (ПМН), ее лидером, президентом ИРМ Моктаром ульд Даддой. Силы, которые могли бы бросить серьезный вызов режиму, были слабы и к тому же расколоты.

В 1975 г. правящий режим пошел на резкое изменение внешнеполитического курса: он принял участие вместе с Марокко в разделе бывшей Испанской Сахары. Этот курс привел страну на край подлинной катастрофы. Пример Мавритании (как, впрочем, Сомали, Уганды, Марокко) показал, к каким тяжелым последствиям ведут нарушения принципов самоопределения народов, международного права, решений ООН, Движения неприсоединения, ОАЕ. Режим, продемонстрировавший неуважение к этим принципам и решениям, нанес ущерб международному престижу страны. Непосильные военные расходы подорвали и без того хрупкую экономику. Несправедливая война с Фронтом ПОЛИСАРИО привела к расколу общества: недовольство режимом нарастало как среди мавров, так и особенно среди негроидов.

В июле 1978 г. правительство Моктара ульд Дадды было свергнуто, к власти пришла армейская верхушка. Главной задачей созданного Военного комитета национального возрождения (ВКНВ), а с апреля 1979 г. — Военного комитета национального спасения (ВКНС) был объявлен выход из войны в Западной Сахаре. После борьбы, сопровождавшейся переменами в военном руководстве, ВКНС в августе 1979 г. подписал мирный договор с Фронтом ПОЛИСАРИО и эвакуировал южную часть Западной Сахары (кроме городка Ла-Гюэра, м. Блан).

Процесс преодоления негативных последствий участия в сахарском конфликте потребовал огромных усилий. Задача возрождения экономики наталкивалась на острую нехватку финан-

совых средств. Пришлось издать в 1979 г. более либеральный кодекс инвестиций, ужесточить режим экономики, сурово пресекать коррупцию, разбазаривание государственных средств. Военные власти приступили также к осуществлению реформы системы образования, объявили о проведении аграрной реформы в «интересах тех, кто работает на земле», приняли декрет об окончательной отмене рабства, опубликовали хартию, предусматривавшую введение многопартийной системы и переход к гражданским формам управления (он был формально осуществлен в декабре 1980 г.).

Либерализация экономической политики, однако, не привела к ощутимым сдвигам. Неудовлетворительно выполнялись социально-экономические программы. Особенно тяжелое положение сложилось в сельском хозяйстве, пострадавшем от многолетней засухи. Ухудшилось материальное положение большинства населения. Все это не могло не вызвать роста недовольства масс. Ширилось забастовочное движение, множились выступления студентов и учащихся. Росли ряды оппозиции. Чтобы контролировать политическую обстановку, правящие круги наряду с частичными уступками трудящимся нередко прибегали к репрессиям. А когда ни то ни другое не дало ожидавшихся результатов, ВКНС 12 декабря 1984 г. осуществил очередную смену лидеров: на посту председателя комитета Мухаммеда Хуну ульд Хейдаллу сменил Маауя ульд Сиди Ахмед Тайя [7, с. 68].

Оздоровление экономики и финансов предусматривалось в рамках плана социально-экономического развития на 1985—1988 гг. Выполнение этого плана призвано было не только стабилизировать к концу 80-х годов экономику, но и подготовить условия для ее дальнейшего роста. Особое внимание уделялось решению продовольственной проблемы. В 1984—1986 гг. были проведены массовые кампании «зеленый пояс» (борьба с опустыниванием) и «возвращение на землю» (восстановление земель, покинутых крестьянами из-за засухи).

В области внешней политики новое руководство обещало уважать обязательства, взятые Мавританией, поддерживать справедливую борьбу арабских народов, особенно дело арабского народа Палестины. 27 февраля 1984 г. оно признало Сахарскую Арабскую Демократическую Республику (САДР), высказывалось за мирное решение сахарского конфликта путем проведения референдума среди народа Западной Сахары. В феврале 1989 г. Мавритания стала одним из учредителей Союза Арабского Магриба — региональной организации в составе Алжира, Ливии, Марокко, Туниса, Мавритании.

В предлагаемой читателю монографии написаны: введение — Ю. В. Луконым и Н. П. Подгорновой, главы I, II, III, IV — Ю. В. Луконым (в IV частично использованы материалы Н. П. Подгорновой), V и VI — Н. П. Подгорновой. Научно-техническая подготовка издания осуществлена Н. И. Рогожиным и В. П. Хохловой.

ДОКОЛОНИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ МАВРИТАНИИ (XVII—XIX вв.)

Местное общество на рубеже нового времени

Многочисленные миграции и вторжения, возникновение и распад государств и «империй» в приатлантической Сахаре, Сахеле и долине Сенегала оказали воздействие на этнический состав населения Мавритании, и особенно на структуру ее общества.

В формировании социальной структуры особое место занимали факторы этнорасового происхождения. До III—V вв. н. э. область от р. Сенегал до предгорий Атласа была заселена негроидами. К тому же периоду относится начало миграций из Северной Африки к югу берберских племен, отступавших под натиском вандалов. С началом миграций берберов совпал новый цикл усыхания Сахары. Земледельческие негроидные племена были вынуждены отходить к долине р. Сенегал или концентрироваться в оазисах.

Мигрировавшие из Магриба кочевники-берберы принадлежали к двум большим союзам племен — зената (зенета) и санхаджа (на некоторых европейских языках — зенага). Эти союзы враждовали друг с другом. Более сильные зената заняли области Южного и Восточного Марокко, Западного Алжира и закрыли санхаджа доступ в Магриб. Поэтому миграции санхаджа были возможны только в одном направлении — к югу, т. е. в направлении территорий, занятых негроидами. Одни негроидные племена ушли в долину Сенегала, другие остались на месте, подчинившись санхаджа. Тех негроидов, которые покорились добровольно, племенная верхушка санхаджа обложила данью. А тех, кто оказывал сопротивление, берберы захватывали в плен и обращали в рабство. Уже тогда — с V по XI в. — происходило становление социальных и политических различий между «белыми» (берберами) и «черными» (сонинке, волоф и др.).

Имелись различия и этнического характера. Вражда между санхаджа и зената не прекращалась. Она влияла также на формирование социальных отношений. Пленных — мужчин и женщин — обращали в рабов; их эксплуатировали в домашнем хозяйстве (уход за скотом). Родо-племенная верхушка санхаджа обогащалась за счет как военной добычи, так и эксплуатации рабов — черных и белых. Таким образом, в V—XI вв. складыва-

лись отношения угнетения и эксплуатации, которые имели нередкую этнорасовую окраску.

После завоевания Северной Африки арабами (конец VII — начало VIII в.) в приатлантическую Сахару стал проникать ислам. В северной ее части возникли хариджитские города-государства. Один из них — Сиджилма — превратился в крупный центр транссахарской торговли, караванные пути которой проходили через Мавританию. Одним из этапов ее был Аудагост (ныне Тегдауст в области Аукер). И хотя ислам до XI в. не получил в Сахаре распространения, он вызвал интерес у верхушки берберских племен. Этот интерес, а позже восприимчивость к монотеизму (до ислама среди берберов имел некоторое распространение иудаизм) были новым свидетельством процесса разложения первобытнообщинного строя и складывания раннеклассовых отношений.

События второй половины XI в. в Мавритании напоминают события VII в. в Аравии при зарождении мусульманской религии [129, с. 5; 44, с. 61]. Ислам в приатлантической Сахаре способствовал политическому объединению племен санхаджа, началу джихада («священной войны») против «неверных», который привел к созданию огромной империи Альморавидов, простиравшейся от р. Сенегал на юге до р. Эбро (Пиренейский полуостров) на севере.

Трудно сказать, какое направление приняло бы развитие Мавритании, если бы Альморавиды не разделились на два потока: первый (его возглавил Абу Бакар ибн Омар) устремился на юг против империи Гана, второй (во главе с родственником Абу Бакара Юсуфом ибн Ташфином) начал завоевание Магриба [105, с. 42]. Со временем, а особенно после гибели Абу Бакара, Альморавиды уделили главное внимание Магрибу и Испании. А Мавритания, их колыбель, стала периферией, что означало замедление темпов формирования в ней новых общественных структур.

Традиция утверждает, и некоторые европейские ученые соглашаются с ней, что еще в XI в. Абу Бакар, перед тем как отправиться в завоевательные походы, будто бы разделил берберское общество на три большие социальные группы: людей сабли (воинов), людей книги (марабутов), людей труда [107, с. 28, 164—166; 190, 24—25.02.1983]. Соответственно подразделялись социальные, политические, экономические функции групп как по вертикали, так и по горизонтали. Первые две образовали господствующий верхний слой, внутри которого преимущество имели воины, последний — эксплуатируемую массу, в которой земледельцы и ремесленники были «свободными», вольноотпущенные (харатины) — зависимыми, а на низшей ступени лестницы стояли рабы. Так в XI—XII вв. в Мавритании начал складываться сословно-кастовый социальный порядок, характерный для раннефеодальных отношений.

Альморавиды покорили и разграбили Гану и ее вассалов, ус-

тановили контроль над транссахарской торговлей. Племенная верхушка приобрела материальные ценности, рабов. Негроидное население правобережья и отчасти левобережья Сенегала платило ей дань и подвергалось принудительной исламизации. Однако после гибели Абу Бакара в 1087 г. в Таганте между берберскими вождями начались раздоры, которые свели на нет успехи Альморавидов в Сахеле и долине Сенегала. Гана восстановила независимость, но не могущество (ее вассалы стали самостоятельными) [127, с. 27—28].

Династия Альморавидов пала в 1150 г. Она оставила свой след в берберском и негроидном обществах. Ощутимый толчок получили процессы социального расслоения. Позиции родо-племенной верхушки укрепились. Войны, сопровождавшиеся грабежом имущества побежденных и уводом их в рабство, обогатили формировавшуюся господствующую прослойку, уже владевшую функциями руководства и управления. Прерогативы власти стали передаваться по наследству. Народное собрание общинников со временем превратилось в собрание глав знатных семей.

Община, которая у кочевников-берберов была слабо организована, теряла свое значение. На передний план выдвигалась большая семья. В мирных условиях такие семьи жили на больших расстояниях друг от друга, между собой были непрочно связаны. Каждая семья занимала изолированный лагерь. По его размерам, качеству и убранству жилья (переносных шатров), количеству скота, численности домашней прислуги (харатинов, рабов) судили об имущественном, социальном и политическом положении семьи.

Большая семья состояла из малых. Последние были моногамными, патриархальными и патрилинейными. Но берберы-кочевники сохранили такой пережиток матриархата, как матрилокальный брак, когда девушка, выйдя замуж, до рождения первого ребенка продолжала жить у родителей и лишь потом перешла в семью мужа.

В основе больших семей лежало кровное родство, но состав населения лагеря уже давно вышел за границы такого родства. Помимо рабов и вольноотпущенников в лагере жили «чужаки», имевшие статус зависимых клиентов. Они подчинялись главе семьи и выполняли в его пользу различные обязательства. В крупных и богатых лагерях проживали ремесленники, гриоты и др., чей труд считался малопочетным, уделом людей, стоявших на низших ступенях общества.

Главным богатством кочевников-берберов считались скот и рабы. Богатые семьи владели крупными стадами. Десятки рабов и харатинов ухаживали за животными, охраняли их. Хотя характер рабства оставался патриархальным (домашним), эксплуатация рабов усиливалась по мере выделения господствующей верхушки и укрепления ее позиций. Постепенно развивался процесс преимущественного использования богатыми семьями лучших пастбищ и обильных источников воды.

Ислам, который приняла племенная верхушка, укрепил ее положение. Мусульманская религия оправдывала существование различий, освящала разделение общества на эксплуататоров и эксплуатируемых, санкционировала институты господства и подчинения. В руках верхушки религия становилась не только идеологическим, но и социально-политическим оружием. Ислам ускорил переход бесклассового общества берберов в стадию раннеклассовых отношений.

Социальная база верхушки расширилась за счет служителей культа (марабутов, толба). Это был новый привилегированный слой, который заметно утяжелил материальное бремя, ложившееся на плечи зависимых и бесправных групп населения.

Уже в ранний период (XI—XIII вв.) институты рабства и вольноотпущенничества породили такое негативное социальное явление, как пренебрежительное отношение кочевников-скотоводов к тяжелому физическому труду. Работа на земле и особенно ремесла считались занятием низших слоев населения. Ими должны были заниматься люди зависимые или рабы. А поскольку те и другие по большей части были выходцами из племен, населявших долину Сенегала, социальное пренебрежение к физическому труду приобретало еще и этнорасовый отпечаток. «Благородными» считались торговля, военные походы, деятельность религиозных проповедников и, конечно, разведение скота. Эти виды занятий принадлежали берберам-санхаджа, т. е. «белым», перечисленные выше «презираемые» виды — «черным». Так постепенно формировались этнокастовые и социальные отношения, которые получили дальнейшее развитие уже в последующий исторический период — в период завоевания приатлантической Сахары и Западного Сахеля арабскими племенами макиль, а точнее, их ответвлением — союзом племен бани хасан.

В стадии становления находилась и сословно-кастовая структура у негроидов правобережья Сенегала. Здесь самым крупным этносом были тукулеры, которые жили в области среднего течения реки, называемой Фута Торо.

Вопрос о происхождении тукулеров породил споры. Сами тукулеры называют себя либо «альпулярен» («хальпулярен») — говорящие на пуляр, либо «футанкобе» — живущие в Фута. Но на пуляр говорят и фульбе, а в Фута Торо живут также и другие этносы. Сам термин «тукулер» был французским вариантом терминов на языке волоф «текорор» (или «токолор») и на арабском «текрури», что означало «житель долины», области, известной до XV в. как государство Текрур.

Ученые пришли к выводу, что тукулеры — результат длительного смешения этносов, населявших долину Сенегала и в разное время приходивших туда. На это, считали они, указывает антропонимика. Тукулеры, у которых в именах встречаются слова «ба», «диалло», «сав», имеют предками фульбе, «фалл», «диак», «сарр» — серер, «диоп», «сек» — волоф, «сакко», «кебе» — сараколе (сонинке), «кейта», «траоре», «кулибали» — бамбара и ма-

линке, «си», «ли», «хамайти» — берберов. Принадлежность к предкам названных этносов наглядно прослеживается в кастах. Гриоты—певцы и ткачи связывали себя с малинке, ремесленники по дереву и сапожники, гриоты-гитаристы — с фульбе, кузнецы и ювелиры — с волоф и сонинке, хранители родословных — с серер.

Между этносами, населявшими долину Сенегала, часто велись войны. Арабские хроники сообщают, что в XII в. там на время утвердились фульбе, чьи вожди носили титул «лам» («правитель»; «лам Торо» — правитель Торо). В XIII в. долина подпала под власть мандингской империи Мали. С упадком Мали в XV в. здесь снова укрепились фульбе во главе с Тенгеллой. Однако вскоре правитель империи Сонгай (Гао) аския Мухаммед подчинил Тенгеллу, сделав его своим вассалом.

Лишь в начале XVI в. Коли Тенгелла (согласно традиции — приемный сын Тенгеллы) окончательно подчинил среднюю долину Сенегала власти фульбе, основал государство, получившее при нем название Фута Торо. Он же был основателем и фульбского государства Фута Джаллон. Фульбская династия правила в Фута Торо два с половиной века. Она покорила небольшие государства на левом берегу Сенегала, успешно отражала набеги берберов, а позже — арабов (бани хасан). Правители, носившие титул сатиги, наделяли представителей фульбской верхушки землями.

В результате почти пятивекового смешения автохтонных оседлых этносов с полукочевниками фульбе сформировался упомянутый выше новый этнос — тукулеры, говорящие на фульфульде. Низшее сословие и касты составляли автохтоны долины, высшие — потомки последовательно приходивших туда победителей и их местных союзников. Например, привилегированная группа рыбаков когда-то принадлежала к этносу серер, основная масса которого еще в XII в. мигрировала на юг нынешнего Сенегала. Оставшиеся в долине либо не сопротивлялись сменявшим друг друга победителям, либо вступали с ними в союз. Позже они также стали одним из составных элементов сформировавшегося этноса тукулер. Знать, окружавшая сатиги, состояла из потомков тех малинке, которые пришли в долину в период господства Мали. Стоявших высоко воинов ученые причисляют либо к потомкам мандингской знати, состоявшей при династии Кейта, либо к фульбе из дружины Коли Тенгеллы. Среди них, по-видимому, были и бывшие рабы, своими военными подвигами заслужившие освобождение и земельные пожалования.

Острота противоречий в обществе Фута Торо была связана с тем, что господствовавшая верхушка принадлежала к чуждому племени — фульбе. Правитель, военная знать угнетали сословия, принадлежавшие к тукулерам, и касты, сформированные по профессиональным признакам. Правитель избирался советом знати из представителей наиболее богатой и влиятельной семьи. Он опирался на эту знать и зависел от нее. В отношении угнетав-

шихся тукулеров фульбская верхушка выступала сплоченно, жестко подавляя восстания и справляясь с их участниками.

Фульбская династия вела войны с соседними негрскими государственными образованиями. Часто ей сопутствовал успех. Военная знать обогащалась за счет добычи. Победенные (среди них было государство волоф — Вало) платили ежегодную дань. Фута Торо успешно отражала набеги кочевников-берберов, нередко отвечая карательными экспедициями.

В годы правления фульбской династии среди тукулеров сформировался «оппозиционный» слой местного исламизированного крестьянства. Династия, отвергавшая ислам, испытывала возраставшее давление со стороны укреплявших свои позиции мусульманских общин.

В отличие от общества фульбе общество тукулеров вело оседлый образ жизни. Язык фульфульде у тукулеров отличался от фульфульде у фульбе словарем, синтаксисом, произношением. На него наложил свою печать многовековой процесс смешения тукулеров с волоф, серер, сонинке. Обычаи и нравы тукулеров также отличались от обычаев и нравов фульбе. Главными занятиями тукулеров были земледелие и рыболовство. Скотоводство считалось вспомогательным. Из ремесел относительно высокого уровня достигли кузнечное дело и ткачество.

Родство у тукулеров велось по мужской линии. Традиционно мужчина принадлежал к социальному слою (сословию, касте) отца и мужского предка. Браки, как правило, заключались строго в рамках этого слоя. Все члены по отцовской линии образовывали клан. Традиции (обычаи), а также родство по отцовской линии обуславливали право на обработку земельного участка и получение дохода от него, на участие в семейной «мастерской», на использование лодок и долю улова. Они же устанавливали обязательства: участие в расходах семьи на уплату выкупа и приданого, на похороны, на дары и т. д.

Тукулеры жили большими семьями, объединявшими три-пять поколений. Селение определяло права и обязанности каждой малой семьи, занимавшей отдельное жилище. Малая семья пользовалась экономической самостоятельностью, но между всеми семьями сохранялись узы взаимопомощи и солидарности.

Малая семья была патриархальной, патрилинейной, патрилокальной. Она была также полигамной, точнее, бигамной. Только богатые имели более двух жен. Главой семьи был мужчина (отец), который обладал абсолютной властью. Сыновья со своими женами и детьми оставались при отце, а дочери уходили в семьи мужей. Личное имущество и права на коллективное имущество переходили по мужской линии. Глава семьи подчинялся старейшине селения и старейшине клана, занимавшего несколько селений. Сохранялись некоторые пережитки матриархата: нередкими были еще матрилинейные, матрилокальные браки. Каждое селение возглавлял старейшина, или патриарх. Все решения он принимал лишь после консультации с главами малых семей. Он

подчинялся главе (старейшине) клана. Последнему помогал совет старейшин. Функции вождя деревни считались пожизненными.

Таким образом, в обществе Фута Торо просматривалось нарождавшееся расслоение на эксплуататоров и эксплуатируемых, на «свободных», несвободных и зависимых. Но и низы «свободных» также подвергались эксплуатации, несли повинности в пользу всего общества и, что характерно, верхнего его слоя (фульбской военной верхушки). Подобные тукулерам социальные структуры и политическая организация существовали у волоф, сараколе (сонинке), бамбара, фульбе. У этих этносов общество также делилось на «свободных», членов каст, зависимых и несвободных. Но подразделений в каждой большой социальной группе у них было меньше, чем у тукулеров. Определенное влияние на формирование социальных структур оказывали контакты местных обществ с внешним миром.

Европейская колонизация побережья (конец XV — начало XVII в.)

Она началась в позднее средневековье, а на рубеже нового времени приняла интенсивный характер. Жажда добычи, поиски источников золота и рабов толкали монархов и нарождавшуюся буржуазию Европы к заморским авантюрам. Последние, как правило, прикрывались проповедями о выполнении религиозного долга. Вокруг морских путешествий создавался дух крестовых походов: подчеркивалась необходимость спасения душ «неверных» и язычников, обхода с фланга мусульманского мира.

О высокой религиозной миссии особенно громко говорилось на Иберийском полуострове, где христианская реконкиста вступала в завершающую стадию. В конце XIV — начале XV в. Кастилия и Португалия попытались перенести реконкисту в Северную Африку. Им удалось захватить Тетуан в 1399 г. и Сеуту в 1415 г. С 20-х годов XV в. Португалия осуществляла экспедиции к побережью Западной Африки с целью захвата рабов. В 1441 г. Антао Гонсальвеш захватил к югу от п-ова Дахла 12 «туземцев» (11 из них говорили на зенага, или берберском, один — на арабском) и доставил в Португалию. Совершавший поход вместе с ним Нуньо Тристао в 1442—1443 гг. достиг м. Блан и открыл о-в Арген (в 60 км южнее мыса Блан). В 1443 г. португальцы напали на лагерь кочевников на о-ве Нар (к югу от бухты Леврие, ныне бухты Нуадибу) и увезли в рабство 165 человек. В 1448 г. они построили крепость и факторию на о-ве Арген, который стал сначала плацдармом для охоты за рабами, а затем центром торгового обмена со странами Западной Африки.

Посетивший в 1455 г. о-в Арген венецианец на португальской службе А. Кадамосто писал, что торговать с туземцами могли

обладатели лицензии. Торговцы обменивали ткани, ковры, серебряные изделия, кукурузу на рабов и золотой песок. Он же сообщал, что португальцам удалось создать факторию в Вадане (Адрар), откуда также привозили рабов. В результате с о-ва Арген в Португалию ежегодно вывозилось до 1 тыс. невольников. Почти два столетия остров был одним из главных бастионов португальской колониальной империи. В 1494 г. Португалия и Испания произвели раздел «сфер влияния» в Западной Африке. Территория современной Мавритании вошла в португальскую сферу.

Господство португальцев на о-ве Арген продолжалось до начала XVII в., когда «старых» колониальных хищников — Португалию и Испанию — стали теснить «новые» — Голландия, Англия, Франция. В 1638 г. остров у португальцев отняли голландцы. Последних, а также англичан и французов особенно интересовало ценное и весьма редкое для того времени растительное сырье — камедь (гуммиарабик), собиравшееся в зоне Сахеля. Оно использовалось в текстильной промышленности Европы для отделки тканей и в фармакологии.

С 1638 г. у берегов Мавритании не прекращалась морская война из-за камеди. В 1638—1727 гг. главными противниками были Франция и Голландия, а в 1727—1814 гг. — Франция и Англия. В начале XVIII в. голландцы основали на берегу торговую базу Портендик (ныне Джрейда, в 40—45 км севернее Нуакшота), которая приблизила их к источникам сбора камеди (Трарза, Шеммама, Бракна). Во время франко-голландской войны о-в Арген и Портендик неоднократно переходили из рук в руки. Наконец, по Гаагскому договору 1727 г. Голландия окончательно уступила Франции эти два опорных пункта. Однако в этот период резко обострилось франко-английское морское соперничество, в том числе у берегов Мавритании. В 1762 г. о-в Арген захватила Англия. Потерпев неудачу в семилетней войне, она в сентябре 1783 г. (Версальский договор) была вынуждена признать суверенитет Франции над побережьем Атлантики от мыса Блан до Сенегала. Во время наполеоновских войн Франция утратила этот суверенитет. Он был снова подтвержден Парижским договором 1814 г. и окончательно восстановлен к середине XIX в.

Главным плацдармом, с которого Франция планировала распространять свое влияние в глубь Западной Африки, надолго стал город-крепость — Сен-Луи, основанный в 1659 г. на острове того же названия в устье р. Сенегал. Уже в 50—60-х годах XVII в. французы начали устанавливать прямые связи с местными вождями правобережья и левобережья р. Сенегал. В торговле участвовали привилегированные компании и влиятельные во Франции торговые дома Марселя, Бордо, Руана, имевшие резиденции в Сен-Луи. Они получали высокие прибыли благодаря монополии на торговлю, предоставленной королями Франции, освобождению от налогов, выгодным условиям обмена.

Вступая в контакты, французы обычно подносили богатые да-

ры местным вождям, которые разрешали им вести торговые операции на своей территории.

Для обмена берберы предлагали камедь, негроиды — кожу, слоновую кость, серый янтарь, рабов. Свои товары они обменивали на льняные и хлопчатобумажные ткани, изделия из железа, меди, олова, стекла, на алкоголь. Прибыль французов нередко достигала 800% [149, с. 36]. Очевидцы сообщали, что за четыре-пять кружек водки торговцы могли приобрести здорового и сильного раба. Обмен носил натуральный характер: на согласованную сторонами меру товара «туземца» обменивалось определенное количество ткани, зеркал, гребней, ножей, замков европейца.

Такой характер торговых отношений между Францией и коренным населением сохранялся до середины XIX в. Но политические контакты претерпевали постоянные изменения. Франция становилась все более активной в долине Сенегала и к северу от нее.

Религиозно-реформаторское движение (1644—1677)

В конце XVI — начале XVII в. юго-запад Мавритании был охвачен межплеменной войной. Противниками в ней выступали два объединения племен арабов-хасан: уялד ризг, господствовавшие здесь с XV в., и уялд магфар, новые пришельцы с севера. Война велась из-за богатых пастбищ и источников воды, из-за права извлекать доходы, участвуя в транссахарской торговле, из-за дани, взимаемой с берберского населения. От войны больше всего страдали берберы: их грабили и уялд ризг и уялд магфар. Они теряли не только имущество, но и свободу и человеческие жизни. Верхушка соперничавших объединений заставляла сражаться берберов за интересы той или иной стороны.

Успех в войне сопутствовал уялд магфар. В начале XVII в. они укрепились в Юго-Западной Мавритании, одну часть уялд ризг подчинив, другую — оттеснив к востоку. Однако военные столкновения на юго-западе не прекратились: разгорелась борьба из-за добычи среди уялд магфар. Племя бракна совместно с племенем трарза, его союзником и вассалом, выступили против племени мбарек, разбили его и оттеснили в горную область Тагант. И снова наиболее пострадавшей стороной оказалось берберское население. Победители бракна и трарза усилили угнетение санхаджа. Если при уялд ризг гнет носил символический характер (небольшая ежегодная дань), то при уялд магфар он принял вполне конкретные материальные формы.

Берберы не только платили уже намного более высокую дань, но и становились объектом систематических грабительских набегов: хасаны захватывали имущество, угоняли людей и скот. Захваченных людей они обращали в рабство, эксплуатировали в своих хозяйствах. А в 40-е годы XVII в. рабов-берберов стали

продавать в факториях на о-ве Арген, в Сен-Луи. Верхушка племен бракна и трарза вступила также в контакты с европейцами, заинтересованными в вывозе рабов и камеди. Смолу собирали берберы, а продавала ее верхушка бракна и трарза, получая львиную долю доходов. В ее руки попадали и пошлины, выплачиваемые европейцами за право торговать в правобережье Сенегала, за охрану хасанов их факторий на реке.

Берберы санхаджа, в течение десяти веков считавшие себя хозяевами приатлантической области к северу от р. Сенегал, создавшие в XI—XII вв. империю Альморавидов, известные всему мусульманскому миру своими центрами исламской культуры (Шингетти, Вадан, Валата, Тишит), больше не хотели мириться с господством хасанов. Берберы, прежде всего часть верхушки марабутских племен, осуждали контакты хасанов с врагами ислама (европейцами). Хасаны, по их мнению, были «плохими мусульманами», поскольку жестоко угнетали единоверцев и вели дела с христианами.

Усилению гнета хасанов берберы противопоставили в 40-е годы XVII в. религиозное движение за «чистоту» ислама и возврат к его истокам. Это движение в западной исторической литературе нередко называют «реформаторским».

Сначала движение не имело ни четкой программы, ни общепризнанного руководителя. Оно долго (до 60-х годов XVII в.) не выходило за узкие религиозные рамки. Однако в 60-е годы оно укрепилось организационно. Движение возглавил молодой марабут Абубакр бен Абхом, принявший позже имя Насир ад-Дина (борца за веру). Он дал движению программу, разработал его тактику. Он завоевал уважение масс своими знаниями, примерным поведением мусульманина, талантом проповедника, сильным характером. К Насир ад-Дину обращались за советом по делам духовным и светским и берберы-марабуты и хасаны-воины. Его влияние стало распространяться среди негроидов долины Сенегала. Все это объясняет, почему Насир ад-Дин был избран имамом (верховным руководителем).

Кто участвовал в движении? Все, кто испытывал гнет хасанов: большая часть марабутских (берберских) племен и берберские племена зенага. Насир ад-Дина поддерживали те слои населения государств долины Сенегала — Фута Торо, Вало, Джо-лофа, Кайора, которые страдали от гнета как «чужих» (например, фульбских в Фута Торо), так и собственных правителей. К нему примкнула часть племен уялд ризг, не примирившаяся с победой уялд магфар. Но она выступала скорее как конкурент уялд магфар, чем соглашалась с целями движения.

В своих проповедях Насир ад-Дин осуждал стремления состоятельных слоев всех этнических групп к обогащению, призывал возвратиться к первоначальным ценностям ислама, к уважению прежде всего сунн, требовал строгого соблюдения закона Аллаха, звал к борьбе за свободу и благосостояние угнетенных. Под его руководством чисто религиозное движение превраща-

лось в религиозно-политическое. Одной из целей движения было создание теократического государства.

Призывы имама не могли встретить единодушного приема всех социальных слоев. Многие представители верхушки марабутских племен увидели в его проповедях серьезную угрозу. Опираясь на верхушку уляд магфар, т. е. хасанов, они стали оспаривать законность избрания Насир ад-Дина имамом, а тем самым и законность возглавляемого им движения. Оппозиция имаму объединилась вокруг аль-Хадж Абдаллаха, влиятельного улема-бербера. Она защищала те порядки, которые имам и его последователи хотели разрушить. Аль-Хадж Абдаллах занял пост кади и стал советником вождя племени трарза аль-Хадди, главного врага реформаторского движения.

Верхушку уляд магфар страшила реальная возможность объединения берберов вокруг Насир ад-Дина и возникновения в долине Сенегала теократического государства. Вот почему она пошла на союз с привилегированными слоями марабутских племен, а также стремилась заручиться помощью верхних прослоек государств долины Сенегала и французских властей Сен-Луи.

Французских колонизаторов, готовившихся к захвату долины Сенегала, приводили в ярость призывы Насир ад-Дина изгнать чужеземцев из Сен-Луи. Имам считал Сен-Луи главным источником разложения, поскольку торговля с европейцами породила в местных обществах лихорадку обогащения и коррупции. Одни племена (хасанов) обогащались за счет других (берберов — марабутских, зенага), политическое равновесие нарушилось, вспыхивали конфликты.

Реформаторское движение столкнулось также с враждебностью правителей государств долины Сенегала.

До XVII в. ислам в долине считался «дворцовой религией». Правители Фута Торо, Вало, Джолоф, Кайора принимали его потому, что были тесно связаны с транссахарской торговлей. Принадлежность к исламу приносила коммерческие выгоды. Однако в 30—40-е годы XVII в. торговые потоки (юг—север) начали менять направление на восток — запад. И хотя транссахарская торговля продолжала существовать, она в экономической жизни региона отошла на второй план и уступила место обмену с европейцами. «Товарная» ценность ислама в глазах правителей и «военной аристократии» падала. Тесно связанные с европейской торговлей, они превращались в паразитическую верхушку, которая грабила массы подданных, под любым предлогом превращала их в рабов и продавала на невольничьих рынках Сен-Луи, Портендика, о-ва Арген. Работорговля вызвала социальный кризис в государствах долины.

И наоборот, ислам, который до XVII в. медленно проникал в массы, становился знаменем их борьбы с угнетателями. Они приветствовали реформаторские проповеди против тирании и произвола «военной аристократии» в областях, населенных берберами и негроидами. Они смотрели на Насир ад-Дина и его

последователей как на освободителей. Деятельность проповедников, направленных Насир ад-Дином в долину, встречала благоприятный прием в массах.

Руководство реформаторским движением (и прежде всего Насир-ад-Дин) объективно оценивало обстановку. Сила сторонников реформ заключалась в религиозном энтузиазме, в готовности к самопожертвованию, слабость — в отсутствии подготовки и боевого опыта, в плохом вооружении. Имам считал также, что для успеха движения необходимо создать сильные политические институты. И он приступил к формированию государственных и правительственных органов. Впервые после эпохи Альморавидов в Мавритании возникла надплеменная политическая организация. Имам назначил визиря, сформировал совет, состоявший из четырех судей (кади). Совет имел большие полномочия при принятии важных решений. Имам создал также личный совет (или кабинет), который готовил предложения по всем вопросам. Так реформаторское движение получило руководящие органы, которые в будущем стали институтами теократического государства.

Реформаторы разработали тактику борьбы. Они еще опасались прямой вооруженной конфронтации с испытанными военными отрядами племен уляд магфар, учитывая также, что многие представители верхушки марабутских племен вступили в союз с хасанами. Поскольку участники движения практически не имели боевого опыта, реформаторское руководство решило направить на первых порах военные действия против негрских государств. Тем самым оно рассчитывало не только подготовить армию, но и привлечь на свою сторону население этих государств, возмущенных произволом «военной аристократии». Насир ад-Дину было известно, что под влиянием посылавшихся им в долину Сенегала проповедников там также зародилось реформаторское движение. Имам сделал тактически верный шаг: каждого из правителей государств долины он призвал раскаяться и встать на путь сунны, показав таким образом, что его цель не захват власти, а реформа общества на фундаменте первых предписаний ислама, восходящих к самому пророку Мухаммеду.

Первым, к кому Насир ад-Дин обратился, был сатиги Фута Торо. Через своих послов он потребовал от того изменить свой образ жизни, чаще молиться, иметь только трех-четыре жены, прекратить грабежи и убийства простых людей, обращение их в рабство и продажу в Сен-Луи. Сатиги с презрением отверг призывы имама, прогнал его послов и грубо оскорбил самого Насир ад-Дина. Имам несколько раз повторял свои призывы, но все его попытки не дали положительного результата. Тогда он в 1673 г. двинулся в Фута Торо. По пути он произносил проповеди, которые поднимали тукулеров на восстание против фульбской династии. Фута Торо было завоевано без широких военных действий. По существу, сами массы свергли власть сатиги и «военной аристократии». Государство попало на пять лет в руки ре-

форматорского движения. Насир ад-Дин назначил комендантом Фута Торо одного из своих командиров — Адильби.

Войска имама двинулись дальше на запад [190, 24.06.1983]. Правители Вало, Джолофа, Кайора с трудом сдерживали возмущение и недовольство низов. Как только стало известно в Джолофе и Кайоре о падении фульбской династии в Фута Торо, массы восстали. Они встретили воинов Насир ад-Дина как освободителей. Правители Джолофа и Кайора были свергнуты. Однако правитель Вало подготовился к сопротивлению. Пятитысячной армии имама потребовалось три сражения, чтобы одолеть его войска [190, 24.VI.1983]. Вало, Джолоф и Кайор стали провинциями теократического государства (имамата) во главе с назначенными имамом комендантами.

Таким образом, теократическое государство стало главной политической и военной силой долины; его войска приобрели определенный военный опыт, укрепились за счет бойцов — тукулеров и волоф. Поход в долину был генеральной репетицией перед схваткой с хасанами. После того как имам запретил всякий обмен с Сен-Луи, французы сочли возникшую ситуацию опасной для своих интересов и позже открыто вмешались в события.

Поводом для начала военных действий послужило нападение в 1647 г. воинов трарза на марабутов — сборщиков религиозного налога (закят), который должен был поступить в казну имама. Стремясь избежать столкновения, Насир ад-Дин направил к вождям трарза посольство. Однако вожди трарза заняли жесткую позицию, опасаясь, что мирное соглашение с реформаторами нанесет ущерб их престижу: поставит марабутов в равное положение с воинами. Свой отказ признать имамат и самого Насир ад-Дина они обосновали тем, что имамами могут быть только курейшиты, т. е. соплеменники пророка Мухаммеда.

Провал переговоров означал начало войны. Первая битва произошла к северу от Бутилимита, закончившись победой имама. Вторая битва к югу от Нуакшота также была для него успешной. Однако уцелевшие представители свергнутых династий Фута Торо, Джолофа, Кайора, Вало собирали силы против имамата. Все более реальной становилось прямое вмешательство в события французов. Чтобы «нейтрализовать» французов, имам в августе 1674 г. направил в Сен-Луи своего брата Нур ад-Дина. Коменданту Сен-Луи было заявлено, что имам готов установить дружественные связи с королем Франции, заключить торговый договор и соглашение о невмешательстве в дела друг друга. Комендант ответил, что любой акт агрессии против французских интересов повлечет за собой «страшные репрессии». Таким образом, позиция французов была откровенно провокационной.

В то время как шли переговоры в Сен-Луи, в Мавритании произошла битва при Тертилла (в 92 км от Нуакшота по пути в Росо). На поле боя встретились главные силы противников. Сторонники имама одержали крупную победу. Но они понесли невосполнимую утрату, которая крайне негативно сказалась на

судьбе движения. В бою погибли Насир ад-Дин, его брат Хомейн, многие ближайшие соратники имама.

На стороне трарза выступили бракна, восстал правитель Вало, резко активизировались сторонники фульбской династии в Фута Торо. Наконец, в войну открыто вмешались французы: они направили военную экспедицию вверх по р. Сенегал, которая терроризировала сторонников реформаторского движения. Имамат оказался в окружении. Его войскам пришлось одновременно сражаться на нескольких фронтах. Используя тактику террора и «выжженной земли», противники имамата захватывали и уводили в плен людей, угоняли скот, сжигали деревни и посевы. Страшный голод сопровождался военными неудачами. Наконец, в битве при Тин Йедфад реформаторы были разгромлены. Последний имам нашел смерть в бою.

Вождям марабутских (берберских) племен были продиктованы условия договора (соглашение Тин Йедфад): они лишались права иметь оружие; их обязывали рыть колодцы и одну треть воды безвозмездно передавать племенам воинов (хасанам), принимать любого воина, содержать его не менее трех дней, обеспечивать всем необходимым в пути до ближайшего лагеря.

Правители Фута Торо, Вало, Джолофа, Кайора осуществляли настоящую охоту на сторонников реформаторов. Всех, кого удавалось схватить, продавали в Сен-Луи в рабство.

Каковы причины поражения движения?

Прежде всего военные. Имамат не имел структурно организованной постоянной вооруженной силы, способной вести длительную войну, в то время как у хасанов такая сила была. В реформаторском движении участвовали слои, связанные с мирными профессиями, незнакомые с военным делом. Их было трудно мобилизовать и обучить. Наоборот, для хасанов война была главным занятием, они находились в постоянной боевой готовности. У имамата было много врагов и мало союзников. Даже некоторые марабутские племена оставались нейтральными либо поддерживали уклад магфар. Войску имамата пришлось вести бои на огромной территории: от Кайора на юге до Бракны на севере, от Фута Торо на востоке до Вало на западе. Достичь большого перевеса над берберами в войне хасанам помогли французские власти Сен-Луи, поставлявшие им огнестрельное оружие (до этого те и другие в основном имели холодное — пик, луки и стрелы, сабли). Такого оружия в войске имама фактически не было.

Имамат столкнулся и с острыми политическими и социальными проблемами. Насир ад-Дин возглавил восстание в первую очередь берберских марабутских племен, но он одновременно выражал чаяния всех угнетенных далеко за пределами проживания только марабутских племен. Реформаторское движение охватило огромную территорию, населенную различными этносами и расами, исповедовавшими ислам и традиционные религии.

Каковы же итоги войны для победителей?

В долине Сенегала были восстановлены свергнутые династии, которые жестоко расправлялись с участниками движения. По-прежнему складывались отношения в областях, населенных арабами-хасанами и берберами. Верхушка ульд магфар в основном была удовлетворена условиями договора Тин Йедфад. Вместе с тем она признала «особый» статус верхушки берберских племен. Ее вполне устраивало политическое и социальное подчинение последней. Она не хотела ставить ее в безвыходное положение и тем самым подталкивать к новым выступлениям. Берберы были разоружены, признали свое подчиненное положение, приняли ряд новых экономических обязательств. Но верхушка ульд магфар не низвела их до состояния податного населения. Она даже признала за марабутами-берберами, как носителями религиозных знаний, духовную власть. Этим она стремилась «приручить» марабутов, сделать их духовными и идеологическими защитниками своего господства. В результате войны иерархизация арабо-берберского общества была поднята на новую высоту.

Социальная структура общества в правобережье стала принимать форму и содержание, которые просуществовали вплоть до французской колонизации (до конца XIX — начала XX в.).

Среди выигравших от войны оказались и французы. Они поддерживали главных противников реформаторского движения, которые наживались на крови и страданиях низов арабо-берберского и негроидного общества. За помощь Сен-Луи верхушка этих обществ расплачивалась «натурой», в которой основной статьей были рабы. А в рабов превращали в первую очередь пленных участников и сторонников реформаторского движения. Особенно широкий размах приобрела работорговля в конце XVII — начале XVIII в., когда возникли первые эмираты.

Образование эмиратов

Реформаторское движение XVII в., поднявшее на борьбу массы угнетенного берберского и негроидного населения, поставило под вопрос господство военной верхушки на всей территории нынешней Мавритании. Ценой огромных усилий удалось подавить движение. Но события стали для нее и жестоким уроком. Стало ясно, что сохранить свое господство невозможно, не создав сильного аппарата угнетения и подавления. Сама жизнь заставила вождей племен воинов приступить к формированию государственных институтов, стоящих на страже их интересов. Война с реформаторами ускорила процессы укрепления их материальной базы, усиления политических и военных позиций того или иного рода, той или иной семьи. Грабежи, захваченная силой оружия добыча, самой ценной частью которой были рабы, помогли возвыситься наиболее удачливым военным вождям. Их положение все более стало напоминать положение правителя-су-

верена, уже мало считавшегося с мнением, например, собрания знати в арабо-берберских областях. Здесь пост военного вождя (эмира) стал переходить по наследству к прямому потомку — одному из представителей эмирского рода. Наблюдалась также тенденция к фиксации границ между племенами воинов, к закреплению за ними территорий [44, с. 9; 127, с. 34—35].

Первым государством, которое возникло у хасанов, был эмират Бракна. Это произошло в конце XVI в. В начале XVII в. уялд магфар нанесли поражение уялд ризг и установили свое господство в Юго-Западной Мавритании. Во второй половине XVII в. они уничтожили реформаторское движение. В обоих случаях племя бракна было главной силой. Оно оттеснило в Тагант уялд мбарек, их главных конкурентов среди уялд магфар, и сделало своими вассалами племя трарза, стремившееся к самостоятельности и созданию собственного эмирата. В начале XVIII в. племя трарза бросило вызов господству бракна. В 1718 г. оно отказалось платить эмиру Бракны Хайбе уялд Ногмашу дань в качестве признания вассальной зависимости. Последний расценил отказ как акт неповиновения и решил наказать трарза.

Эмир повел свои войска против восставших трарза, которых с начала XVIII в. возглавил Али Шандора, будущий основатель эмирата Трарза. В одном из боев в 1727 г. (близ Боге, Шеммама) А. Шандора был убит. А в 1728 г. умер Хайба. Его наследнику Ахмеду не удалось восстановить сюзеренитет Бракны над племенем трарза. Больше того. Многолетняя (около десяти лет) война с ним ослабила силы эмирата, хотя большинство уялд магфар в Адраре, Таганте, Асабе еще признавали свою вассальную зависимость от Бракны.

В правление эмира Ахмеда (1728—1762) Бракна пошла на сближение с французами. В 1744 г. было подписано соглашение, которое позволило Франции основать крепость и факторию в Подоре (левобережье р. Сенегал). Сен-Луи подталкивал эмира на военное столкновение с Трарзой, которая отказывалась везти свои товары во французские фактории на р. Сенегал, а сбывала их англичанам в Портендике и на о-ве Арген.

В конце правления Ахмеда против гнета уялд магфар (точнее, уялд мбарек и бракна) поднял восстание сильный союз берберских племен идуайш в Таганте. В 1760 г. Ахмед возглавил объединенное войско уялд магфар и двинулся в Тагант. Но ему не удалось сломить сопротивление восставших. Военная экспедиция закончилась безрезультатно, а это означало для эмира поражение. В 1762 г. Ахмед умер. Ему наследовал Эли уялд Ахмед. При нем бракна утратили ведущее положение среди уялд магфар. Эмир сохранял номинальную власть над самой Бракной. Вскоре произошел раскол бракна на несколько племен. Эмир с трудом поддерживал свою власть над эмиратом. Вне его границ сюзеренитет эмира больше не признавался. Тем не менее с эмиратом Бракны продолжали еще считаться эмираты Трарза, Ад-рар, Тагант и власти Сен-Луи.

Эмират Трарза был основан в конце десятих годов XVIII в. в результате успешного восстания племени трарза против эмира Бракны. Восстание против Бракны возглавил Али Шандора из родовой группы уялд даман, занимавшей господствующее положение в племени. Его дед Ахмед бен Даман, военный вождь, в 1620 г. одержал победу над уялд ризг и занял Юго-Западную Мавританию. С тех пор пост военного вождя (эмира) принадлежал потомкам А. бен Дамана и передавался ими по наследству. Еще в юности А. Шандора вынашивал планы освобождения трарза от вассальной зависимости. И когда стал верховным вождем, то приступил к их осуществлению. В 1718 г. (по другим источникам, в 1719 г.) А. Шандора отказался платить дань эмиру Бракны. Первые атаки Бракны он успешно отразил. Но А. Шандора отдавал себе отчет в огромном превосходстве Бракны в силах и принял беспрецедентное решение. В 1720 г. он покинул Трарзу, направился в Марокко с целью получить там военную помощь.

Султан Марокко Исмаил распорядился, чтобы союз племен текна в южной части страны выделил в распоряжение А. Шандоры войско. В ответ А. Шандора присягнул на верность султану, т. е. признал себя его вассалом, хотя документы, которые подтвердили бы это, не сохранились. Видимо, А. Шандора пошел на такой шаг с расчетом: султан физически не мог осуществить свой сюзеренитет по отношению к Трарзе, находящейся за 2 тыс. км от его владений, по другую сторону Сахары.

В 1721 г., вернувшись на родину, А. Шандора сначала разбил уялд делим, а затем двинулся на Бракну. Он разгромил войско эмира и захватил 4 тыс. пленных, которых сделал своими солдатами.

С самого начала у А. Шандоры сложились напряженные отношения с Сен-Луи, власти которого добивались, чтобы Трарза направляла свои товары только во французские фактории на р. Сенегал и не торговала с английскими и голландскими купцами на побережье Атлантики. Но Трарзе было выгоднее иметь дело с последними: она получала в обмен на свои товары изделия более высокого качества и без ограничений (французы неохотно продавали огнестрельное оружие). Франция предпринимала неоднократные попытки вытеснить Англию и Голландию с океанского побережья и заставить Трарзу торговать только в долине р. Сенегал. В 1721 г., например, французы захватили у голландцев о-в Арген, истребив там отряд воинов трарза. В ответ А. Шандора осадил французскую крепость на острове и в январе 1722 г. вынудил ее гарнизон капитулировать.

Будучи в Марокко, А. Шандора ознакомился с административной системой султаната. Некоторые элементы ее он перенес в Трарзу. Эмир назначил визиря и кадиев, ввел атрибуты эмирской власти, создал из харатинов «гвардию», считавшуюся более надежной, чем иррегулярные отряды из клиентов или союзников.

Чтобы остановить А. Шандору, эмир Бракны призвал на по-

мощь дружины потомков марокканских завоевателей сокрушивших империю Сонгай (в 1591 г.). Приглашенные как наемники фульбскими правителями Фута Торо, эти дружины и их вожаки бесчинствовали и грабили тукулеров. С их помощью эмир Бракны начал теснить А. Шандору и преследовал его почти до океанского побережья. А. Шандора, в свою очередь, обратился к правителю Вало за поддержкой. Совместными усилиями Трарзы и Вало войско Бракны было разгромлено. Тогда А. Шандора решил сделать Бракну своим вассалом. В 1727 г., однако, в одном из боев он погиб. Эмират Бракна настолько ослаб, что не смог воспользоваться смертью А. Шандоры и восстановить сюзеренитет над Трарзой. Не смог эмират оказать действенной помощи и уляд мбарек, против господства которых в Таганте поднялось объединение берберских племен идуайш.

Верхушка идуайш не хотела мириться с положением вассалов уляд мбарек и платить дань. Идуайш много раз поднимали оружие, но безуспешно. Их вождь Баккар ульд Амар снискал славу «бунтаря», который, несмотря на поражения, продолжал борьбу. Он заключал союзы с марабутскими племенами и племенами зенага, с хасанами, соперниками уляд мбарек. Попытался использовать затруднения последних, вызванные угрозами со стороны государств бамбара их землям в Ходэ и Судане. Свои планы Баккар не успел осуществить: в 1761 г. он умер, прожив 100 лет. Это сделал его сын — Мхаммед Шайн. Молодой вождь получил хорошее религиозное образование, совершенную для того времени военную подготовку, обладал большими организаторскими способностями. В 1777 г. (по другим данным, в 1778 г.) М. Шайн отказался платить дань уляд мбарек. Вспыхнула война, которая продолжалась несколько лет. Согласно традиции произошло 90 сражений. Но уже одно из первых, в 1778 г. близ Тиджикжи, предопределило окончательный исход борьбы в пользу идуайш. В лагерь М. Шайна стекались отряды из всех угнетавшихся уляд мбарек племен (марабутов, зенага и др.). После поражения при Тиджикже уляд мбарек пытались переломить ход войны, но снова терпели неудачи. Они были окончательно вытеснены из Таганта.

Податное население, надеявшееся, что освобождение от ига уляд мбарек приведет к коренному изменению его положения, постигло разочарование. Верхушка идуайш не только наследовала власть уляд мбарек, но и их методы угнетения. М. Шайн заставлял все племена Таганта, не имевшие статуса воинов, платить дань и выполнять другие повинности. В годы своего правления М. Шайн еще не носил титула эмира.

После смерти М. Шайна в 1787 г. (или в 1788 г.) разгорелась борьба за власть. Междоусобица завершилась в 1793 г. Новый вождь Мохаммед ульд Мхаммед Шайн уже носил титул эмира. В 1795 и 1796 гг. он отразил попытки уляд мбарек восстановить свое господство над Тагантом. Но его подстерегали другие, более серьезные неприятности. От идуайш стали отходить податные

племена, которые предпочли сюзеренитет верхушки берберского племени идаульхадж с центром в Вадане (Адрар). Это грозило резким сокращением доходов господствующей прослойки идуайш. Чтобы противостоять всем угрозам, эмир решил сплотить идуайш своей активной внешней политикой. Он захватил соседние области Регейба и Афтут. В начале XIX в. Мухаммед был самым могущественным эмиром Мавритании.

Укрепить свои позиции удалось также эмирам Трарзы и Бракны.

Междоусобицы в Вало в 1766—1786 гг. позволили Трарзе вмешаться и посадить на трон своего ставленника. Новый правитель признал эмира Эли аль-Кури (1760—1786) своим сюзереном и платил ему дань (100 голов крупного рогатого скота). Вассальная зависимость Вало от Трарзы продолжалась до середины XIX в., т. е. до захвата этого государства Францией.

В середине XVIII в. в вассальную зависимость от Бракны попало государство Фута Торо. Она продолжалась почти четверть века. Верхушка Бракны не удовлетворялась данью, которую платила фульбская династия. Она совершала грабительские набеги на деревни тукулеров. Грабеж бракна дополнялся грабежом со стороны правившей в Фута Торо знати фульбе. В стране в 1774 г. вспыхнуло восстание тукулеров, которое привело к свержению фульбской династии и созданию теократического государства.

Имамат (альмамиат) Фута Торо

В конце XVII в. р. Сенегал стала одной из артерий, по которой проходила активная работорговля. Еще португальские авторы писали, что богатство в долине Сенегала измерялось числом рабов, принадлежавших тому или иному правителю. Правители государств долины были главными участниками работорговли. Получаемые от работорговли и торговли товарами доходы делали трон в Фута Торо объектом острой борьбы. Эта борьба создавала удобный повод для вмешательства соседей-эмиратов Бракна и Трарза, а также Сен-Луи.

В годы правления сатиги Сире Сава Ламу (1682—1702) Фута Торо попало под влияние эмиратов. Будучи набожным, правитель окружил себя марабутами, к советам которых часто прислушивался. После его смерти в 1702 г. в Фута наступил период междоусобиц. В 1716 г. один из претендентов на трон, Бубакар, отправил своего сына Гадо в Марокко просить у султана Исмаила военной помощи. Гадо вернулся с крупным отрядом. В 1718 г., однако, Бубакара на трон Фута возвели бракна и трарза.

Сатиги все чаще прибегали к помощи наемников-марокканцев, которые со временем превратились в почти неуправляемую гвардию, свергавшую и возводившую сатиги на трон. Каждая

такая смена сатиги становилась поводом для грабежей со стороны наемников.

Период 1725—1735 гг., когда трон занимал Самба Геладио, был относительно спокойным. В 1735 г., однако, Конко сверг Самбу. Последний затратил пять лет, чтобы вернуть трон с помощью эмирата Трарза и Сен-Луи. Власти Сен-Луи вручили предводителям марокканских наемников большую сумму денег, чтобы те свергли Конко и восстановили Самбу. Долг они должны были погасить, поставив рабов из числа сторонников побежденного Конко. В 1740 г. Самба вернул трон, но через три года снова потерял его. После Самбы Фута Торо 36 лет раздирали междоусобицы, о чем красноречиво свидетельствуют следующие данные: если в период 1512—1709 гг. (197 лет) сменилось 15 сатиги (средний срок правления — 12 лет), то в 1709—1776 гг. (67 лет) — 21 (средний срок правления — 3 года) [129, с. 28].

Фута Торо оказалось перед лицом фактической утраты независимости. Почти вся правобережная часть государства попала в руки эмиратов Бракна и Трарза. Сатиги не только не защищали своих подданных, но сами участвовали в грабежах. Протестующих и непокорных тукулеров хватали и продавали в рабство в Сен-Луи. Народное недовольство фульбской династией усиливалось, становилось всеобщим, хотя еще не было организованным. Однако в 60-е годы XVIII в. обстановка изменилась.

Реформаторское движение XVII в. в областях, где господствовали хасаны, пустило и в Фута Торо глубокие корни. Идеи этого движения среди тукулеров оказались более живучими, чем в областях, населенных берберами. Большую роль в сохранении и широком распространении этих идей сыграл средневековый «университет» в Пире (Кайор), основанный в 1628 г. Слушатели «университета» изучали исламские науки — от теологии до астрологии. В их числе было семь (по другим сведениям, 17) студентов из Фута Торо. Незадолго до завершения учебы они подготовили план создания на родине теократического государства. Среди них особенно выделялись Сулейман Балл, Абделькадир Кане, Тафсир Амаду Хама [44, с. 32; 191, 26—27.01.1984]. Первый до Пире прошел обучение в Мале, в Фута Джаллоне, где уже существовало теократическое государство. Второй (будущий первый альмами Фута Торо) обучался сначала в завии племени Насир ад-Дина, а затем поступил в Пире. Третий, окончив Пире, вернулся на родину и стал видным военачальником, победителем эмира Трарзы Эли аль-Кури.

Народное недовольство в Фута Торо обрело руководителей и ясную цель — свержение фульбской династии и создание теократического государства.

Выпускники Пире, вернувшись на родину, создали школы, в которых готовились будущие борцы под знаменем ислама. В школы стекались выходцы в основном из угнетенных слоев. Сулейман Балл совершал поездки по стране, координировал подготовку противников фульбской династии. Вокруг него посте-

ленно сформировалась «партия марабутов». «Партия» укрепи-лась материально: в ее адрес поступали многочисленные пожерт-вования. Получив возможность закупать оружие и создавать дружины, она стала реальной политической и военной силой.

В 1768 г. С. Балл обнародовал программу «партии»: 1) осу-ществить полную независимость Фута Торо, избавить его от гне-та хасанов (бракна), 2) свергнуть фульбскую династию, повин-ную в тирании и пренебрежении своим долгом в отношении под-данных, 3) противостоять работорговле, поощряемой Сен-Луи. Эту программу поддержали все угнетенные, в первую очередь земледельцы. Сатиги теперь могли рассчитывать только на про-слойку воинов-фульбе, да и то с оговоркой. Мусульманские про-поведники уже успели ослабить эту единственную опору фульб-ской династии. Крупные владельцы земли и скота пребывали в нерешительности. Многие из них видели непрочность режима и возможное его падение.

Руководство «партии», собравшееся в Хоре, приняло разум-ную тактику борьбы. Оно решило сначала нанести удар по брак-на, чужеземным угнетателям, что обеспечило «партии» почти общенародную поддержку. Воспользовавшись междоусобицей в эмирате Бракна, руководство реформаторов призвало к войне. Военные действия продолжались с перерывами семь лет. В 1775 г. в битве при Қаэди погиб С. Балл. Но дело восставших победило.

После победы над Бракной руководство реформаторского движения приступило к осуществлению своей главной цели — свержению фульбской династии. «Партии» удалось оторвать от династии военную «аристократию». Многие ее представители вместе со своими дружинами покинули резиденцию правителя, а некоторые присоединились к «партии марабутов». Последняя в 1776 г. объявила «священную войну» («джихад») фульбской ди-настии. А. Кане, сменивший погибшего С. Балла, во главе войска захватил резиденцию правителя. Фульбская династия была свергнута.

Руководитель «партии» С. Балл незадолго до смерти оставил документ, в котором завещал: 1) избирать на пост имама (аль-мами) ученого-мусульманина (улема), справедливого, безраз-личного к богатству, действующего в интересах общества; 2) смещать имама, прибегая к любым средствам, даже к воен-ной силе, если он обогащается; 3) следить, чтобы власть имама не была наследственной и чтобы она не стала монополией вы-ходцев только из одной местности; 4) имаму, чей возраст не должен быть менее 40 лет, оставаться независимым в своих дей-ствиях.

Завещание свидетельствует, что на начальном этапе движе-ние реформаторов Фута Торо основывалось на принципах пер-вых после смерти пророка Мухаммеда халифов, особенно на принципе выборности. Основателя движения С. Балла тревожи-ла возможность отхода от демократического порядка назначе-

ния на должности в угоду династическим и этническим амбициям. Он специально подчеркивал, что имамом может быть только служитель культа — марабут, улем.

Выборы первого альмами состоялись в Диурбеле. Делегации, прибывшие из всех местностей Фута Торо, избрали ближайшего соратника С. Балла — Абделькадира Кане. А. Кане учредил центральную и местную администрацию. Ему помогал «диван» (правительство), в который входили два советника (один ведал сношениями с Сен-Луи), казначей, секретарь. Были созданы консультативный военный совет, генеральный совет, в котором заседали вожди племен. В важных пунктах размещались военные гарнизоны. При необходимости осуществлялась мобилизация иррегулярного войска. Альмами назначил своих представителей в провинции и деревни (в последних они возглавляли деревенские советы). Вся администрация снизу доверху была сформирована из числа образованных мусульман, принадлежавших к «партии марабутов». Основами правосудия и юриспруденции были объявлены законы шариата, которым должна была подчиняться вся жизнь общества. Высшим юридическим и политическим авторитетом провозглашались улемы.

Казна альмамиата пополнялась из трех источников: 1) религиозная десятина (закят), взимаемая с обрабатывавшихся полей независимо от социальной принадлежности владельцев, 2) на государственных землях, сданных общинам в пользование, треть урожая передавалась имаму, треть — сборщику или вождю, треть — оставалась общине, 3) пошлины на торговлю, в том числе с европейцами.

Таким образом, альмамиат имел более прочную материальную базу, чем эмираты правобережья р. Сенегал, чьи доходы зависели в основном от грабительских набегов. В нем военная добыча имела второстепенное значение. На первом месте всегда стояли доходы, которые приносило земледелие (закят, рента-налог на государственных землях).

А. Кане не удалось «выполнить» третий пункт завещания С. Балла. Делами государства вершила знать центральной области Фута Торо — провинции Боссеа Ирбале. За ней было признано исключительное право выбирать альмами. Из десяти наиболее знатных семей был сформирован совет главных выборщиков. Они выбирали альмами, но сами на этот пост претендовать не могли. Западные и восточные провинции оказались исключенными из участия в распределении важных постов.

Обострение соперничества европейских держав

Побережье Атлантики от м. Блан до устья р. Сенегал в XVII—XVIII вв. было объектом борьбы между Францией, Англией и Голландией. Каждая из этих держав претендовала на

монополию над атлантической торговлей. В ту эпоху монополия на какой-то вид товара (камедь, рабы) давала огромные преимущества. Монополист зарабатывал не только деньги, но и ставил конкурентов в зависимость.

Юго-запад Мавритании был в XVII—XVIII вв. одним из немногих доступных районов мира, где собиралась камедь. Этот район был близок к Европе, что снижало издержки по перевозке сырья. Камедь, а также рабов можно было доставлять к побережью Атлантики по р. Сенегал.

В 1626 г. группа купцов из Руана учредила частную компанию для торговли и эксплуатации ресурсов Сенегала и Гамбии. Она добилась у кардинала Ришелье хартии, содержавшей торговые привилегии, сроком на десять лет. Франция столкнулась с сильными конкурентами. Еще в 1638 г. Голландия, отняв у Португалии о-в Арген, установила торговые отношения с арабскими и берберскими племенами, скупая у них камедь. Французы, претендовавшие на торговую монополию, не хотели мириться с присутствием других европейских держав. В 1638 г. на о-ве Бокос (Балаге) в устье Сенегала было основано первое французское поселение. Из-за угрозы затопления Бокоса морем поселение было в 1659 г. перенесено на другой остров. Сам остров и поселение получили название Сен-Луи.

Согласно международному праву хартия кардинала Ришелье не имела юридической силы. К тому же Англия и Голландия также создали привилегированные компании и наделили их исключительными правами на торговлю в Западной Африке. В таких условиях все решало не право, а сила, политика свершившихся фактов. Это наглядно видно на примере Мавритании.

Однако борьба европейских держав велась из-за территорий, которые имели владельцев — ульд магфар, а точнее, племя трарза. Ни вождь трарза Хадди ульд Ахмед Даман в XVII в., ни эмир Трарзы А. Шандора в XVIII в. не признавали претензий той или иной европейской державы. В полном соответствии со своим суверенитетом и в зависимости от собственных интересов они заключали торговые соглашения то с голландцами, то с французами, то с пруссаками, то с англичанами.

Европейские правительства, даря купцам торговые привилегии, делали вид, что земли Западной Африки «бесхозные», а жители, их населяющие, — «дикари». Противоречие между подлинными хозяевами земли и колониальными державами стало источником конфликтов. Например, власти Сен-Луи, непосредственного соседа Трарзы, многократно пытались навязать ей свое «покровительство» и столько же раз терпели неудачу.

Теоретически привилегии французских компаний распространялись на весь мавританский берег. Но на побережье (о-в Арген, Портендик) чаще хозяйничали голландцы и англичане. Французы же ограничивались контролем над торговлей по р. Сенегал.

Администрация Сен-Луи выступала глашатаем колониальной

экспансии, призывая овладеть долиной Сенегала и областью верхнего Нигера. Им возражали директора «Компани перпетюэль дез Энд», которых интересовала лишь торговля камедью. Они настаивали на том, чтобы флот Франции изгнал голландцев и англичан, лишив их о-ва Арген и Портендика. В таком случае торговля камедью перешла бы к Франции, которая могла бы диктовать всей Европе цены на это сырье. Не дожидаясь осуществления этого плана, компания в 1718 г. скупила большую часть запасов камеди, имевшихся в Европе. Ее агенты в Лондоне, Роттердаме, Гамбурге приобрели около 20 тыс. т (запасы в самой Франции и в Сен-Луи составляли 10,7 тыс. т). Завладев более чем 30 тыс. т камеди, компания воздерживалась от ее продажи, дожидаясь полного истощения запасов у конкурентов. Эта операция поставила промышленников Англии и Голландии в тяжелое положение. Мириться с монополией Франции на торговлю камедью в Западной Африке ни Англия, ни Голландия не хотели и не могли. Разрушить же французскую монополию можно было, лишь прибегнув к силе. Начавшаяся в 1718 г. война между европейскими державами за контроль над атлантической торговлей, так или иначе, задевала эмираты Трарза и Бракна.

Власти Сен-Луи в 1717 г. заключили соглашение с эмиром Трарзы Али Шандорой, который был хозяином морского побережья. Несмотря на соглашение с французами, эмир предпочитал торговать с голландцами и англичанами. Французам не доверяло население ни правобережья, ни левобережья р. Сенегал. Грабеж, обман, обсчет и обвес — такой была практика торговцев из Сен-Луи. Французский корабль или баржа еще только снаряжались в путь вверх по реке, а жители долины уже прятали все, что могло быть захвачено или похищено.

Сен-Луи систематически нарушал соглашение 1717 г. с Трарзой. По соглашению французские корабли должны были ежегодно заходить в Портендик и закупать там камедь, привозимую из эмирата. Но французы не делали этого, потому что не хотели платить одинаковую (высокую) цену, на которую соглашались англичане и голландцы. Французы настойчиво добивались, чтобы Трарза везла камедь и другие товары в фактории на реке, где уже они диктовали свои цены. Для этого, считали они, необходимо было лишить корабли Англии и Голландии доступа к о-ву Арген и Портендику. С 1717 г. было организовано патрулирование военных кораблей вдоль мавританского берега. Но французы ничего не могли поделать с превосходящими силами конкурентов и чаще отступали, чем наступали.

Тогда Сен-Луи разработал план военного захвата Портендика и о-ва Арген, т. е. части территории Трарзы. 6 января 1721 г. к о-ву Арген направилась флотилия в составе пяти военных кораблей. В ее задачу входило захват острова, конфискация всех «контрабандистских» судов, пленение трарза, находившихся на Аргене. 26 февраля французы высадились на острове и осадили крепость, защищавшуюся несколькими десятками трарза. Гар-

низон отчаянно сопротивлялся. Лишь через десять дней после начала осады он покинул крепость, чтобы избежать плена. На острове были оставлены губернатор и вооруженный отряд.

Эмир А. Шандора сумел отомстить французам: в начале 1722 г. он заставил гарнизон Аргена капитулировать. Затем вступил в союз с Голландией и привлек к этому союзу правителя Вало. А. Шандора предлагал союзникам атаковать и захватить Сен-Луи.

Чтобы спасти свои позиции в Западной Африке, Франция в январе 1723 г. направила туда эскадру в составе пяти военных кораблей. На кораблях находился десант численностью 1 тыс. солдат. Однако командование эскадрой допустило просчет: оно не взяло с собой необходимого запаса пресной воды. 12 февраля эскадра подошла к острову, а 17-го высадила десант. Убедившись, что для захвата крепости потребуется длительная осада и что вне крепости отсутствуют источники питьевой воды, командование приказало десанту вернуться на корабли.

Власти Сен-Луи пришли к выводу, что вряд ли добьются успехов, прибегая только к военным средствам. Они предложили Трарзе мирные переговоры, пойдя на восстановление с эмиратом «уз дружбы» и соблюдение торгового соглашения от 1717 г. В результате переговоров было подписано новое соглашение 1723 г., по которому Трарза допустила в крепость Портендика (ее возвели голландцы) французский гарнизон. Однако на о-ве Арген все еще оставались ее союзники-голландцы.

В январе 1724 г. французы предприняли новую попытку овладеть Аргеном. 14 февраля эскадра из девяти кораблей подошла к острову и высадили десант. На этот раз осада удалась. Французы сумели захватить цистерны с водой вне крепости, а также не допустить подхода отрядов трарза с материка на помощь осажденным. Голландский комендант крепости капитулировал.

Победа французов поставила в трудное положение Трарзу. Эмир лишился свободы маневра, возможности играть на франко-голландских противоречиях. В 1724 г. А. Шандоре пришлось согласиться продавать камедь французам в Портендике. Но власти Сен-Луи не теряли надежды заставить его направлять камедь в фактории на р. Сенегал. Поэтому, обвиняя эмира в нарушении условий соглашений 1717 и 1723 гг., они сами не выполняли их. Французские корабли либо совсем не заходили в Портендик, чтобы закупать камедь, либо заходили редко. Вскоре там скопились большие запасы камеди (например, в 1725 г. из 400 т французы купили только 100 [190, 21.10.1983]). Тогда эмир продал остаток англичанам и голландцам. Он упорно не желал везти камедь в речные фактории. Французам никак не удавалось сломить сопротивление эмира, «приручить» его.

Между тем положение эмирата было трудным. Во-первых, его союзник Голландия подписала в Гааге в 1727 г. договор с Францией, по которому она, получив отступные, отказалась от

своих притязаний на мавританское побережье. Во-вторых, все более обременительной становилась война с Бракной. К тому же в 1727 г. погиб А. Шандора, стойкий противник французской экспансии. В Сен-Луи ликовали, считая, что теперь французы станут полными хозяевами региона.

Однако Голландию в качестве главного конкурента сменила Англия, еще более сильный противник. Действовать силой против английского флота было делом нереальным. Власти Сен-Луи решили осуществить маневр, вступив в 1740 г. в сделку с английской привилегированной «Ройял Африкен компани». В обмен на камедь они начали получать рабов из Гамбии. Сделка, временно приостановив английскую контрабанду, нанесла чувствительный удар по Трарзе. Впервые эмирату пришлось продавать камедь в факториях на р. Сенегал.

Однако франко-английское согласие продолжалось недолго. Война за австрийское наследство (1740—1748) обострила англо-французское соперничество, отразившееся на отношениях двух держав и в Западной Африке. Война дала сильный толчок развитию текстильной промышленности в Англии и Франции. Спрос на камедь резко возрос. И вот Англия в 1746 г. заключила соглашение с Трарзой, по которому эмират брал на себя обязательство везти всю камедь в Портендик для продажи «Ройял Африкен компани». Но междоусобицы, охватившие Трарзу в 40—50-е годы XVIII в., смягчили трудности французов. Враждующие стороны по очереди обращались к властям Сен-Луи, предлагая камедь в обмен на огнестрельное оружие и боеприпасы. Бойкот факторий на р. Сенегал был снят. Приток туда камеди и других товаров увеличился.

В 1751 г. правительство Франции решило в течение года не продавать камедь за границу. Вскоре запасов этого сырья в Англии осталось всего на два месяца. И английское правительство, объявив о денонсации соглашения 1740 г., взяло курс на вытеснение Франции из Западной Африки. В период войны 1756—1763 гг. в Европе этот курс получил материальное воплощение: в 1758 г. Англия захватила Сен-Луи и установила контроль над всем побережьем Мавритании. Согласно условиям Парижского мирного договора 1764 г., она контролировала все фактории от м. Блан до Зеленого мыса (Франция сохранила только о-в Го-ре).

Успехи Англии в войне оказали прямое влияние на положение эмиратов Трарза и Бракна. Англия быстро сделала в долине Сенегала то, чего Франция не могла добиться в течение полувека. Она ликвидировала фактории и крепости на о-ве Арген и в Портендике. Англичане заставили Трарзу и Бракну продавать камедь в речных факториях.

В 1783 г. Франция взяла реванш, когда поддержала освободительную войну американских колоний против метрополии. По Версальскому договору 1783 г. Англия вернула Сен-Луи французам. На время Франция восстановила свои позиции в Западной

Африке. В период Великой французской революции и наполеоновских войн Англия снова вытеснила Францию из этого региона. Лишь в начале XIX в. (Парижский договор 1814 г.) Франция восстановила свою власть в Сенегале и других западноафриканских владениях [44, с. 72; 124, с. 84].

Эволюция политических и социальных структур

В XVIII—XIX вв. социальные структуры Мавритании еще более усложнились. В этот период параллельно развивались два процесса. С одной стороны, продолжала формироваться сословно-кастовая иерархия, основанная на различиях в этнорасовом происхождении. С другой — в арабо-берберских и негроидных обществах внутри господствовавших групп воинов и марабутов формировались новые структуры на всех уровнях — от большой семьи до племени. К каждой из этих двух политико-социальных групп были привязаны или входили в нее угнетаемые политико-социальные группы: рабы, вольноотпущенники, данники, ремесленники, гриоты.

Вершину сословно-кастовой иерархии в арабо-берберских областях занимали племена воинов арабов (хасанов) и частично берберов. Они образовали господствующий слой, который считался «благородным», потому что не занимался физическим трудом. Последний был уделом низших сословий и каст. Эти племена взяли на себя «защиту» марабутских племен и племен зенага. За «защиту» воины взимали дань: марабуты платили им коллективную дань, зенага — индивидуальную.

Племена воинов сохраняли свое господствующее положение, опираясь на силу. Только они могли иметь и применять оружие. Воины были «правоверными», однако в массе уровень их культуры и религиозных знаний был ниже уровня культуры и знаний марабутских племен [107, с. 126, 140—141].

Марабуты (завия, толба) образовали духовную «аристократию» общества. Они являлись потомками берберов, которые были хозяевами страны до прихода арабов-хасанов. Будучи кочевниками-скотоводами, торговцами, религиозными проповедниками и учеными (улемами), они владели движимым (рабы, скот) и недвижимым (земли, пальмовые рощи) имуществом. Марабуты были религиозным и просвещенным сословием-кастой.

Верхушка марабутских племен руководила кораническими школами, в которых обучались дети воинов, марабутов, зенага. Она имела группы последователей-студентов, которые, окончив длительный курс обучения (до 15—20 лет), также становились шейхами, руководителями собственных школ. Верхушка считала, что именно она подлинная носительница арабо-исламской культуры и обладательница религиозных знаний. Она давала воинам советы, защищала их в спорах, обеспечивала амулетами-талисманами, учила их детей.

Что касается военной верхушки, то она одновременно уважала марабутов (как носителей арабо-исламской культуры и религиозных знаний) и презирала их (они-де «не воины»). Однако если многие марабутские племена стремились приобрести статус воинов и некоторые из них (идуайш, регейбат) добились его, то отдельные племена воинов добровольно переходили в статус марабутов (уляд бирри). Такие племена получили название «тийаб», т. е. «раскаявшиеся».

Между семьями воинов и марабутов могли заключаться браки. Часто молодой марабут брал в жены девушку из военного сословия-касты. Но марабуты неохотно выдавали своих дочерей за молодых воинов, видя в них плохих мусульман.

Воины и марабуты считались свободными людьми, статус которых давал им право господствовать над всем остальным населением, состоявшим из зенага, харатинов, рабов, ремесленников, гриотов, рыбаков (имраген) и охотников (немади).

Зенага были берберами-данниками, или «белыми» данниками. Они также являлись людьми свободными, но подчиненными воинам и марабутам. Полагают, что зенага были потомками тех берберских племен, которые еще до прихода арабов-хасанов занимали зависимое положение от «благородных» берберов. С воцарением хасанов первые стали данниками, вторые — марабутами. При этом зенага платили дань и воинам и марабутам: первым — за военную защиту, вторым — за религиозную. Обычно каждая семья зенага прикреплялась к той или иной семье воина либо марабута, выполняла повинности в их пользу. Зенага одновременно занимались скотоводством и земледелием. Часть произведенных ими продуктов передавалась воинам и марабутам. Одни зенага становились караванщиками, которые вели торговые караваны, нередко снаряжавшиеся богатыми марабутами, другие — пастухами, охранявшими стада воинов и марабутов. Некоторые зенага имели собственные стада, могли владеть рабами, эксплуатировать харатинов.

Промежуточное положение между воинами и марабутами, с одной стороны, и рабами — с другой, занимали харатины, или вольноотпущенные. Они считались свободными, но их свобода была свободой зависимой и приниженной социальной группы. Их часто называли «черными данниками» в отличие от «белых» (зенага). Действительно, большинство харатинов вело свое происхождение от негроидных предков — земледельцев, автохтонов доберберского периода. Санхаджа, захватив Мавританию в III—V вв., обратили негроидное население (особенно в оазисах) в рабов. В последующий период (V—XV вв.) в рабов обращались также пленные негроиды, захватывавшиеся берберами, а с XV в. и хасанами во время их набегов на различные области Западного Судана. Хозяева по тем или иным причинам (ислам также поощрял это) освобождали своих рабов. Нередкими были случаи, когда рабы сами выкупали себя и становились свободными, харатины. Однако этническое и расовое происхождение хара-

тинов, их приниженный социальный и политический статус, делали эту группу своеобразным анклавом общества.

Во время войны харатинам вручалось оружие. Они могли участвовать в военных действиях и набегах, получать свою долю добычи. Некоторые из них становились владельцами собственных рабов и имели «своих» харатинов. Случалось, что харатины объединялись и, создав многочисленную и сильную группу, отказывались от защиты воинов и марабутов, прекращали выполнять в их пользу повинности.

Воины, марабуты, зенага и, как только что отмечалось, харатины владели рабами. Обычно раб принадлежал либо большой семье, либо малой. Хозяин имел абсолютное право на жизнь и смерть раба, мог продать и подарить его (часто отдельно мужа от жены, мать и отца — от детей). Но он редко злоупотреблял своим правом и содержал рабов в сносных условиях, так как был заинтересован в здоровой и энергичной рабочей силе. Рабы в хозяйстве господина либо выполняли работу по дому, либо трудились на принадлежащем ему земельном участке. В первом случае господин полностью содержал раба, во втором — уступал рабу какую-то долю урожая. В богатых семьях рабы нередко выступали в роли доверенных лиц, телохранителей.

Помимо перечисленных выше сословий и каст имелось несколько небольших социальных групп. Одни западные ученые считают их внекастовыми, другие, наоборот, настоящими кастами. Речь идет о гриотах (игауан), ремесленниках (маалемин), рыбаках (имраген), охотниках (немади).

Гриоты образовали малочисленную касту, которая в социальной структуре стояла выше зенага. Браки заключались обычно между членами кастовой группы. Бывали, однако, случаи, когда какой-нибудь воин или марабут брал в жены девушку-гриотку. Но такие браки обоими привилегированными сословиями осуждались. Как правило, отдельные гриоты ставили себя под защиту какого-нибудь крупного (чаще военного) вождя, войдя в состав его клиентелы.

Гриотам приписывали особые колдовские и магические качества, способность навлечь чары на любого человека. Поэтому гриотов боялись и в то же время стремились привлечь на свою сторону. Крупные вожди делали их своими советниками и доверенными лицами. Поэты и знатоки родословных воспевали этих вождей. Ни один праздник, ни одна церемония, ни один ритуал не обходились без участия гриотов — носителей культуры, хранителей традиций.

Незначительной по численности была и прослойка (каста) ремесленников, формировавшая отдельную социальную эндогамную группу. Как и гриоты, они считались людьми свободными, но вынужденными искать защиту и покровительство. В отличие от гриотов ремесленники находили защиту не у отдельных вождей, а у той социальной группы (рода, группы родов), на которую в данное время работали. За защиту они платили дань

как клиенты группы. В большинстве своем ремесленники являлись странствующими мастерами, переходившими из поселения в поселение. Кузнецами, золотых и серебряных дел мастерами, столярами, шорниками, строителями колодцев были мужчины, обработкой шкур и выделкой кож, изготовлением тканей занимались женщины.

Рыбаки (имраген) ловили рыбу за побережье океана от Нуакшота до Дахлы (Вилья Сиснерос). Большинство их составляли вольноотпущенные и рабы племен воинов, от которых они зависели и на которых работали.

Данниками племен воинов были также охотники (немади), образовавшие особую социальную группу (касту). Французские исследователи считают, что группа сложилась из представителей различных этнорасовых компонентов. Селились немади в отдаленных и изолированных местностях. Своим покровителям-воинам охотники платили дань (вяленое мясо и шкуры).

Не менее сложной была социальная и политическая организация арабо-берберского общества. Каждое племя и его подразделения — фратрия, род, большая и малая семья воинов — имели своих марабутов, зенага, харатинов, рабов, ремесленников, гриотов. То же можно сказать о марабутских племенах, племенах зенага и их подразделениях. Даже харатины имели «своих» харатинов и рабов.

Природные условия (малые ресурсы пресной воды, скудные пастбища) вынуждали кочевников жить большими семьями. Поселение одной семьи отстояло от поселения другой на значительном расстоянии и состояло из нескольких шатров. Шатер главы семьи занимал самое безопасное место. Каждая малая семья имела собственный шатер.

Семья арабов-берберов была патриархальной, патрилинейной, патрилокальной, объединяла три-четыре поколения родственников. Браки у арабо-берберов были экзогамными. Каждая семья воина или марабута имела своих данников, харатинов, рабов. В поселении харатины и рабы жили в отдельных шатрах. Ни одна большая семья не могла самостоятельно существовать без поддержки и помощи других больших семей. Семьи арабо-берберов объединялись во фратрии и племена, которые вели свое происхождение от общего, часто мифического, предка. На это указывали имена, которые носили эти объединения: им обычно предшествовало слово «уляд» или «ид», что означало соответственно по-арабски и по-берберски «сыновья такого-то».

Племена (фратрии, семьи) часто принимали в свою среду чужаков в результате браков или усыновления. Чужаки имели в принявшей их группе равные с его членами права и обязанности. Фратрии воинов, марабутов, зенага различались по числу входивших в них больших семей — от 10 до 100. Они (кроме зенага) имели общих данников и коллективное имущество (пастбища, колодцы, пальмовые рощи, заросли акаций). Сплоченность фратрий была теснее, чем сплоченность племен.

Племя объединяло несколько фратрий (их число было различным — от двух до шести и более). Но такое объединение было слишком широким, а поэтому в социальном отношении недостаточно прочным. При возникновении внешней угрозы на первый план выступало племя — объединение, имевшее в основном политические и военные функции, предгосударственные институты. Племя возглавляли влиятельный вождь (эмир у воинов, шейх у марабутов) и весьма авторитетное собрание знати (джамаа), в которое входили вожди фратрий и главы больших семей. Уже в XVII в. пост вождя принадлежал эмирской семье и переходил по наследству. Когда же наступал вооруженный конфликт, выдвигался военный вождь. Им были или сам эмир, или его родственники, или воин, обладавший большими способностями в ведении военных действий. В назначении военного вождя решающее слово имело джамаа.

В конце XVII — начале XVIII в. в арабо-берберских областях возникли эмираты — раннефеодальные государства, в которых власть все еще делили верховный вождь (эмир) и джамаа. Эмиру номинально подчинялись вожди племен и фратрий, которые, в свою очередь, также делили власть с соответствующими джамаа. В политических условиях того времени вождь выполнял прежде всего военные обязанности, а затем судьи над своими подданными, арбитра во внутренних спорах между фратриями и между большими семьями. В отношениях с другими племенами он выступал в качестве законного представителя своего племени (в частности, по таким вопросам, как межплеменные тяжбы, кровная месть и другие).

Джамаа племен и фратрий в XVIII—XIX вв. состояли уже не из глав всех больших семей, а из глав семей знатных, «благородных». И места в джамаа также переходили от отца к сыну (или ближайшему мужскому родственнику). Члены джамаа больше не избирались и не отзывались. Их членство было обеспечено принадлежностью к «благородной» семье.

Джамаа имели полномочия обсуждать важные вопросы и высказывать по ним свое мнение. Они имели возможность контролировать действия вождей, которые были обязаны уважать их мнения, а во многих случаях быть исполнителями их решений. Лишь в эмиратах и некоторых племенах авторитетные верховные вожди (эмиры) могли навязывать свою волю и игнорировать мнение джамаа. Вожди и джамаа существовали как у воинов, так и марабутов. Состав джамаа и выбор вождей у тех и у других не различался. Однако у марабутов наследственное право заседать в джамаа ценилось меньше, чем личный авторитет.

В создании эмиратов Адрар, Бракна, Тагант, Трарза одинаково сильное влияние оказали как внутренние, так и внешние факторы. Знать племен воинов нуждалась в сильном аппарате подавления, чтобы держать в покорности низы собственных племен, но особенно подчиненные марабутские племена и племена

зенага, а также харатинов и рабов. Она была заинтересована в объединении и единстве перед нараставшей угрозой ее позициям со стороны европейских держав и Марокко. Марокканские султаны не скрывали своих планов захвата верховьев Сенегала и Нигера — областей, богатых золотом и рабами.

Однако в XVIII—XIX вв. власть эмиров была слабой. Эмир был скорее военным, чем политическим вождем. Ему редко удавалось установить в эмирате «мир и порядок», управлять племенами как верховный суверен. Отсутствие налаженной системы фиска порождало злоупотребления: поборы с низов, грабеж подчиненных племен, набеги на соседей — арабо-берберских и особенно негроидных долины Сенегала. В верхних эшелонах общества шла борьба за привилегии и материальные блага. Феодальная вольница нередко создавала обстановку анархии в эмиратах.

Долина Сенегала была одновременно границей и местом встречи двух цивилизаций — оседлой земледельческой негроидов и кочевой скотоводческой берберов и арабов-хасанов. Здесь был настоящий межэтнический котел, в котором на протяжении многих веков смешивались этносы, приходившие с севера (берберы, арабы), юга (волоф, серер), востока (сонинке, бамбара, малинке), а с XV в. — и с запада (европейцы). Группы берберов и фульбе, кочевавшие к северу и югу от долины, сначала приходили как торговцы (до XVI в.), затем как завоеватели (XVI—XVII вв.) и, наконец, осели в правобережье р. Сенегал.

Экономическая деятельность населения Фута Торо (и других этносов долины) включала земледелие, отгонно-пастбищное скотоводство, рыболовство, ремесла, торговлю.

Географическая среда диктовала не только метод и форму организации труда во времени и пространстве, но и воздействовала на поземельные отношения и социальную структуру.

Население правобережья выращивало несколько сортов мила (проса) — основного продукта питания. На затопляемых землях обычно сеяли сорго и крупный миль, на незатопляемых — мелкий. Овощные и бахчевые считались второстепенными культурами. Относительно широкое распространение имело выращивание индиго и хлопка. Орудия производства были архаичными: мотыга для обработки почвы, нож или серп для уборки урожая. Плуг и тягловый скот, удобрения не применялись. Низкий агротехнический уровень, засухи, нашествия саранчи делали земледелие в правобережье рискованным.

Условия для второго по значению занятия — скотоводства были относительно благоприятными (обширные пастбища, особенно в сезон дождей, наличие воды). Однако не все семьи держали скот. У тех, кто это делал, стада, как правило, были небольшими.

Важное место у тукулеров занимало рыболовство. Ловля рыбы была «монополией» профессиональной касты субалбе. Ловили только в проточной воде (реке), избегая стоячую (болота).

Меньшую часть улова потребляли сами, большую обменивали на продукцию земледелия и скотоводства.

Ремесло также находилось в руках профессиональных каст: кузнецов (производили орудия земледелия, кухонную утварь, изделия из серебра и золота), плотников (строили рыбацкие лодки-пироги), гончаров (изготавливали посуду, светильники), ткачей, портных, кожевников (делали обувь, сбрую и др.). Специализация была наследственной.

Фута Торо выступало как перекресток торговых путей: одного — с юга на север и другого — с востока на запад. Река Сенегал и ее притоки были судоходны круглый год для больших парусных лодок. Из правобережья шли тропы, по которым товары, прибывшие из Тропической Африки, направлялись в Северную через области нынешней Мавритании — Трарзу, Адрар, Тирис. Лишь немногие продукты самой долины были объектом обмена. С арабо-берберами, например, обменивали просо и рабов (последних — на соль, ремесленные изделия из Магриба, позже — на камедь, сбывавшуюся европейцам). Обмен производился напрямую, без посредников. Таким же он был между деревнями долины и внутри деревень. В Фута Торо не было таких торговых центров, как у арабо-берберов (Аудагост, Валата, Вадан). Металлических денег долина также не знала. Эквивалентом стоимости была мера проса. Она же лежала в основе исчисления размеров дани и повинностей.

В отличие от арабо-берберов у тукулеров в непосредственную производственную деятельность было задействовано подавляющее большинство населения (исключая фульбскую верхушку). Для других занятий (торговых, интеллектуальных, военных) у них оставалось мало времени. Зато тукулеров отличало стремление к накоплению имущества, продовольствия.

Социальная структура у тукулеров была не менее сложной, чем у арабо-берберов. Это наблюдалось уже на уровне поселений. Если у арабо-берберов основной социальной и экономической единицей была малая семья (шатер), то у тукулеров — часть большой семьи (галла). Если у арабо-берберов шатры были разбросаны в беспорядке по поселению, то у тукулеров поселение представляло собой огороженное место, в котором в строгом порядке размещались жилые помещения для каждой малой семьи, общие хозяйственные постройки (амбары), загон для скота, огороды. У входа в огороженное место с внутренней стороны ставили для охраны хижины рабов и младших членов галла.

Галла могла объединять в одном месте до четырех поколений родственников, ведущих происхождение от одного мужского предка. Она включала семьи женатых сыновей и внуков. Здесь же жили младшие братья главы галла, замужние, разведенные и незамужние единокровные сестры и кузины, а также вольноотпущенные и рабы. Несколько галла образовывали группу больших семей (во французской литературе — линьяж, английской — линидж), которая занимала всю деревню или ее часть. Главы

каждой галла были родными братьями. Земля, на которой жила и трудилась галла, находилась в коллективном владении ее членов.

Большую семью возглавлял старейшина, который руководил сходами, посредничал при урегулировании споров и конфликтов. Его слово было решающим при распределении земельных участков среди галла. Он представлял во всех внешних делах семью. Если же семья старейшины была основательницей деревни, то он признавался деревенским вождем. В ином случае входил в состав совета, помогавшего вождю.

Что представляла собой малая семья? Она была патриархальной, патрилинейной, полигамной. Главой семьи был мужчина, обладавший абсолютной властью над своими женами и детьми. Сыновья со своими женами и детьми оставались с отцом, а дочери уходили жить в семьи их мужей. Родство велось только по отцу: потомки носили его имя. Личное имущество и права на коллективное имущество наследовались по мужской линии. Глава малой семьи подчинялся главе галла (сегмент линьяжа) и старейшине линьяжа.

Сохранялись пережитки матриархата. Например, сыновья брали жен из семьи матери. Вдовец имел преимущественное право жениться на сестрах покойной жены, а младший брат умершего старшего брата был обязан жениться на его жене (женах). Нередкими были матрилинейные и матрилокальные браки. Однако уже наблюдалась тенденция, когда не родственные связи диктовали браки, а, наоборот, браки начинали формировать родственные связи.

Система родства была производной от существовавшего способа производства, что наглядно видно на примере землепользования и землевладения. Самыми ценными считались затопляемые земли (вало). Их площади были одновременно ограниченными и постоянными в своих размерах. Вало являлись коллективным владением линьяжа. Ими распоряжался старейшина, который определял участки между главами малых семей. Участок предоставлялся на всю жизнь. Если семья не могла обрабатывать всю землю вало, излишки поступали в распоряжение старейшины, который мог поступать с ними по своему усмотрению (эксплуатировал сам или привлекал чужаков на правах пожизненных пользователей, но без права отчуждения участка).

Иным было положение с незатопляемыми землями (диери). Этих земель имелось в избытке. Поэтому каждая малая семья или отдельное лицо, поднявшие новь и обрабатывавшие ее, считались владельцами участков.

Таким образом, главной ячейкой производства была малая семья. Ей принадлежали участки диери и участок вало, полученный из общего земельного фонда линьяжа. В первом случае малая семья выступала как владелец (присваивала участок посредством труда своих членов), во втором — как землепользователь (в качестве члена линьяжа).

В то время как присвоение главного средства производства — земли — происходило на уровне линьяжа, производство средств существования осуществлялось на уровне малой семьи. Повседневная хозяйственная жизнь проходила в рамках галла: предоставление участков вало, заключение браков, платежи натуральных налогов и выполнение трудовых повинностей производил старейшина этой единицы.

У тукулеров предпочитались и поощрялись браки между родственниками. Если женились на кузине по отцовской линии, то линьяж укреплялся, поскольку никакое коллективное имущество не утрачивалось. Если девушка выходила замуж за неродственника, то ей участок давался только во временное пользование. В случае развода или вдовства земля возвращалась в общину. Выкуп, который жених платил отцу невесты, обычно включал предметы движимого имущества (скот), но не землю.

Земледельческое хозяйство тукулеров в XVII—XIX вв. было хозяйством самообеспечения. Сословные кастовые отношения отсутствовали, а классовые (эксплуатация) были замаскированы, поскольку рабы и вольноотпущенные включались в семейное производство наравне с другими ее членами. Однако уже в XVII вв. в обществе тукулеров четко наблюдалось неравенство как между племенами, так и между сословиями, кастами. Положение каждого тукулера определяла принадлежность к тому или иному линьяжу. Но положение линьяжа характеризовалось его местом в общей иерархии сословий и каст. И эта иерархия у тукулеров была сложнее по сравнению с берберами. В условиях оседлости она ощущалась постоянно и повсеместно.

Общество тукулеров делилось на группы слоев и отдельные слои, положение которых определялось их близостью или удаленностью относительно власти. Тем самым фиксировалось их социальное, а значит, и политическое положение. Близость или удаленность от власти зависела от функций, которые принадлежали той или иной социальной группе. Чисто экономические функции выполняли низшие слои.

Сословия были более многочисленными и менее закрытыми, чем касты. В этом проявлялось различие между ними. Но они имели и общее — были эндогамны.

Общество тукулеров в середине XVIII и в XIX вв. делилось на свободных, зависимых, членов каст. Свободных людей в Фута Торо называли «римбе». Они занимали привилегированное, точнее, господствующее положение по отношению к кастам (ньенбе) и зависимым (дьябе). Однако они состояли из разнородных социальных групп, обладавших различными функциями и стоявших на разных ступенях иерархии.

Выше всех стояли «себе», выполнявшие военные функции. Это были телохранители, интенданты, сборщики налогов. К ним принадлежали также диавамбе — придворные и советники при особах сатиги и крупных вельмож. Ступенькой ниже располагались торобе — свободные земледельцы, обладавшие правом но-

сильное оружие. Часть торобе выполняла также функцию мусульманских проповедников.

Наряду с земледелием благородным и важным занятием у тукулеров считалось рыболовство. Такое занятие было не обязанностью, а привилегией. Поэтому рыбаки (субалбе) находились в привилегированном положении по отношению к ньенбе и дьябе. Но на социальной лестнице они все же находились ниже себе и торобе.

Другой полюс, или вторую группу, составляли рабы (хальфабе) и вольноотпущенные (сотибе). Рабы не имели никаких прав, в частности не могли владеть каким бы то ни было имуществом. Их уделом была работа на господина. Последний мог продать раба, передать по наследству, а также включить в брачный выкуп. Рабы высоко ценились в обществе: они производили прибавочный продукт, который господа присваивали полностью, во время войны им вручалось оружие.

В XVII—XVIII вв. в долине Сенегала обращение людей в рабство приняло широкий характер. Рабов продавали европейцам, обосновавшимся на атлантическом побережье. Фульбская верхушка все чаще обращала в рабов своих подданных. Рабами могли владеть все свободные люди, в том числе члены каст. Главы могущественных линияжей имели целые «общины» рабов, управлявшихся одним из доверенных рабов — ягодином. Во время военных действий рабы составляли ядро войска сатиги, а поэтому несли наибольшие потери.

Ислам несколько смягчил положение рабов тем, что поощрял владельцев-мусульман отпускать своих рабов на волю. Освобожденный раб приобретал статус вольноотпущенного. Этот статус, однако, был ниже статуса свободных людей и членов каст. Их правовое положение было полурабским. Вольноотпущенные не владели землей, а поэтому должны были добывать средства к существованию, работая в чужом хозяйстве, чаще всего в хозяйстве своего бывшего господина. Получали за свой труд долю урожая (приплода скота), которой могли распоряжаться по своему усмотрению.

Третья группа, которая занимала промежуточное положение между первой и второй, в свою очередь, подразделялась на две подгруппы: первая действовала в сфере материального производства (ремесла), вторая — в духовной (традиционная культура). Обе подгруппы имели статус каст, причем этот статус был более жестким, чем у арабо-берберов. В первую подгруппу входили ткачи, кузнецы, ювелиры, кожевники и сапожники, плотники, столары, гончары. Во вторую — гриоты.

Членов каст называли «ньяндю», корень которого значил «украшать». Каста представляла собой группу семей, обладавших наследственной «монополией» на производство определенных предметов потребления или на предоставление особых услуг. Касты ремесленников производили предметы, предназначенные как для хозяйственной деятельности, так и для потребления.

Они изготавливали также земледельческие орудия и хозяйственную утварь из металла, лодки, гончарные изделия. Что касается каст гриотов, то они в первую очередь обслуживали знатных и богатых, во вторую — выступали организаторами народных празднеств. Хотя касты состояли из свободных людей, их презирали, как людей неблагородных занятий.

В Фуга Торо каст было больше, чем у арабо-берберов. Это объяснялось тем, что потребности и возможности у оседлых были более дифференцированными.

Замкнутость сословий и каст у тукулеров была строже, чем у арабо-берберов. Браки между сословиями ограничивались. Мужчина из высшего сословия мог жениться на девушке из низшего. Дети от такого брака принадлежали к сословию отца. Но мужчина из низшего сословия не мог жениться на девушке из высшего. Экзогамия чаще встречалась в кастах. Но и здесь были исключения. Ремесленники могли вступать в браки друг с другом: например, юноша из касты кузнецов с девушкой из касты сапожников. Но брачные союзы между ремесленниками и гриотами были крайне редкими.

Описанные выше политико-социальные структуры сохранялись в обществах арабо-берберов (с конца XVII до начала XX в. шел процесс формирования нового этноса — мавров) и негроидов (тукулеров, фульбе, волоф, сонинке) вплоть до вторжения французов. Они испытывали изменения под воздействием как внутренних процессов, так и внешних факторов. Эти изменения, как правило, вели к ускорению социальной дифференциации и имущественного расслоения, к усилению эксплуатации низов верхними слоями общества.

Активизация Франции в долине р. Сенегал

По условиям Парижского договора 1814 г. Англия вернула Франции ее владения в Западной Африке. Но она сохранила за собой исключительное право закупок камеди.

В 1817 г. Сен-Луи снова стал французским. Туда прибыл губернатор Сенегала Шмальтц. С его именем связывают активизацию проникновения Франции как в левобережье, так и правобережье р. Сенегал. Уже в 1817—1818 гг. Шмальтц провозгласил «защиту» Вало, государства волоф, признававшего сюзеренитет эмира Трарзы. В 1818 г. Шмальтц основал военный пост Бакель в верховьях Сенегала. В мае 1819 г. Франция купила у правителя Вало полосу земли, прилегающую к реке, и построила там военный пост и пристань Дагану. Объединенными усилиями эмиры Трарзы и Бракны пытались в 1819—1820 гг. остановить экспансию французов в долине Сенегала, но успеха не имели. Более того, в июне 1821 г. эмиру Трарзы М. аль-Хабибу пришлось подписать договор, по которому он отказывался от претензий на Вало [116, с. 72—73; 125, с. 84; 127, с. 39].

Королевский ордонанс от 29 января 1842 г. ориентировал власти Сенегала на активизацию экспансионистской политики в долине. Речь шла уже не о проникновении, а о территориальных захватах. Но для проведения такой политики была необходима колониальная армия. Париж соглашался дать властям Сенегала офицеров, а солдат рекомендовал вербовать на месте. 17 июля 1847 г. было объявлено о создании корпуса сенегальских спаги (конников-африканцев) [116, с. 75; 127, с. 39].

Восшествие на трон Франции Наполеона III сопровождалось принятием новой колониальной программы. Париж требовал утвердить суверенитет Франции над всей долиной Сенегала, защитить оседлое земледельческое население от кочевников-«грабителей». Власти Сенегала начали выполнять требования Парижа с основания военного поста в Подоре. Деревню тукулеров, осмелившихся оказать сопротивление, они приказали сжечь [116, с. 75].

Ревностным исполнителем воли французской буржуазии стал Федерб. Пост губернатора он занимал (с перерывом) девять лет: в 1854—1861 и 1863—1865 гг. И все эти годы упорно проводил курс территориальных захватов. Федерб был автором стратегии и тактики, осуществлявшихся в правобережье р. Сенегал во второй половине XIX и начале XX в. Вкратце его программа сводилась к следующему: диктовать свою волю вождям мавров в торговле камедью; применять вооруженную силу, если ничего нельзя получить «убеждением»; аннулировать пошлины, уплачиваемые маврам; установить суверенитет Франции над всей долиной Сенегала; окончательно ликвидировать вассальную зависимость Вало по отношению к Трарзе.

Свои действия Федерб начал с аннексии в феврале 1855 г. Вало, которую М. аль-Хабиб расценил как объявление войны, и увеличил размеры пошлин, а затем в апреле 1855 г. предпринял попытку захватить Сен-Луи. Отразив атаку эмира, Федерб организовал набеги на территорию Трарзы. Его отряды захватывали скот, перехватывали караваны, блокировали доступ к р. Сенегал. Федерб рассчитывал довести трарза до голода. В сезон дождей ему это не удавалось: трарза уходили со своими стадами на север. Но в сухой сезон они попадали в крайне затруднительное положение. Трарза были вынуждены запросить перемирия и пойти на переговоры. 20 мая 1858 г. М. аль-Хабиб принял продиктованные ему условия: признал французский суверенитет над Вало и свою вассальную зависимость от Франции, замену пошлин трехпроцентным налогом, взимаемым за вывоз камеди [127, с. 41; 44, с. 52].

Такой же договор Федерб навязал 10 июля 1858 г. эмиру Бракны. На какое-то время эмираты Трарза и Бракна были нейтрализованы. Однако Федерб решил пойти дальше — расколоть арабо-берберское общество. Он надеялся столкнуть верхушки марабутских племен и племен воинов. Первые его попытки в этом направлении были неудачными. Глава марабутов шейх Си-

дия аль-Кабир высказался в поддержку антифранцузской коалиции [116, с. 77—78; 124, с. 91; 127, с. 41—43]. Но Федерб не терял надежды, и в конце концов его расчеты оправдались.

Упразднение в 1858 г. пошлин привело к резкому сокращению доходов военной верхушки. Она усилила эксплуатацию мабутских племен и племен зенага. Множились ее набеги на оседлое население долины Сенегала. Вместе с тем усилились противоречия внутри верхушки, между отдельными ее группами, из-за добычи, влияния. Эти противоречия нередко перерастали в вооруженные междоусобицы. Раздоры в арабо-берберском обществе, считали в Сен-Луи, были гарантией безопасности Сенегала.

Однако попытки Федерба установить контроль Франции над верховьями Сенегала, средним и верхним течением Нигера были неудачными. Правда, на первых порах французам удалось достигнуть Мадины (ныне — в Мали). Дальше они продвинуться не смогли: на их пути встало государство аль-Хадж Омара, «черного пророка». Им пришлось временно отказаться от своих планов на востоке, обратив захватнические аппетиты на север, в правобережье р. Сенегал.

Началась активная подготовка условий к экспансии в областях, населенных арабо-берберами. Федерб считал, что ключевыми в этих областях были эмираты Адрар и Тагант. В марте 1860 г. он отправил экспедицию Венсана в Адрар, а в июне того же года экспедицию Буреля в Бракну, лежащую на подступах к Таганту. Результаты обеих экспедиций подтвердили мнение Федерба, что для покорения арабо-берберов необходимо овладеть Адраром и Тагантом. Эти горные области были удобным убежищем для арабо-берберских отрядов, резервуаром продовольственных ресурсов (финики, зерно, овощи, плоды) и пресной воды. Преемники Федерба следовали его стратегии и тактике в конце XIX и начале XX в.

После заметного спада колониальной активности, вызванного поражением второй империи во франко-прусской войне 1870 г., Франция в конце 70-х годов возобновила политику территориальных захватов, в том числе в Африке. Чтобы обеспечить успех в междуречье Сенегала и Нигера, Париж счел необходимым обеспечить мирные отношения с арабо-берберами. В апреле 1879 г. Франция подписала протокол-дополнение к договору 1858 г. с Трарзой. В обмен на полную свободу закупок товаров (особенно камеди) в эмирате власти Сен-Луи брали обязательство ежегодно поставлять эмиру в виде натуральной платы 1200 кусков «гвинейки» (хлопчатобумажной ткани). Такой же протокол они подписали в Подоре с Бракной (ее эмир получал 2 тыс. кусков «гвинейки») [116, с. 82].

Тогда же французами была использована очередная вспышка междоусобицы в Трарзе. В конце 1886 г. эмир Али Диамбот, сын М. аль-Хабиба, был убит своим племянником Фалом. Сын убитого Ахмед Салум бежал в Сен-Луи. Получив помощь французов, он сверг Фала. В апреле 1887 г. молодой эмир заключил

договор с властями Сен-Луи. Он окончательно отказался от притязаний на левобережье р. Сенегал, гарантировал французским торговцам полную свободу торговли в Трарзе.

Воспользовавшись улучшением отношений с Трарзой, власти Сенегала стали засылать новые разведывательные миссии в Мавританию. В 1886 г. Раффенель исследовал бухту Леврие (Нуадибу), в 1891—1894 гг. Л. Фабер совершил пять поездок в Трарзу. В середине 90-х годов успешное путешествие в Адрар осуществил Г. Доннэ [116, с. 83].

В 80—90-е годы французы сознательно поддерживали мир с маврами. Это объяснялось тем, что они столкнулись с огромными трудностями в междуречье Сенегала и Нигера. Им приходилось почти одновременно вести войны с правителем государства тукулеров Ахмаду, руководителем антиколониального восстания сонинке Мамаду Ламином в Бонду в 1886—1887 гг., лидером антифранцузской борьбы малинке Самори (в 1891—1898 гг.). Справившись с этими опасными противниками, Франция считала, что настало время решать проблему правобережья р. Сенегал. К тому же в Париже опасались, что область к северу от р. Сенегал, прилегающая с юга к Алжиру и Марокко, может попасть в руки кого-либо из конкурентов (например, Германии). Все это в какой-то мере объясняет появление в 1898 г. на политической сцене Западной Африки одного из активных строителей африканской империи Франции — Ксавье Копполани (1866—1905).

Материальная и духовная культура

Сведения о культуре народов Мавритании в XVII—XIX вв. скудны, хотя они и пополняются в результате археологических, антропологических, этнографических исследований, начатых в 10—20-е годы XX в. и продолжающихся до сих пор.

Культурными центрами в XVI—XIX вв. были города, укрепленные селения — ксуры (ед. ч. — ксар), зави́и (ед. ч. — завия) — группы построек, включающие мечеть, кораническую школу, постоянный двор, усыпальницу основателя или какого-нибудь святого. Городов насчитывалось немного, они отстояли друг от друга на большие расстояния. Наиболее древними были Вала́та (основана в 40-е годы XIII в.), Шингетти (60-е годы XIII в.), Вадан (20-е годы XIV в.), Тишит (XIV в.). К ним надо отнести Тегдауст, возникший в XVII в. на месте разрушенного Аудагоста (основан в VIII—IX вв.). Относительно молодыми считались Тиджикжа (1687 г.), Каср аль-Барка (1690 г.), ар-Рашид (1728 г.), Акрейжит (1851 г.), Каэди («столица» Фута Торо).

На жизнь городов большое влияние оказывали резкие изменения в экологической обстановке. Когда, например, в изобилии имелись тучные пастбища, пресная вода, то и берберы и арабы-хасаны предпочитали полукочевой и даже оседлый образ жизни. Города становились более населенными, в них процветали тор-

говля, ремесла, культурная деятельность. И наоборот, если наступал продолжительный засушливый период, города начинали хиреть. Главной причиной угасания Аудагоста был уход на большую глубину горизонтов пресной воды.

Решающую роль в развитии материальной культуры играли ремесленники, в развитии духовной — верхушка марабутских племен (науки, классическая поэзия) и гриоты (народная поэзия, различные виды искусств).

Ремесло обособливалось как самостоятельная отрасль хозяйственной деятельности. Этому способствовала этносоциальная ситуация. В городах, например, ремеслом занимались исламизированные евреи, мигрировавшие из Южного Марокко, и выходцы из негроидного населения долины Сенегала, в сельской местности — в основном негроиды. Кочевники, особенно арабы-хасаны, считали физический труд, в том числе ремесленный, низменным занятием.

В Мавритании XVII—XIX вв. существовали три вида ремесла: домашнее, на заказ, на рынок. Первое еще не выделилось в самостоятельную хозяйственную деятельность. Оно производило предметы для удовлетворения нужд того хозяйства, членами которого были сами изготовители. Например, в поселении ткачеством могли заниматься все женщины независимо от социального положения. Часть ремесленников постоянно трудилась в хозяйствах представителей господствующих социальных групп (воинов, марабутов). Они изготавливали предметы, которые потреблялись внутри этих хозяйств. Такое ремесло также следует отнести к категории домашнего.

Большинство же предметов домашней утвари, обстановки, одежды и обуви, а также холодное оружие и ювелирные изделия выпускались кастой ремесленников на заказ. Заказчики — скотоводы, земледельцы, торговцы — расплачивались с ремесленниками натурой (зерном, скотом, солью и др.). В зонах кочевого скотоводства заказы выполнялись странствующими ремесленниками, переходившими из поселения в поселение.

В городах и ксурах развивалось, хотя и медленно, изготовление изделий уже на рынок. Такое производство приобретало характер мелкотоварного.

В XVII—XIX вв. продолжался процесс специализации и разделения труда в ремесленном производстве. Среди ремесленников встречались кузнецы, ювелиры, оружейники, каменщики и строители, кожевники, дубильщики и красильщики, сапожники и портные.

Изделия, производимые ремесленниками, нередко отличают профессиональное и художественное мастерство, их прямую связь с местными культурными традициями. На это указывают ювелирные изделия (золотая и серебряная бижутерия), выделка и отделка (включая окраску, нанесение орнамента и рисунка) предметов из кожи, шерсти (ковры), травы (циновки), архитектура жилых, культовых, общественных построек.

Художественные ремесла и архитектурные стили испытывали влияние Магриба (а через него — Южной Европы), Аравии, Египта, соседних африканских государств Сахеля и зоны тропического леса. Различие архитектурных стилей Мавритании хорошо видно на примере Валаты и Тишита [134, с. 33—36; 126, с. 99, 131—144]. Строители первой больше ориентировались на Гао и Томбукту, второго — на Марокко.

Славу и оригинальность Валате создала архитектура ее многоэтажных домов. Эти массивные дома, построенные из тесаного камня или красного необожженного кирпича, имели строгий и скромный вид, но богатый интерьер (двор, комнаты). Наружные стены покрывались штукатуркой из коричнево-красной глины. Цепь из фигурной лепки и бело-голубых рисунков обрамляла проемы для дверей, углы стен и фронтоны зданий. Сами двери, выходившие прямо на улицу, украшались пятаками металлических гвоздей и металлическими полосами.

Архитектурный стиль Тишита был еще более строгим. Постройки одноэтажные, редко двухэтажные, имели скромный настенный декор. Город, в отличие от Валаты, чьи многоэтажные дома беспорядочно загромождали узкие улочки, имел правильную планировку улиц и строений. Дома с плоскими крышами и слепыми наружными стенами имели вход со двора: либо на веранду, либо по лестнице на второй этаж. Наружные стены домов и стены, выходившие во дворы, украшались цветным (зеленым) камнем, выложенным в форме квадратов, треугольников, зигзагов. До наших дней дожила каменная мечеть Тишита с квадратным минаретом (высота — 16 м). Стены минарета украшал треугольный орнамент. Крыша молельного зала покоилась на 25 квадратных колоннах, не имевших основы и капители. В XIX в. население Тишита достигало 6 тыс. жителей, а число домов — 1200.

Близким к архитектурному стилю Тишита были стили Шингетти, Вадага, Тиджикжи и ряда других городов.

По берегам вадии (уэдов) размещались укрепленные селения (куру). Большинство жилищ здесь отличалось скромностью и неприязательностью. Каждый двор был обнесен высокой и толстой глинобитной стеной или стеной, построенной либо из песчаника, либо из асбеста. Все постройки находились внутри двора. На плоских крышах жилых домов обычно размещались своеобразные веранды, на которые вели каменные лестницы. Кладка стен осуществлялась без раствора или на глиняном растворе. По фасаду она была оголена, внутри помещений имела штукатурку без орнамента.

Жилищем кочевников служил шатер из растянутых на шестах полос шерстяной ткани. Размеры шатра, качество ткани, внутреннее убранство свидетельствовали о состоятельности хозяина и его положении в обществе.

В местностях, населенных волоф, были распространены квадратные глинобитные хижины с травяными четырехскатными

крышами. У тукулеров и сонинке строились из ветвей круглые хижины с конической травяной кровлей или прямоугольные глинобитные хижины с навесами. В плане деревни представляли собой цепочку хижин или располагались в форме подковы.

Духовную жизнь арабо-берберов и негроидов пронизывали законы и установления ислама. Ислам имел преимущества перед традиционными верованиями: он был (и остается) «письменной» религией, которая опиралась на более развитые социально-экономические отношения и, в свою очередь, являлась стимулятором различного рода научной, литературной и другой творческой деятельности.

Очагами исламской религии и арабо-берберской культуры были города Вадан, Валата, особенно Тишит и Шингетти. Последние два в XVII—XIX вв. были известны как культурные и научные центры не только в Западной Африке, но и во всем мусульманском мире.

Престиж Тишита обеспечивали как торговое процветание, так и развитие духовной культуры. Культурная деятельность концентрировалась вокруг мечети. Последняя привлекала прихожан из арабо-берберских и негрских областей. Ее библиотека хранила труды самого различного жанра, в том числе средневековые манускрипты. В библиотеках Тишита работали ученые — местные и пришлые. Среди письменных источников преобладали книги и рукописи, созданные представителями исламской культуры и науки. Особое место занимали исторические хроники, фиксировавшие события каждого года в самом Тишите, а также в Валате и Неме (область Ход).

В Тишите произошло взаимопроникновение суданской и арабо-берберской культурных традиций на базе развития прежде всего исторической литературы. Особенно сильным было влияние империи Сонгай, славившейся историческими хрониками.

В Тишите действовали школы: коранические (начальные) и завии (типа средневековых семинарий). В первых обучались дети с 6—7-летнего возраста, во-вторых — юноши с 16—17 лет. В группах вместе занимались арабо-берберы и негроиды.

Рост влияния Шингетти относят к началу XVII в., когда городом в течение 83 лет правил шейх берберского племени идауали Сид Ахмед аль-Вафи. В период расцвета, наступившего в начале XIX в., Шингетти имел 11 мечетей, завии, руководимые авторитетными марабутами, коранические школы, частные библиотеки.

Авторитет Шингетти еще в XVII—XVIII вв. перешагнул далеко за нынешние границы Мавритании. Его признавали во всем мире ислама. Он был причислен к разряду мусульманских священных городов наряду с Меккой, Мединой, Дамаском, Багдадом, Каиром, Тунисом. С начала XIX в. Мавританию стали называть «Траб аш-Шингитти», или «страна Шингетти».

В городе ежегодно собирались паломники из всей Западной Африки, прежде чем отправиться в Мекку. Сам Шингетти также был местом паломничества. Сюда приходили из других областей

Мавритании, Южного Марокко и Западного Судана, чтобы получить образование и религиозное воспитание. Выпускники коранических школ и завий становились распространителями исламской религии и культуры во многих странах Тропической Африки. В XVIII—XIX вв. из Шингетти переселились жители в Тагант и Трарзу, где образовали влиятельную религиозную и интеллектуальную прослойку.

Учащихся коранических школ и студентов завий в течение всего периода обучения содержал сам город. Их кормили и одевали, давали им жилье (чаще при мечети или в домах учителей). Обычно после пятничной молитвы в мечети того или иного городского квартала прихожанам объявляли, сколько учащихся и студентов они должны содержать. Собственно школ и классов с фиксированными учебными часами не было. Занятия (особенно в завиях) проводились на античный лад: в беседах под пальмами, во время пеших и верховых прогулок, во дворах мечетей или домах преподавателей.

Частные библиотеки имелись во многих областях Мавритании, в том числе в Шингетти. Чаще всего книги привозились из путешествий в страны Магриба и Египет, на Ближний Восток. Например, советник эмира Трарзы кади и поэт ульд Разга, в 20-е годы XVIII в. сопровождавший своего патрона в поездке в Марокко, привез сразу 400 книг (дар султана Исмаила). Но в Шингетти издавна трудились переписчики, которые по заказу состоятельных горожан снимали копии с той или иной книги. В частных библиотеках города были древние рукописи и сочинения, многие из которых (более 200) принадлежали перу авторов из Шингетти, Вадана, Валаты, Тишита. Среди сочинений встречались литературные произведения, главным образом поэтические.

В XVII—XIX вв. господствовала классическая поэзия (шир), для которой незыблемыми образцами оставались поэтические произведения Хиджаза и Неджда, созданные еще в доисламский период (поэзия «джахилия») и в начальный период ислама. Поэты Мавритании (в основном арабо-берберы) использовали те же средства, что и в Аравии, — литературный язык, просодию (метрическую систему стихосложения), тематику и др. Идеалом, к которому надо было стремиться, считали касыду.

Поэты классического направления обязаны были неукоснительно следовать жестким правилам, которые часто сводили сочинительский труд к рабской имитации произведений средневековых авторов, а конкретно — к упражнениям в виртуозности, обращению к одному и тому же тематическому клише, к использованию одних и тех же слов, хотя и в различном их сочетании. Мавританский современный исследователь Ахмед-Баба Миске называет такое творчество «словесной алхимией». В стихах поэтов классического направления было много надуманного, искусственного. Содержание стихов было оторвано от реальной жизни.

Таким образом, обязательное соблюдение правил препятствовало стихийному зарождению подлинной самобытности. Многие поэты пытались вырваться из их жестких оков. Некоторым это удавалось. К их числу А.-Б. Миске относит Мухаммеда ульд ат-Толбу, ульд Мухамди, ульд аш-Шейха Сидию, называя их «великими поэтами». Особенно популярным был ат-Толба, который сумел выразить в своих касыдах подлинные человеческие чувства, показать реалии жизни кочевников.

Классическую поэзию понимала лишь хорошо образованная верхушка марабутских племен. Именно из ее среды чаще всего и выходили поэты классического направления. Репертуар многих сказителей и певцов, выступавших в знатном обществе, в основном также состоял из классических касыд. Шир, таким образом, был поэзией господствующих слоев.

Вот почему уже в XVII—XVIII вв. начала зарождаться народная поэзия — аль-гна (ле-гна). Эта поэзия не подчинялась жестким правилам, которые сковывали шир. Поэтические произведения гна сочинялись на хасания, диалекте арабского языка, на котором говорили арабо-берберы. Поэты этого направления были в основном выходцами из низов, жили их чувствами и чаяниями. К сожалению, произведения гна никогда не печатались и редко записывались. Поэтому до нашего времени большая часть произведений не дошла. Утраченными для истории оказались и имена многих из авторов гна.

Творцам гна, хорошо владевшим музыкальными инструментами, удалось соединить поэзию с музыкой и танцами. В своих песнях они воспевали подвиги военных вождей, вдохновляли бойцов на битву, посвящали панегирики меценатам. В XIX в. популярными авторами и исполнителями гна были Саддум ульд Нгарту и Саддум ульд Абба.

В XVII—XVIII вв. марабутская верхушка с презрением, в лучшем случае со снисхождением относилась к гна, считая народную поэзию «вульгарным» искусством. Она обвиняла народных поэтов (муганнин) в невежестве, клеймила их как «воплощение дьявола», а их поэмы, сопровождавшиеся песнями и танцами в исполнении мужчин и женщин, называла «безнравственными», «побуждающими» к греху.

В XIX в. гна завоевывала все новые социальные слои. В сочинение стихов на хасания включались поэты, принадлежавшие и к «благородным» сословиям. Возникли целые династии «муганнин». Например, семья Лахрикат дала таких известных в Мавритании народных поэтов, как Баббах, Мхаммед и др. Даже поэты-марабуты, считавшие шир своим главным творческим поприщем, все чаще обращались к гна, которая привлекала их свободой от жестких правил и простотой поэтического самовыражения. Крупнейшие метры шир часто предавались гна, оправдывая свое «грехопадение» желанием развлечься. Например, улем аш-Шейх Мухаммед аль-Мами прославился как автор шир и гна. Таким же позже был Мхаммед ульд Ахмед Юра.

Гна приобретала большое социальное значение: становилась поэзией не только для всех, но и поэзией, которой занимались очень многие. В духовной жизни кочевников она заняла заметное место. А.-Б. Миске называет гна «единственной интеллектуальной роскошью», «единственным развлечением» кочевников [187, 1968, сер. В, т. XXX, № 1]. Частыми были соревнования между поэтами-любителями. Особенно ценилась импровизация, когда любой мог продолжать тему, ответить сочиненным на ходу стихотворением. Нередко разгорались состязания в рифмах между всеми присутствующими. Некоторые выступали по несколько раз за вечер.

Шир считалась мужским занятием. Но гна открыла путь в поэтическое творчество женщинам. Возник особый женский жанр — тебрия. По сравнению с собственно гна тебрия — миниатюра, состоящая из двух строф одного размера. Тебрия использовалась для скрытого выражения тех чувств женщины или девушки, которые высказывать прямо и открыто им было запрещено. А.-Б. Миске утверждает, что в этом жанре было создано много прекрасных произведений, которые отличали очарование, воображение, свежесть, глубина [187, 1968, сер. В, с. XXX, № 1].

С поэзией была тесно связана музыка, также являвшаяся одним из постоянных компонентов социальной и культурной жизни арабо-берберского и негрского общества Мавритании. Соответственно в стране издавна существовали две музыкальные традиции — арабо-берберская и негрская. При этом обе занимали равное положение в культурном достоянии общества. Постепенно возник своеобразный сплав, в котором соединялись элементы той и другой традиции. Музыка явилась одним из важных инструментов продвижения в Мавританию арабо-исламской культуры. Большое развитие получили различные виды религиозной музыки, особенно речитация Корана, призывы к молитве. Распространялись арабские музыкальные инструменты, жанры арабской классической музыки (нуба, касыда, мувашшах, таксим и др.). Музыка негрских народов не имела четких систем, она исполнялась свободно. При переходе от одной темы к другой изменялась лишь тональность, а переход к следующему куплету обходился без такого изменения.

Музыка, песни, танцы несли на себе социальную и политическую нагрузку. Исполнители прославляли доблесть и героизм эмиров и крупных вождей, воспевали их мудрость и щедрость, пышность их двора. Своим искусством они укрепляли власть верхушки, существовавшие порядки. Нередко в честь эмиров, их знатного окружения давались фантастические спектакли, сопровождавшиеся спортивными состязаниями и ружейной пальбой. Во многих спектаклях присутствовала религиозная тематика.

В истории культуры народов Мавритании особое место занимает ислам. Мавритания — африканская страна, куда так и не смогла проникнуть христианская церковь. Ислам более десяти столетий играл важнейшую роль в социально-экономической, по-

литической, идеологической, культурной жизни страны. Ислам арабо-берберов и негроидов «вышел» из североафриканского ислама, воспринял его основные догмы и ритуалы. В Мавритании возник своеобразный мир религиозных братств, которыми руководили «святые» люди. Сила этих людей будто бы исходила от самого Аллаха. Доктриной каждого братства был суфизм — мистическое течение в исламе.

В городах и укрепленных селениях возникли монастыри (обители), носившие название «завия» или «рибат». В них жили ученики суфиев — талямид (ед. ч. — тильмид). Наиболее престижные и богатые завии (рибаты) превратились в религиозные центры, имеющие помещения для молитв, духовные учебные заведения. Вокруг таких завий (рибатов) и концентрировались религиозные братства (Бутилимит, Смара, Нема и др.). Каждое братство имело собственный путь (тарика) познания божества, свои методы посвящения в тайну, свои центры религиозного обучения, ответвления (филиалы). Все религиозные братства принадлежали к суннитскому исламу маликитского толка. Основатель этого толка имам Медины Малик ибн-Ананс допускал компромисс между чисто юридической традицией и личным толкованием. Тем не менее маликитский толк отличался большой строгостью и консерватизмом. Братства конкурировали друг с другом, боролись за увеличение числа последователей.

Каждое братство было своеобразным слепком с социально-классовой структуры общества арабо-берберов и негроидов. В нем можно было встретить одновременно членов племен воинов и зенага, марабутских племен, ремесленников и гриотов, харинов и рабов. Представителей низших слоев привлекала в братства иллюзия равенства всех его членов. Для верхних слоев общества братства представляли дополнительный рычаг укрепления своего господства над подчиненными.

Большую роль при выборе братства играла репутация шейха, завии (особенно известность и престиж ее преподавателей), а также расовая принадлежность. Например, белые (аль-бейдан, или арабо-берберы) предпочитали Кадирию и ее ответвления, черные (ас-судан, или негроиды) — Тиджанию и ее ответвления.

Подавляющее большинство марабутских племен принадлежало к братству Кадирия. От Кадирии, чье основное учение и чьи ритуалы в Мавритании создал шейх Сиди Моктар, отпочковались ветви: Беккая, или Сидия, основанная в конце XV в., и Фадилия (основатель — шейх Мухаммед Фадиль), возникшая в XVIII в.

Шейх Сидия, носивший титул «аль-Кабир» («великий») за свою ученость и святость, в 1860 г. сделал Трарзу духовным центром Беккаи (Сидии). Братство еще более укрепил его преемник — шейх Сидия Баба. Шейх получил широкое религиозное образование. Создал труды по истории, грамматике и мусульманскому праву, был автором многих классических поэм. С уважением относился к другим религиям, считая, однако, что только

ислам обладал монополией на истину. Шейх осуждал чрезмерные поборы марабутов с верующих, их торговлю отпущением грехов и амулетами.

Фадилию основал в 1780 г. в Валате потомок Альморавидов шейх Мухаммед Фадиль. Шейх приобрел огромную популярность, разрешив ее адептам одновременно принадлежать к различным братствам. Такая терпимость обеспечила Фадилии многочисленную паству, а значит, влияние и доходы. После смерти шейха Фадилия раскололась на две ветви, которые возглавили его сыновья. Одна имела своей резиденцией Смару (Сегьет эль-Хамра), другая — эмират Трарза. Влияние первой (ее возглавил Ма аль-Айнин) преобладало в Северной Мавритании (и Южном Марокко), Адраре, частично в Таганте, второй (ее возглавил Саад Бу) — в Трарзе, Бракне и особенно в правобережье р. Сенегал. Ма был последовательным до конца противником экспансии Франции, Саад Бу — приветствовал ее.

Братство Тиджания в XVIII в. основал алжирец шейх Сиди Ахмед бен Мухаммед бен аль-Моктар ат-Тиджани. Шейх категорически запрещал своим адептам вступать в другие братства. Характерной чертой братства было признание любой светской власти, что позже умело использовали колонизаторы.

Помимо Кадирии и Тиджании, в Мавритании существовали более малочисленные братства — Хадифия, Гудфия, Шазилия, Джазулия, Омария.

Все перечисленные братства имели большое влияние в обществе, регламентировали его жизнь, диктовали стиль поведения своих адептов. Особенно сильно сказывалось это влияние при воспитании молодого поколения.

Религиозное воспитание дети получали уже в семье. Оно начиналось с колыбельных песен, детских игр, повседневной практики, представляющей собой соединение догм традиционного ислама с мифическими верованиями — доисламскими и исламскими. Детям рассказывали о жизни пророка и его сподвижников, героических деяниях предков во славу ислама, знакомили с поговорками на религиозные темы, посвящали в родословную племени, рода, семьи. Ребенку давали первоначальное представление о добре и зле, приличном и неприличном поведении. Добром считались вера в Аллаха и пророка, уважение шариата и обычаев. Наоборот, злом было неверие в бога и его посланца, несоблюдение исламских законов и традиций. Дети знали главную молитву ислама — фатиху, несколько формул обращения к Аллаху, связанных с теми или иными обстоятельствами. Взрослые поощряли четырех-пятилетних совершать пять ежедневных молитв и омовения.

Шести-семилетнего ребенка родители посылали в кораническую школу. Уже на уровне этой школы наглядно отражались социальные и материальные различия, существовавшие в обществе. Дети из «благородных» семей (марабутов, воинов) регулярно посещали занятия, имея целью продолжить образование в завии

престижного марабута. Остальные дети такой цели не имели и ходили в школу короткий период. Главная задача коранической школы заключалась не в приобретении знаний, а в воспитании «доброго» мусульманина, беспрекословно исполняющего предписания ислама. Программа обучения была проста: речь шла об умении читать наизусть без ошибок полный текст Корана. Чтобы достичь этого, требовалось научиться читать и писать на арабском языке (языке священного текста). А достигали этого немногие, в основном дети из зажиточных марабутских семей после семи-восьми лет обучения. В конце обучения учащиеся сдавали экзамен. Сдавший экзамен награждался своеобразным титулом «таибат суратуш» («отличный чтец наизусть сур Корана»).

Педагогические методы базировались на механическом повторении текста до окончательной его фиксации, на суровой дисциплине, включавшей и телесные наказания. В обществе ходили поговорки, которые сложились в коранических школах: «Не сердись, если бьют твоего ребенка. Следы палки и ремня исчезнут, а наука и набожность останутся», «Настоящий сладкий пирог и Коран не приходят без битья».

Распорядок дня в школе был крайне перегруженным. Маленькие ученики вставали на заре по первому призыву муэдзина (т. е. в 3—4 часа утра). После совершения первой молитвы (фаджр) каждый из них получал от учителя свой урок. Новички учили буквы арабского алфавита, их написание, те что постарше — связывали буквы в слоги и произносили их; более подготовленные — писали и заучивали фразы из Корана. Начинали с «фатихи», а затем переходили к концу священной книги, двигаясь от коротких сур к длинным. Для заучивания Коран делился на 60 частей. Несколько раз в день ученики отвлекались от занятий, чтобы обслуживать учителя и его семью: стерегли стадо, стирали белье, собирали дрова, готовили пищу. В обычных семьях кочевников такую работу выполняли харатины и рабы.

Учителя получали вознаграждение: еженедельно в среду каждый ученик приносил натуральную плату — мясо, молоко. После усвоения учеником очередной части (из 60) Корана родители преподносили учителю дорогой подарок. Еще более дорогой подарок преподносился в конце обучения.

Таким образом, кораническую школу посещали дети независимо от их социального статуса. В западных и юго-западных областях страны читать и писать могли до двух третей жителей. Однако полный курс школы (до 14—15-летнего возраста) выдерживали лишь дети из зажиточных марабутских семей, которых и готовили для религиозной деятельности. Закончив кораническую школу, они продолжали образование в школе более высокого ступени — махадре.

Число студентов каждой махадры зависело от личности преподавателей, их учености и «святости», от учебной программы. Например, в Трарзе предпочтение оказывалось арабскому литературному языку и арабской грамматике, в Адраге — шариату, в

восточных областях — комментариям к Корану и теологии. Наиболее престижные махадры функционировали в Шингетти, Вала-те, Тиджикже, в некоторых кочевых марабутских племенах. Часто слушатели переходили из махадры в махадру, чтобы приступить или к изучению другой дисциплины или найти новых ученых авторитетов. Случалось, что такие переходы занимали 10—15 лет жизни.

Программа обучения в махадрах также зависела от личности учителя, его знаний. Порядка изучения дисциплин, последовательного и логического перехода от одних предметов к другим не существовало. Фундаментом обучения была сумма религиозных знаний, достигнутых к XIII в. и тогда же почти остановившихся в своем развитии. Слушатели изучали теологию, право, логику, грамматику, риторику, традицию, метафизику, мистику, а также географию, историю, математику, которые считались второстепенными дисциплинами. Главными учебными пособиями были книги и трактаты арабских ученых, которые сами нередко опирались на труды античных авторов (прежде всего Аристотеля).

В махадре, как и в коранической школе, обучение опиралось на священные тексты. Разница между двумя видами учебных заведений заключалась в том, что если в коранической школе учили, подавляя стремление «понимать», то в махадре последнее поощряли, но подчиняли его «букве» — комментариям средневековых арабских улемов. Методика обучения в махадре не отличалась от методики коранической школы. Текст книги заучивался наизусть, а затем делалась попытка с помощью учителя понять смысл заученного. Ученик слушал учителя и записывал его пояснения. Не задавал вопросов и не спорил. Учитель также не спрашивал ученика, не делал выводов и обобщений. В таком порядке проходил материал всех книг и трактатов.

Все религиозные обучения были монополией марабутской элиты, самых зажиточных марабутских семей. Ее влияние выходило далеко за границы арабо-берберского этноса. В коранических школах и особенно махадрах учились выходцы из правобережья и левобережья р. Сенегал, из Суданского Сахеля. Отпрыски богатых марабутских семей, продолжавших учение после окончания коранических школ еще 15—20 лет, претендовали на титул «ученого» («алим», «раджуль аль-аттилаи»). Он уже мог открыть собственную махадру, выступать в роли консультанта, пользоваться авторитетом одновременно ученого, учителя, шейха.

Что касается воспитания и образования в Фута Торо, то они получили широкое распространение после победы реформаторского движения в конце XVIII в.

Первоначальное религиозное воспитание, как и у арабо-берберов, дети тукулеров получали уже в семье. В возрасте пяти-шести лет они направлялись в коранические школы. Качество обучения в этих школах было ниже, чем у арабо-берберов. Уча-

щиеся большую часть времени проводили не в классе, а на поле, отбывая «барщину» в пользу учителя. В Фута Торо власть учителя марабута над учениками была сильнее, чем у арабо-берберов. Дети оказывались совершенно оторванными от родителей. Часто учителя со своими учениками вели полубродячий образ жизни, переходили из деревни в деревню. Поскольку учителя не получали плату за учебу, они широко использовали труд учеников: заставляли собирать милостыню для пропитания, трудиться в домашнем хозяйстве, обрабатывать их поля. Перегруженные и измотанные посторонними обязанностями, полуголодные, ученики с трудом справлялись с уроками. К тому же ребенка-тукулера заставляли заучивать тексты, совершенно оторванные от реальной жизни — прошлой и настоящей. У него отсутствовало интеллектуальное восприятие материала, чуждого его среде и языку.

Господствующая верхушка тукулеров считала образование своей социальной привилегией. Поскольку образование открывало путь к престижу и власти, в коранические школы принимались в основном дети из знатных семей, в первую очередь марабутских. Выходцы из семей, принадлежавших к кастам и тем более к рабам, в школу попадали крайне редко.

УТРАТА НЕЗАВИСИМОСТИ НАРОДАМИ МАВРИТАНИИ (1900—1918)

Захват Францией внутренних областей страны

27 декабря 1899 г. министерство колоний Франции приняло решение создать территорию «Западная Мавритания», включив в нее земли от р. Сенегал на юге до границ Алжира и Марокко на севере, от побережья океана на западе до линии Каес — Томбукту на востоке. Во французской исторической литературе 27 декабря 1899 г. называют «днем рождения» Мавритании, а Ксавье Копполани, автора плана «мирного проникновения» в эту страну, — ее «крестным отцом» [44, с. 42—43].

Свой план Копполани разработал на основе опыта работы во французской администрации Алжира. В 1898 г. губернатор Французского Судана генерал Трентиньян поручил ему миссию привести к покорности мавров и туарегов, населявших Судан и Южный Сахель [124, с. 93]. Завершив свою миссию, Копполани составил доклад «Общий план организации племен мавров» [190, 15—16.12.1983; 115, с. 82]. Поскольку главной мишенью Франции в Северо-Западной Африке было марокканское государство, он предлагал приручить «великого марабута» шейха Мала-Айнина, силы которого в Сегьет эль-Хамре стояли на пути в Марокко с юга. Он рекомендовал также оккупировать Аддрар. А для осуществления того и другого и призывал создать «Западную Мавританию».

Доклад Копполани и составленный на его основе проект министерства колоний встретил возражения администрации Французской Западной Африки (ФЗА) и, что более важно, французского МИД. Первая соглашалась платить маврам компенсацию в обмен на мирные отношения. Что касается МИД, то оно опасалось отрицательной реакции Испании, Германии, Англии, Италии. Уступая этим возражениям, министерство колоний временно отложило осуществление мавританского проекта. Однако это решение не остановило Копполани. Он добился аудиенции у министра колоний Делькассе и убедил его провозгласить протекторат над теми областями Мавритании, которые лежали южнее 21° с. ш. и не были объектом притязаний Испании. Вскоре он имел беседу с премьер-министром Вальдек-Руссо и также заручился его поддержкой. Тем не менее Парижу пришлось догово-

риваться с Мадридом. 29 июля 1900 г. была подписана франко-испанская конвенция [129, с. 45—46]. За Испанией признавалось «право» на территорию между м. Блан на юге и м. Джуби на севере. Устанавливалось также разграничение «интересов» Франции и Испании во внутренних областях Мавритании.

Через год, в июле 1901 г., Вальдек-Руссо создал межминистерскую комиссию и поручил ей изучить ситуацию в Западной Африке. 3 марта 1902 г. комиссия высказалась за оккупацию территорий, лежащих между Гао и Атлантикой. Правительство приняло эту рекомендацию. Смелость его позиции придавали франко-русский договор 1891—1893 гг. о союзе и обострение англо-германских противоречий. И министерство иностранных дел наконец дало согласие на создание Сахарской Мавритании и назначение К. Копполани генеральным делегатом Франции на этой территории.

Министр колоний, прежде чем решить вопрос, обратился за консультацией к бывшему генерал-губернатору ФЗА Шодье и занимавшему этот пост Баллэ. Последний заявил, что оккупация Мавритании ничего хорошего не принесет. А Шодье предупредил, что против оккупации выступит торговая элита Сенегала, заинтересованная в мирных отношениях и торговле с маврами. И действительно европейская община Сенегала, особенно Сен-Луи, делала все, чтобы предотвратить вторжение в Мавританию. Баллэ отказался предоставить Копполани военные и финансовые средства.

Прибыв в Сен-Луи, Копполани учредил специальную службу по делам мавров. Это было первое учреждение колониальной администрации Мавритании, штаб которой до 1957 г. находился на территории Сенегала. В лице нового генерал-губернатора ФЗА Э. Рума Копполани нашел союзника своих планов.

Объявив о создании Мавритании, колонизаторы долго не могли определить ее границы. Более или менее ясной была граница на юге — по р. Сенегал. Остальные границы проводились по меридианам и параллелям. Этнический и расовый состав населения страны не учитывался. Как и в других африканских колониях, искусственные границы прошли по «живому телу» многих этносов. Например, франко-испанская граница на севере рассекла союз племен регейбат, оторвала друг от друга даже части племен. В пределах Мавритании волоф, фульбе и тукулер, сонинке и бамбара превратились в этнорасовое меньшинство.

Объявить Мавританию своим владением Парижу было легче, чем утвердить в ней свою власть. На это ему потребовалось более 30 лет.

Поскольку доступ во внутренние области Западной Африки был возможен в основном по р. Сенегал, Копполани решил начать проникновение в Мавританию с юга, т. е. идти путями, проложенными в XIX в. Венсаном, Бурелем и др. Он учитывал, что Мавритания малопривлекательна для частного капитала Франции. Ее население враждебно относилось к европейскому проник-

новению. Возможности для христианской миссионерской деятельности даже в тех областях, где жили негроиды, были почти равны нулю. Все это убеждало Копполани в том, что он не может рассчитывать на материальную поддержку властей Франции.

Вместе с тем у Копполани был сильный аргумент — стратегическое положение Мавритании. С одной стороны, страна как бы нависала над Сенегалом, а с другой — находилась в тылу Алжира и Марокко. Поэтому нельзя было допустить ее захвата тем или иным конкурентом. Чтобы успокоить толстосумов метрополии, не желавших бросать деньги на сомнительные проекты, Копполани предложил программу «мирного проникновения» в Мавританию, осуществление которой не потребует-де больших расходов и обещает быстрый успех. Утверждая это, он рассчитывал использовать противоречия внутри общества мавров.

В конце XIX — начале XX в. Трарза была театром непрекращавшихся междоусобиц. Борьба шла между эмиром А. Салумом и его двоюродным братом Фалом (полное имя — ульд Сиди Мухаммед Фал). Феодалы, заинтересованные в том, чтобы на троне сидел слабый эмир, часто предавали своих сюзеренов, перебегая из лагеря в лагерь. Большую роль в междоусобицах играл и такой фактор, как отношения конкурентов к иностранцам («неверным»). Стоило, например, А. Салуму прибегнуть к помощи Сен-Луи, как от него отшатнулись многие из его сторонников. Но и в этом случае феодалы-перебежчики преследовали узкоэгоистические цели: рассчитывали, что новый сюзерен будет остерегаться давить на них и подчинять своей воле.

Во время междоусобиц наиболее страдающими группами оказывались марабутские племена и племена зенага. Их по очереди грабили обе враждующие стороны. Доведенные до отчаяния, они нередко сами обращались за помощью к чужеземцам. В 1900 г., например, марабутское племя смасид из Адраара просило шейха Ма аль-Айнина ходатайствовать перед султаном Марокко о посылке войска, чтобы «образумить воинов» [129, с. 55; 116, с. 104].

Междоусобицы создавали неуправляемую ситуацию, при которой феодальные дружины множили свои набеги на левобережье и тем самым давали властям Сенегала повод для вмешательства. До поры до времени последние, связанные запретами из Парижа, занимали сдержанную позицию. К тому же торговые круги Сен-Луи выступали против радикальных мер, особенно военных, в отношении мавров. Они даже соглашались на ограбление своих караванов и факторий, но не на потерю прибылей.

Тем не менее Э. Рум направил в Трарзу вооруженный отряд с миссией «наблюдения». Появление этого отряда у Суэт аль-Ма склонило чашу весов в пользу А. Салума. Фал временно признал его власть.

Но в конце 1902 г. междоусобные столкновения возобновились с новой силой. На этот раз в них вмешался Копполани, который готовился к экспедиции в Мавританию. Он особенно рас-

считывал на противоречия, существовавшие между племенами воинов и марабутскими племенами, и был уверен, что и в лице шейхов религиозных братств также найдет союзников. Его расчеты частично оправдались. Единства среди марабутской верхушки не было. Например, глава братства Кадирия Сидия Баба и глава братства Тиджания Саад Бу приветствовали французскую экспансию в Мавритании [44, с. 34]. Их позиция, совпадавшая с позицией марабутской верхушки, имела реальные экономические и социальные расчеты. Во-первых, они полагали, что власть французов положит конец господству воинов и приведет к прекращению феодальной анархии. Во-вторых, в условиях колониального мира они рассчитывали усилить собственные позиции. В то же время шейх Ма аль-Айнин, глава братства Фадилia, был решительным противником французов.

В июне 1902 г. Копполани был назначен генеральным секретарем генерал-губернаторства ФЗА, а в декабре того же года стал руководителем экспедиции в Трарзу, где возобновилась война между А. Салумом и Фалом. Пока Копполани добирался до Даганы, А. Салум был разбит. Этим обстоятельством Копполани воспользовался: он обещал эмиру помощь, если тот примет протекторат Франции. Копполани поддерживали шейхи Сидия Баба и Саад Бу. Эмир согласился на требование французского эмиссара.

Вывав у А. Салума согласие на протекторат Франции, Копполани начал создавать опорные пункты на территории Трарзы. Прежде всего он позаботился о восстановлении порта Портендика. На пути из Портендика в Суэт аль-Ма возвел крепость Круфа, которая должна была с севера прикрывать Сен-Луи. Затем приступил к осуществлению плана сооружения в Трарзе цепи военных постов, защищавшей Сенегал. Каждый пост включал небольшой форт, в котором укрывались солдаты, хранились снаряжение и продовольствие. Вокруг форта возводилась укрепленная ограда. Посты размещались на перекрестках караванных троп, у водных источников. Они привлекли к себе те племена, которые соглашались сотрудничать с французами. Некоторые форты позже превратились в городки.

По-иному повел себя Копполани в Бракне. Правитель этого эмирата Ахмеду оказался в трудном положении: с одной стороны, ему отказывались повиноваться многие феодальные вожди, а с другой — его войска терпели поражение в стычках с трарза. Теряя влияние, Ахмеду обратился к Копполани, соглашаясь на протекторат Франции. Однако Копполани не спешил, выжидая, когда удобнее предъявить эмиру самые выгодные для Франции условия.

В мае 1903 г. Копполани был назначен по совместительству делегатом ФЗА в Трарзе. В его полномочия входили: контроль за шариатскими судами, утверждение кади (судей), сбор налогов, развитие местного общества в сторону современных социально-экономических отношений.

Все мавры (трарза) должны были платить подушный налог ($\frac{1}{40}$ стоимости продуктов земледелия и скотоводства) и «дорожную» пошлину ($\frac{1}{40}$ стоимости товаров, провозимых по территории эмирата).

В Сен-Луи слишком рано уверовали, что Трарза покорилась Франции. Однако уже летом 1905 г. эмир Салум помирился с Фалом. Оба они получили поддержку эмиров Адара, Бракны, Таганта и готовились выступить против французов. Их отряды насчитывали до 1 тыс. воинов. Ситуация для колонизаторов становилась опасной. Однако и на этот раз, прибегнув к методу «разделяй и властвуй», они сумели спасти положение. Копполани и его помощник капитан Фрержан раскололи союзников, привлекли на свою сторону наиболее боеспособные племена улад бу са и элед, спровоцировали в лагере противников междоусобицы. Воспользовавшись сумятицей, Фрержан нанес поражение А. Салуму [116, с. 112]. Эмир бежал в Адар.

Но Копполани понимал, что поражение А. Салума не означает полного поражения Трарзы. К тому же этот эмират не был стратегическим центром Мавритании. Таковыми являлись горные области Тагант и Адар. Чтобы захватить их, требовалось создание плацдарма, близкого к р. Сенегал, по которой можно было подвозить подкрепления и снаряжение. Необходимо было также преодолеть сопротивление толстосумов Сен-Луи, которые по-прежнему опасались, что захват Мавритании и введение в ней французских законов приведет к запрету прибыльной торговли оружием и рабами.

В мае 1903 г. Копполани добился нового успеха, заключив договор о дружбе с эмиром Бракны. Французский протекторат расширился до границ Таганта. Французы получили возможность вмешиваться в дела Бракны. Во главе племен бракна они поставили своего офицера, заложили военный пост в Боге. Несмотря на запрет Э. Рума оккупировать Бракну, Копполани сделал это. Обвинив Ахмеду в нарушении условий договора, он нанес ему ряд молниеносных военных ударов. Разбитый эмир бежал в Тагант и собирал там силы. Узнав об этом, Копполани соорудил военный пост в Муите и создал отряды черных конников. Одновременно привлек на свою сторону некоторые племена. Вожди племен кунта, населявших Восточный Тагант, объявили себя друзьями французов. Согласилась сотрудничать с ними знать улад ахмед и ногмаш (из бракна) [116, с. 116—118].

Началась подготовка к вторжению в эмират Тагант. В феврале 1904 г. Копполани создал миссию по «организации» этой территории. 16 февраля он занял зимнюю резиденцию Бакара, эмира Таганта. 9 марта Копполани настиг обоз эмира, захватил весь его скот [116, с. 107]. Когда от Бакара стали отходить племенные вожди, путь в северный Тагант для французов был открыт. Но Э. Рум ограничил область действий Копполани 100-километровой зоной к северу от р. Сенегал. На его решение оказало влияние осложнение международной обстановки: прежде

всего русско-японский конфликт на Дальнем Востоке, в котором Франция занимала двойственную позицию [116, с. 106—107].

На этот раз подчинившись приказу из Сен-Луи, Копполани приступил к «организации» Южного Таганта. Все племена, объявившие о своей покорности, облагались налогами; были учреждены денежные фонды для вознаграждения лояльных шейхов и вождей. В конце лета 1904 г. Копполани добился от министерства колоний разрешения на вторжение в Адрар, что могло открыть путь французам в Южное Марокко. Копполани заверял Париж, что военные издержки по вторжению покроют налоги с покоренных племен. 18 октября 1904 г. министерство определило статус уже захваченных областей как «гражданскую территорию», а ранг Копполани повысило до генерального комиссара генерал-губернаторства ФЗА.

Между тем, несмотря на победные реляции, до подчинения мавров было еще далеко. В Адраре при поддержке местного эмира намечалось создание коалиции А. Салума и Фала с целью освобождения Трарзы. Французов «спас» набег на Адрар северных кочевников — регейбат и ульд делим. К тому же шейху Сидии удалось отговорить Фала от соглашения с А. Салумом.

В самой Трарзе воины ульд бу сба, поощряемые «нейтральностью» французов, грабили население, в том числе и лояльные Сен-Луи марабутские племена (например, ульд бирри, кунта). Позволяя воинам действовать подобным образом, захватчики лишний раз показывали марабутам, что только они могут быть их защитниками, и никто другой. А в Бракне и Таганте марабутские племена, лояльные французам, подверглись набегам со стороны воинов идуайш. Получалось, что марабутов грабили все: французы, которые взимали налоги как плату за «защиту», и племена воинов, считавшие марабутов изменниками знамени ислама, поскольку они подчинились христианам. Так или иначе, но престиж французов у марабутов падал. А это представляло для Сен-Луи серьезную опасность. Тем более что в Таганте формировалась антифранцузская коалиция во главе с эмиром Бакармом. Идуайш концентрировали военные отряды в Афтуте. Их вожди отправили делегацию к Ма аль-Айнину и султану Марокко, прося о помощи.

Возможность появления на арене Мавритании новых сил (Ма аль-Айнина, Марокко) встревожила Копполани. В апреле 1905 г. он призвал Э. Рума подключить к событиям Париж. Он просил, чтобы через французскую миссию в Марокко было предотвращено вмешательство султана в мавританские дела. Крайне обеспокоило Копполани возросшее влияние в Адраре шейха Ма аль-Айнина, чей сын шейх Хасан стал регентом при малолетнем эмире ульд Айде. Противники французов в Трарзе и Бракне бежали в Адрар и там готовили антифранцузские выступления.

Шейх Ма видел, что англо-французское соглашение 1904 г. (Антанта) открывало Франции путь в Марокко. Он понимал также, что Копполани, двигаясь из Сенегала к северу, стремится

выйти к марокканским границам с юга. И то и другое угрожало независимости племен Мавритании. Ма стремился не допустить оккупации Адраара французами. Он помирил верхушки племен регейбат и уляд гейлан (последние тогда правили в эмирате), послал сына Хасана в Тагант, чтобы сообщить эмиру Бакару о прибытии оружия из Марокко.

Тем временем Копполани продолжал создавать плацдарм вторжения в Тагант и Адраар. В конце 1904 г. он сместил мятежного эмира Бракны Ахмеду и посадил на трон Сиди Эли. По его приказу Фрержан перебазировал свой отряд из Нуакшота в Бутилимит. Был разработан план вторжения в Адраар. В феврале 1905 г. в Алегге было собрано колониальное войско. 30 французских офицеров командовали 800 солдатами-африканцами. Войско включало подразделения пехоты (сенегальские стрелки), легкой артиллерии, кавалерии (конной и верблюжьей). Коней и верблюдов поставил шейх Сидия, получив от Копполани в обмен партию скорострельных винтовок. Включение в войско кавалеристов-алжирцев имело целью показать маврам, что мусульмане могут служить французам-христианам.

12 февраля 1905 г. Копполани потребовал от племен Таганта признать власть Франции. Идуайш ответили отказом. Но, готовясь к отпору, они допустили грубые просчеты: укрепили не все, а лишь некоторые горные проходы. Силам Копполани удалось с севера прорваться в Тагант. Ему помогла верхушка кунта, традиционная соперница идуайш.

Несмотря на все это, идуайш упорно сопротивлялись, нанося захватчикам ощутимые потери. Используя методы партизанской войны, они неожиданно из засад атаковывали противника и быстро отходили. Перехватывали обозы, доставлявшие продовольствие и снаряжение. Французам приходилось распылять свои силы, что делало их более уязвимыми.

Сокрушительное поражение потерпел союзник Копполани шейх Сидия. Его отряд, двигавшийся в Адраар, столкнулся с объединенными силами эмира Трарзы А. Салума и Фала и был разгромлен. Победителям достался ценный трофей — скорострельное стрелковое оружие. Трудно сказать, как пошли бы дела у французов дальше, если бы не измена и переход на их сторону верхушки племен кунта, уляд насир, ахель сиди махмуд и некоторых других. 1 апреля 1905 г. Фрержан внезапно напал на лагерь эмира Бакара при Бу Гадум. Эмир погиб, его семья, казна, имущество, документы попали в руки французов. Им сдался сын эмира — Хусейн. Изменилась также обстановка на юго-западе, в Трарзе. Младший брат Фала, ульд Дейд, убил эмира А. Салума. А сам Фал явился в Бутилимит и присягнул французам [116, с. 132].

После Таганта должна была наступить очередь Адраара. Копполани не сомневался в успехе, когда 20 апреля потребовал от эмира признать власть Франции. Уже в 1905 г. он рассчитывал соединить Мавританию с Алжиром (и Марокко, если бы осуще-

ствились планы Франции в отношении этого государства). Однако всем этим расчетам не суждено было сбыться. Вечером 12 мая во французский лагерь в Тиджикже проникла группа последователей религиозного братства Гудфия во главе с его мукаддамом ульд Зейном. С криками «Аллах акбар» («Аллах велик») они напали на Копполани и смертельно его ранили. На посту генерального комиссара Копполани сменил подполковник Монтане-Капдебоск.

Смерть Копполани сплотила противников Франции и посеяла панику в рядах колонизаторов. Эмир Адара потребовал от французов покинуть Тагант. Тиджикжа подверглась блокаде, в ней начался голод. В Сен-Луи подняла голову оппозиция планам захвата Мавритании. Ее члены соглашались снова платить эмирам пошлины, лишь бы им разрешили торговать с эмиратами.

18 июня 1905 г. объединенные силы мавров атаковали Тиджикжу. Атака с трудом была отражена. 24 июня к осажденным пробилась подкрепления, которые доставили боеприпасы и продовольствие. Отныне французы надолго перешли к обороне. Колониальные круги Франции и ФЗА считали, что необходимо любой ценой соблюдать мир [116, с. 141—143].

Так завершился первый этап французских завоеваний в Мавритании. Этот этап во французской литературе почему-то называли «мирным», а Копполани — «миротворцем» [191, 15—16.12.1983]. Эти утверждения, однако, опровергали соратники последнего, прежде всего Фрержан. Он писал, что Копполани в 1904 г. силой захватил Бракну и Горголь, что он вел вооруженную борьбу против эмира Таганта. Политика «мирного проникновения» была пропагандистским лозунгом, ширмой. Даже в некоторых колониальных кругах Сен-Луи то, что делал Копполани в Мавритании, называли «двурушничеством» [116, с. 148].

Неблагоприятное для Франции развитие событий в Мавритании решил использовать султан Марокко. Осенью 1905 г. он потребовал, чтобы французы в течение года эвакуировали Мавританию, которую он назвал своим феодем [116, с. 155]. Угрожая французам «священной» войной, он рассчитывал укрепить свой престиж («эмир правоверных») и обезопасить Марокко с юга от угрозы французского вторжения. Что касается его притязаний на Мавританию как на султанский «феод», то они не имели юридических оснований.

Действительно, некоторые вожди мавров и негроидов в прошлом обращались за помощью к правителям Марокко. Но они никогда не признавали ни политической, ни юридической, ни духовной власти султана. В Мавритании молитвы, особенно пятничная, обычно не произносились от имени султана. Султан или его представители не взымали с мавров десятины (закята). Марокканский махзен не выступал в роли верховного арбитра в спорах между мавританскими племенами.

Тем не менее Франция была встревожена возможным созданием коалиции султана Марокко со всеми ее противниками в

Мавритании. Реальной была угроза того, что эмиры, шейхи, вожди Мавритании признают сюзеренитет султана. Через Марокко в Мавританию стало поступать оружие, снаряжение, боеприпасы, которые позволяли маврам усиливать сопротивление.

Власти ФЗА убеждали Париж, что судьба Марокко, на которое он претендует, решается и в Мавритании. Если французам придется уйти хотя бы из Таганта, подчеркивали они, это усилит противодействие султана французским планам. Министр колоний просил МИД Франции применить к мавританскому побережью положение акта конференции в Альхесирасе (1906 г.), запретившего поставки оружия Марокко [116, с. 158; 127, с. 110].

В осложнившейся обстановке французы решили временно отложить вторжение в Адрар. Оккупированные территории они разделили на округа, которые возглавили французские офицеры. Войска разместили в ключевых пунктах: в Бутилимите, Тиджикже, Каэди, Мбуте. По примеру Алжира были созданы мобильные, приспособленные к войне в пустыне подразделения мехаристов — воинов-мавров, посаженных на верблюды. Намечалось установить контроль над бухтой Леврие (Нуадибу), основав там военный пост Кансадо.

Угроза позициям французов в Мавритании исходила с севера — со стороны сторонников шейха Ма аль-Айнина, а также со стороны Марокко. Резиденция Ма в Смаре стала центром антифранцузского сопротивления. Здесь шейх распределял среди мавританских племен продовольствие и оружие. Ма дважды, в сентябре 1906 г. и в марте 1907 г., возглавлял посольства к султану Марокко.

Чтобы подкрепить свои притязания на Мавританию, султан Абдулазиз направил в Адрар своего родственника Идриса. Возглавив мобильный отряд из воинов бу сба, идуайш, мешдуф, Идрис совершал рейды в Северном Таганте. 13 октября 1906 г. он потребовал от французов эвакуации эмирата. В начале ноября он начал осаду Тиджикжи, продолжавшуюся 24 дня. С помощью пулеметов гарнизону удавалось отбивать атаки. Снять осаду и заставить Идриса отступить к Вадану помог подоспевший из Сенегала французский отряд [116, с. 162].

Под сильным давлением Парижа султан Абдулазиз в мае 1907 г. отозвал Идриса и начал борьбу с контрабандой оружия через марокканские порты. Султан отверг призывы шейха Ма к сопротивлению экспансии Франции в Северо-Западной Африке. Тогда шейх, обвинив Абдулазиза в проведении неискренней политики, взял на себя одного роль глашатая ортодоксального ислама.

Позиция султана предоставила французам в Мавритании передышку, которую они использовали для накопления сил и «организации» территории. Они пришли к выводу, что тактика создания военных постов с гарнизонами, состоявшими из стрелков-пехотинцев, себя не оправдала. Колониальное войско обрекалось на пассивность. Часто материальное обеспечение срыва-

лось партизанскими действиями мавров, что ставило их гарнизоны в критическое положение. Поэтому было решено одни посты ликвидировать, другие (на перекрестках караванных дорог в Мадердре, Акжужте) создать. Всем действующим постам предоставлялись подразделения мехаристов, хорошо знакомых с партизанской тактикой и способных с успехом ее применять. В 1907 г. французы заложили Порт-Этьенн, что привело к усилению их позиций на севере.

Возраставшему влиянию шейха Ма французы стремились противопоставить влияние шейхов Сидии и Саада Бу. Последнему они предоставили право собирать пожертвования во французских владениях к югу от р. Сенегал. В 1906 и 1907 гг. Саад Бу собрал по 80—100 тыс. фр. [116, с. 167].

В октябре 1907 г. произошла смена руководителей колониальной администрации ФЗА. Ее возглавили В. Понти и полковник А. Гуро, победитель Самори. Оба были сторонниками активной территориальной экспансии. А. Понти, например, заявлял: «Оккупация этой группы оазисов Адраара — настоятельная необходимость для безопасности Сахарской Мавритании...» [116, с. 169].

В то же время Ма аль-Айнин формировал коалицию на этот раз на платформе джихада. В его проповедях и обращениях неизменно содержались призывы к восстанию. Адепты основанного им религиозного братства Айния клялись вести решительную борьбу с проникновением европейцев. Шейх призывал ликвидировать противоречия между братствами и создать прочное единство. Он намеревался взять на себя функции высшей власти над всеми братствами. Эта власть должна была обладать духовными и светскими полномочиями [124, с. 96—97; 129, с. 56]. Французская разведка сообщала о растущем контрабандном ввозе оружия в Сегиет-эль-Хамру, откуда оно поступало в Адраар. Шейх Ма направил в Адраар вооруженный отряд, состоявший в основном из его последователей, который поступил под командование сына Ма! — шейха Хасана. Последний в каждой проповеди призывал «правоверных» вести борьбу не только против французов, но и против племен, сотрудничавших с ними. Вскоре главными объектами атак последователей Ма стали военный пост Акжужт, наиболее выдвинутый в направлении Адраара, и подразделения мехаристов.

Шейх Ма и его сторонники все больше разочаровывались в султане Абдулазизе, который вместо конкретной помощи маврам отделялся словесной поддержкой. И хотя шейх не решился открыто ссориться с султаном, он все больше полагался на собственные силы.

Мавры приняли на вооружение новую тактику партизанской борьбы: уничтожали колодцы, отгоняли скот, особенно верблюдов, блокировали все тропы и перехватывали конвои, устраивали засады и уничтожали французские патрули. С марта по ноябрь 1908 г. они совершили 135 атак на военные посты. Весной

1908 г. блокада поста Акжужт поставила его гарнизон в столь тяжелое положение, что Гуро решил эвакуировать его, а сам пост уничтожить. 14 июня 1908 г. отряд таламидов шейха Хасана в бою разгромил отряд мехаристов. На сторону противников колонизаторов перешел вождь кунта аль-Моктар. Создавалось кольцо окружения вокруг Тиджикжи. А в июле 1908 г. мавры совершили дерзкое нападение на Порт-Этьенн [116, с. 173—174]. Пришедший в 1908 г. к власти в Марокко султан Абдулхафиз стал уделять мавританским делам больше внимания. Он принял делегацию из Адраара, выделил ей 600 винтовок с боеприпасами [116, с. 173—175; 127, с. 113].

Положение колонизаторов в Мавритании становилось угрожающим. Их престиж в Западной Африке падал. В Сен-Луи понимали, что Мавритания остается опасным очагом сопротивления, искры из которого могли разжечь пожар в соседних французских владениях, прежде всего во Французском Судане. В мае 1908 г. в Дакар прибыл министр колоний Мильес-Лакруа. На его встрече с В. Понти и А. Гуро было решено оккупировать Адрар. К началу декабря 1908 г. подготовка колониального войска («колонна Гуро», или «колонна Адраара») была завершена. Войско включало главный отряд самого Гуро, который должен был наступать через Тагант, и вспомогательный капитана Фрержана, маршрут которого лежал через область Иншири (Западная Мавритания). Адрар как бы попадал в клещи.

За декабрь колонна Гуро прошла через Тагант, не встретив сильного сопротивления. Первая стычка произошла 26 декабря уже в Адраре. Мавры отступили: их силы были ослаблены отступлением отряда таламидов шейха Ма аль-Айнина. 6 января началось наступление на Атар, столицу эмирата Адрар. Не сумев его отразить, эмир отступил к Кедия д'Иджиль. Чтобы ослабить сопротивление мавров, Гуро сделал заявление о том, что французы не намерены разрушить эмират, что хотят жить в мире и торговать с племенами.

После легкого военного успеха французы столкнулись с трудностями «мирного» характера: нехваткой продовольствия, падением верблюдов. Отряды мавров захватывала конвои с припасами. Солдаты страдали от изнуряющей жары, жажды и голода. Реквизиции скота и продуктов питания у местных жителей не спасали положения. Более того, они усилили их сопротивление, ненависть к врагу. Неуловимые и стремительные в передвижении отряды мавров буквально терзали колониальное войско. Внезапные налеты, короткие удары и быстрые отходы изматывали солдат Гуро. 27—28 апреля 1909 г. таламиды Ма напали на французский лагерь в Рассеремте и учинили разгром. Трудно сказать, как развивались события дальше, если бы не наступил сезон уборки фиников, одного из главных продуктов питания кочевников. Гуро сделал тактический ход, решивший исход кампании в Адраре. Он приказал занять все пальмовые рощи эмирата и не допускать в них мавров. Попытки последних атаковать в лоб

отбивались с тяжелыми потерями для нападавших. В ходе августовских боев 1909 г. колонна Гуро вытеснила из Адрара отряды шейхов Хасана и Уэли. Верхушки ряда племен признали власть Франции. Непримиемые ушли на север и продолжали борьбу [191, 22—23.12.1983].

Колонна Гуро причинила огромный ущерб скотоводческому хозяйству кочевников и земледельцам оазисов [116, с. 179]. Реквизиции скота для снабжения войска были чрезмерными. Особенно пострадало поголовье верблюдов. Продовольственные ресурсы оазисов были опустошены. Покорившиеся племена колонизаторы обложили тяжелой натуральной данью-налогом.

Таким образом, первый этап военного завоевания Мавритании завершился. Начался этап насаждения колониальных порядков. Он оказался для захватчиков еще более трудным делом.

Управление захваченными территориями

До первой мировой войны французам удалось установить относительно прочный военный контроль над южными и центральными областями Мавритании. Более или менее уверенно они чувствовали себя на правобережье р. Сенегал, населенном негроидными народами. Что касается эмиратов Трарза, Бракна, Тагант, Адраар, то здесь колонизаторы пребывали в постоянном напряжении, со страхом ожидая вспышек сопротивления мавров.

Путь формирования органов колониального управления в Мавритании был сложным. В 1901 г. К. Копполани возглавил «Исследовательское бюро по делам мавров», которое размещалось в Сен-Луи. В 1903 г. он стал делегатом, а в 1904 г. — генеральным комиссаром генерал-губернаторства ФЗА в провозглашенной 18 октября 1904 г. официально «гражданской территории Мавритании». Генеральному комиссару К. Копполани вменялось в обязанность управлять коренным населением, опираясь на помощь им же назначенных вождей и собраний, функции которых он определял лично. В областях, населенных маврами, собрания (джамаа) создавались отдельно для племен воинов и для марабутских племен: по 12 нотаблей в каждом. Джамаа собирались два раза в год, заседания проходили под руководством генерального комиссара.

Гражданская администрация, однако, была введена лишь в южных областях — в Трарзе, Бракне, Таганте, Горголе, Гидимаке. В 1905 г. эти области делились на округа, во главе которых ставились коменданты-французы. Каждый округ подразделялся на резиденции (во главе с резидентами-французами): границы их политической и административной юрисдикции определял комендант. Еще при жизни Копполани велась работа по созданию линии военных постов от Атлантики (Нуакшот) до Таганта (Каэди). Эта линия предназначалась для прикрытия Сенегала. Области к северу от этой линии считались «военной тер-

риторией», на которой административные функции выполняли французские офицеры.

Таким образом, в период 1901—1914 гг. закладывались основы администрации, сочетавшие принципы непрямого (протектораты над эмиратами) и прямого управления. Последнее подразделялось на военное и гражданское. Военное превалировало в областях, населенных маврами, гражданское — в негрских областях, населенных негроидами. Городские власти в тот период отсутствовали.

Чтобы держать население в повиновении, власти создали колониальное войско, офицерский корпус которого набирался во Франции, а сержантский — в соседних французских владениях — Сенегале, Алжире, Судане. Пехотные подразделения пополнялись сенегальскими стрелками, кавалерийские (гумы) — алжирцами, лояльными маврами. Войско имело на вооружении винтовки, пулеметы, легкие пушки.

В декабре 1904 г. для содержания администрации, войска, аппарата «туземного» управления были введены налоги: подушная подать (ее, как и религиозный налог, называли «закят») в размере $\frac{1}{40}$ стоимости продукта земледелия (у негроидов) и $\frac{1}{40}$ стоимости скота (у скотоводов-мавров), а также дорожная и таможенная пошлины — обе в размере $\frac{1}{40}$ части стоимости (соответственно) перегонявшегося на продажу скота и перевозившихся товаров.

Перед французскими колониальными властями встал вопрос, что делать с данью, которую марабутские племена платили племенам воинов, а племена зенага — тем и другим. Было решено аннулировать дань марабутов воинам и зенага марабутам. Но зенага дань воинам были обязаны выкупить. Процесс выкупа растянулся до 1951—1952 гг.

Были предприняты некоторые шаги в социальной среде. В конце 1905 г. власти запретили работорговлю, но не отменили самого института рабства. Правда, они запретили преследовать беглых рабов, но это распоряжение не соблюдалось строго.

Нуждаясь в «туземных» помощниках (переводчиках, канцелярских служащих), колонизаторы набирали (нередко принудительно) детей из знатных семейств и направляли их в специальную школу в Сен-Луи для подготовки кадров низшего звена. А затем была создана первая франко-арабская школа (медресе) в Бутилимите (Трарза). В этой школе обучение велось на французском и арабском языках. Преподавательский состав состоял в основном из носителей обоих языков, прежде всего алжирцев. Сначала директором школы был француз, а затем, по тактическим соображениям, алжирец-мусульманин.

Поскольку вооруженное сопротивление оказывали главным образом племена воинов, французы стремились привлечь на свою сторону верхушку марабутских племен [116, с. 183—185]. Шейхи Сидия Баба и Саад Бу признали власть Франции, только шейх Ма аль-Айнин (глава Фадилии и созданной им Айнии)

оставался непримиримым врагом колонизаторов. После смерти Ма в 1910 г. его дело продолжил сын — шейх аль-Хиба (известный в истории Марокко как «голубой султан»). Он возглавил сопротивление племен Северной Мавритании, Испанской Сахары, Южного Марокко.

«Умиротворение» тукулеров и сонинке заняло период с 1860 по 1895 г., мавров четырех эмиратов — с 1900 по 1910 г., северных мавров — с 1900 по 1936 г. Политика силы сопровождалась смещением традиционных правителей и вождей, лишением их владений, изгнанием или гибелью, бегством больших групп местных жителей за пределы Мавритании. Такую политику В. Понти называл «политикой рас». «Мы должны разрушить,— подчеркивал он,— всякую гегемонию одной расы над другой, одной этнической группы над другой этнической группой, бороться с влиянием местной аристократии, чтобы обеспечить симпатии общин, упразднить верховное туземное руководство, которое почти всегда являлось барьером, стоящим между нами и нашими подданными» [106, с. 237—238].

Таким образом, мавританский вариант политики «разделяй и властвуй» выглядел как «защита» оседлых земледельцев правобережья р. Сенегал от кочевников-скотоводов, марабутов — от воинов, плативших дань (зенага, харатинов) — от ее получателей (воинов, марабутов), членов профессиональных каст — от воинов и марабутов, рабов и харатинов — от их хозяев. При этом единственным источником власти была колониальная администрация, которой беспрекословно подчинялись все традиционные политические и социальные структуры. Колонизаторы не желали разрушить эти структуры, они пытались поставить их себе на службу. Для этого и была изобретена «политика ассоциации», которая в отношении к маврам характеризовалась как «политика приручения». Как бы она ни называлась, ее главной задачей была охрана интересов монополистической буржуазии метрополии.

Политика колонизаторов в области культуры. Власть и ислам

Главной сферой культуртрегерской деятельности в Мавритании колонизаторы сделали школьное образование. Школа, по их планам, должна была стать средством идеологического воздействия на коренное население, служить целям обеспечения интересов метрополии. Поскольку Мавритания входила во Французскую Западную Африку, на нее были распространены принципы школьной политики, проводившейся во всем генерал-губернаторстве. С самого начала, однако, не учитывалось, что традиционная культура была пропитана исламом, что большинство жителей (мавры) говорило на арабском языке. Школьная политика в Мавритании опиралась на три принципа: «цивилизовать», «офранцузить», призвести «селекцию» (отбор).

Оправданием и прикрытием оккупации и угнетения были утверждения о стремлении Франции «цивилизовать» коренное население. Это стремление изображалось как «добровольное бремя»: поскольку обстоятельства столкнули Францию с менее развитой расой, она была вынуждена взять на себя обязательство вести эту «расу» по пути прогресса.

Политику ассимиляции («офранцузивания») колонизаторы оправдывали утверждениями, что доступ к современной культуре возможен только через французскую культуру и французский язык. Ассимиляция посредством школьного обучения состояла как в навязывании французского языка, так и в осуществлении программ гуманитарных дисциплин. Программы, утвержденные в 1912 г., либо полностью копировались с французских, либо ориентировались на них. Школьное обучение призвано было помочь «туземцу» правильно понять место своей «расы» и культуры по отношению к другим расам и культурам.

Колониальным культуртрегерам хотелось обучать мавританцев не только говорить, читать и писать по-французски, но и думать по-французски. Особенно настойчиво они делали это в правобережье р. Сенегал. Здесь с первого класса начальной школы обязательным и единственным языком обучения был французский. Но в областях, населенных маврами, колонизаторы были вынуждены создавать двуязычные франко-арабские школы по типу алжирских. Учителям категорически запрещалось использовать на уроках диалект хасания.

Политика ассимиляции имела в колониальных кругах не только сторонников, но и противников. Последние считали ее опасной. Опасность видели в том, что образованный мавританец, проникнув в секреты превосходства колонизаторов, получит доступ к антиколониальным идеям, сможет выражать собственные взгляды и делиться ими с другими. И сторонники ассимиляции учли эту опасность. В школах учащихся обучали абстрактным знаниям, не связанным с конкретной действительностью, упрощенному французскому языку, который не позволял понимать серьезную художественную, не говоря о научной и технической, литературу.

С самого начала колонизаторы не ставили задачи широкого охвата школой коренного населения. Образование было достоянием лишь привилегированного меньшинства. Речь шла о подготовке подчиненных кадров, воспитанных на французской культуре, убежденных в ее превосходстве и в необходимости восприятия ее основ. Уже в 1903 г. колониальная администрация заложила структуру системы образования, которая просуществовала до 1960 г. [107, с. 112—116].

Начальная школа включала подготовительную, региональную и городскую, курсы для взрослых. Подготовительные (их называли еще сельскими) школы считались «инструментами практической цивилизации». Они находились в сельской местности, имели всего один класс и одного учителя, редко обладавшего пе-

дагогическим образованием. На словах в эти школы допускались дети всех сословий, но предпочтение, как правило, отдавали отпрыскам вождей и знати. Обучение продолжалось три года. Учащиеся получали элементарные знания по разговорному французскому языку, некоторые сведения о гигиене и санитарии, земледелии и скотоводстве. Курсы по истории и этике воспитывали в учащихся послушание.

Наиболее одаренные отбирались для школ, которые функционировали при колониальных административных постах. Эти школы имели два класса и двух учителей, продолжавших подготовительный курс обучения. После двух лет учебы производился уже третий отбор: на этот раз в региональные школы, которые находились в центре округа. Они имели три класса, которыми могли руководить только учителя-французы. Окончившие региональную школу получали аттестат о начальном образовании, который давал право занимать должности младшего служащего. Именно из их числа и набирались «туземные» кадры низшего звена управления.

Городские школы имели статус региональных, но функционировали в среде европейского и ассимилированного населения. В них обучались дети чиновников, торговцев, промышленников. В этих школах имелись отдельные «туземные» классы, в которых обучение велось по программе региональной, и отдельные «европейские», в которых курс строился на базе школьной программы метрополии.

Учащиеся, получившие аттестат о начальном образовании и входившие в список «наиболее достойных», могли продолжать учебу в специальной школе для отпрысков вождей (позже она стала называться «высшей» начальной школой), которая находилась в административном центре Мавритании — Сен-Луи. Здесь учащиеся жили в интернате. Школа готовила кандидатов для замещения должности вождя и младших чиновников.

Средних — неполных и полных, специальных профессиональных — школ в Мавритании в 1900—1918 гг. не было. Если выпускник «высшей» школы в Сен-Луи хотел продолжать образование и если он принадлежал к местной знати, то у него имелись шансы попасть в педагогическое училище имени Вильяма Понти в Дакаре. Училище в течение трех лет готовило учителей и в течение двух лет — вспомогательный медицинский персонал.

До 1918 г. колонизаторы так и не успели завершить создание описанной выше полной структуры школьного образования. Хотя они смогли относительно прочно обосноваться в эмиратах Трарза, Бракна, Тагант, Адрар, первые подготовительные школы были созданы ими в областях, населенных негроидами: в 1905 г. в Каэди (тукулеры), в 1912 г. — Боге (волоф).

В верхних слоях общества Мавритании имелись люди, которые хотели овладеть французским языком, чтобы служить в администрации и заниматься торговлей. Шейхи Сидия Баба и его брат Сидия аль-Моктар просили власти основать школу, в кото-

рой традиционное арабское обучение соединялось бы с изучением французского языка и приобретением элементарных современных знаний. Власти удовлетворили их просьбу: в 1914 г. была создана первая в стране франко-мусульманская школа, но в 1914—1918 гг. она бездействовала из-за войны.

Колониальные власти понимали, что их «культурная» политика неизбежно столкнется с исламской религией и культурой. Большинство последователей ислама в правобережье и левобережье р. Сенегал не только активно выступали против колониальной экспансии Франции, но и участвовали в вооруженном сопротивлении захватчикам.

Ислам оставался символом непокорности и непризнания населением их власти. Его доктрины, связанные с ним культура и язык были живучими, не прекращали своей деятельности полулегальные исламские течения, которые в любое время могли выйти наружу в форме массовых движений, угрожавших колониальным порядкам.

Силе ислама французы противопоставили расизм, проводя политику дискриминации в отношении мавров и патернализма в отношении негроидов. В долине Сенегала они поощряли традиционные культы, поддерживали «черный» ислам местного населения против «белого» ислама мавров. Рецепты такой политики разрабатывала специальная служба мусульманских дел, созданная в 1906 г. В эту службу входили чиновники, имевшие опыт работы в Северной Африке, хорошо знавшие исламские доктрины и владевшие арабским языком. В их числе были Поль Марти, автор многих работ об исламе в ФЗА, а также Р. Арно. Последний подготовил ряд рекомендаций, которые власти взяли на вооружение. В частности, рекомендовалось: обезглавить религиозные братства, привлекая на сторону Франции их руководителей (шейхов) путем предоставления особых льгот; сделать ислам официальным культом (как в Алжире), чтобы признанных властями служителей противопоставить полулегальным братствам; «изымать» детей из знатных семей, обучать их в специальных школах, тем самым выводя из-под влияния братств, марабутов и ставя под французское влияние.

Основы идеологической политики Франции в долине Сенегала были заложены еще в 60-е годы XIX в. Уже в то время колонизаторов тревожил вопрос: что делать с кораническими школами? Тогда решено было вести против них борьбу, считая препятствием для ассимиляции. Однако в 1905 г. К. Копполани понял, что давление на коранические школы настраивало мусульман против французов, не принося никаких выгод. Позже (в 1913—1916 гг.) мнение Копполани подтвердил П. Марти. Последний считал, что в коранических школах учителя давали в основном знания арабского языка, не внедряя в сознание учащихся даже исламских догм, потому что делали ставку не на толкование священных книг, а на зубрежку. Самим учителям еще предстояло выработать собственные политические позиции.

Оставив в покое коранические школы, власти уделили особое внимание лояльности учителей. К. Копполани предложил преобразовать завии в единый мусульманский университет, находящийся под французским контролем. Власти стали внедрять в Мавритании алжирский опыт, взяв за основу франко-мусульманское образование на базе медресе. Сначала в Сен-Луи, затем в Бутилимите были созданы такие школы, призванные стать носителями иного духа, чем дух завий, враждебный колонизаторам, участвовать в подготовке вспомогательного аппарата для администрации и мусульманских шариатских судов. С особой тщательностью подбирались директора медресе. Им мог стать либо француз, либо лояльный алжирец, либо мавританец, выпускник медресе в Алжире.

Коренное население, однако, неохотно посылало своих детей в медресе, в которых преподавали «неверные». Кочевники-мавры открыто бойкотировали их.

На идеологическое наступление колонизаторов коренное население Мавритании ответило демонстративной верностью исламу, еще более активной поддержкой религиозных братств. Можно считать, что почти каждый коренной житель — белый или черный, выходец из любого сословия или касты — подтвердил свою принадлежность тому или иному братству. Однако каждое братство (и его шейх) отличалось от другого по своим идеологическим и политическим позициям. Случалось, что и в одном братстве существовали фракции, враждовавшие между собой. Например, фракция Сидии Баба в братстве Кадирия вела борьбу с фракцией (она называлась Фадилия) Ма аль-Айнина. Первая была лояльной по отношению к французам, вторая — непримиримо враждебной. С первых дней шейх Сидия Баба приветствовал французское вторжение. В 1902 г. в специальной фетве он призвал к миру, точнее, к сотрудничеству с Францией. В позиции Сидии Бабы, однако, имелись и положительные аспекты. Он осуждал магию и суеверия, запрещал вымогательство со стороны братств под предлогом сбора пожертвований среди «правовверных», порицал презрение к тяжелому физическому труду. Он призывал молодежь приобретать современное образование. Шейх Ма аль-Айнин по всем пунктам был противником Сидии. До самой смерти Ма не признавал власти колонизаторов. Шейх был сторонником панисламизма и возврата к первоначальным истокам веры, объявлял себя прямым наследником Альморавидов. Он издал труд «О пользе братств», в котором ратовал за единство «правовверных» в борьбе с «неверными» [107, с. 146—147].

Преемники Ма и Сидии (умер в 1919 г.) не обладали политической и интеллектуальной силой своих предшественников. Но они продолжали представлять два противоположных течения: первое — антиколониалистское течение, склонное к ксенофобии, второе — открытое западным влияниям, выступающее за сотрудничество с колонизаторами.

Религиозные братства Мавритании были слабо связаны с такими мощными движениями, как панисламизм и панарабизм. Они действовали в изоляции, сохраняя верность традициям автономии.

После 1910 г. наиболее крупные братства (Кадирия, Беккая, Тиджания), исключая Фадилию, своеобразно вмонтировались в колониальную структуру общества. Шейхи стали объектом контроля и одновременно благосклонности со стороны властей. Они ориентировали братства на сохранение лояльности Франции. Братства, которые ими возглавлялись, действовали в условиях легальности.

Иным было положение братств Гудфия и Хамаллия (оба — филиалы Тиджании), действовавших более конспиративно. Колонизаторы не могли простить Гудфие убийство Копполани. Их особенно раздражал отказ руководства обоих братств признать колониальные порядки, а значит, согласиться на контроль властей над их деятельностью. Активность Гудфии и Хамаллии были вызваны ростом протеста против колониального режима. Оба братства отличались от старых и в ритуалах, за что обвинялись в греховном синкретизме, даже ереси. Но главное различие заключалось в большем их демократизме: они провозгласили равенство членов независимо от социального и этнического происхождения. В братстве Гудфия признавалась общность имущества его членов. В обоих братствах шейхи ставились выше основателей Кадирии и Тиджании: их называли либо предшественниками махди, либо самими махди.

Но если Гудфия оказывала колонизаторам пассивное сопротивление, то Хамаллия вела с ними активную борьбу. Особенно боевыми были выступления ее членов после первой мировой войны.

Мавритания в годы первой мировой войны

Французская колониальная историография утверждает, что в период 1915—1918 гг., который был чуть ли не самым спокойным, население Мавритании сплотилось вокруг французского знамени. Однако причины «спокойствия» в ней не объясняются и не говорится, кто «сплотился».

1914—1918 годы были периодом не спокойствия, а временно-го затишья. Оно было вызвано, во-первых, военным поражением мавров — противников Франции, а во-вторых, разорением племен в годы военных действий (1905—1910). Войско Гуро прошло огнем и мечом по Таганту и Адразу. Реквизиции в Трарзе, Бракне, правобережье р. Сенегал опустошили и эти области. Французы сами признавали, что для восстановления их хозяйства потребуется два десятилетия [162, с. 123—124, 169].

В 1914 г. Франция опасалась, что известие о событиях в Европе, особенно после вступления в войну мусульманской Турции (10 ноября 1914 г.), вызовет восстание племен в Мавритании. Этого не произошло. Во-первых, власти не решились вербовать кочевников на военную службу. Что касается правобережья, то там в части сенегальских стрелков было мобилизовано мало людей. Во-вторых, колонизаторов поддержала верхушка марабутских племен и некоторых племен воинов. Шейхи Сидия Баба и Саад Бу, эмир Трарзы, кади ульд дейман М. Фалл выступили с заявлением протеста против вступления Турции в войну, утверждая, что эта война не является «священной» и угодной Аллаху. Сидия Баба и Саад Бу произнесли проповеди за победу Франции, написали воззвания, провели подписку в пользу французов, жертв войны (в 1915 г. было собрано 60 тыс. фр.).

Временное затишье также было относительным. В 1915 и 1916 гг. коменданты округов докладывали в Сен-Луи об атаках вооруженных отрядов регейбат на Адрар, Тагант, Ход. В 1917 г. число атак сократилось [116, с. 210, 213]. Жестокая засуха, поразившая области кочевания регейбат, вынудила их, чтобы спасти скот, пойти на соглашение с властями. Регейбат получили право пасти скот в Адраре, за что платили налог (размер — сотая часть стоимости верблюда) и дорожную пошлину.

Самым опасным для колонизаторов оставался шейх аль-Хиба. Не имея возможности справиться с ним военными средствами, они попытались опорочить его: шейх был объявлен «германским агентом». Опасность для колонизаторов аль-Хибы возросла после заключения союза между ним и эмиром Адрара ульд Айдой. Тогда власти арестовали ульд Айду и выслали в Сен-Луи. Управлять эмиратом они поручили джамаа в составе девяти членов (пять — от марабутов, четыре — от воинов). Предупреждая возможное присоединение к аль-Хибе идуайш, колонизаторы в августе 1918 г. восстановили упраздненный в 1908 г. (по другим сведениям, в 1909 г.) эмират Тагант и посадили на трон Абдаррахмана, сына погибшего Бакара [116, с. 216].

Власти успешно продолжали политику «разделяй и властвуй». Одни племена противопоставлялись другим. Например, отряды мехаристов набирались в «лояльных» племенах. Эти отряды контролировали поведение «нелояльных». Широко оповестив племена о победе Франции над Германией в 1918 г., колонизаторы получили некоторые конкретные результаты. Враждебное им ульд делим в январе 1919 г. попросило и получило статус «дружественных иностранцев». Еще более обнадеживающими для властей были сообщения о смерти аль-Хибы в июне 1919 г., о расколе между сыновьями шейха Ма аль-Айнина. Преемником аль-Хибы стал в 1919 г. Меребби Реббо. А его брат Талеб Хияр прибыл в Дакар и заявил о своей покорности, за что получил все права на имущество семьи Ма аль-Айнина в Адраре [116, с. 218]. Т. Хияр призвал своих братьев, М. Реббо и Си Нааму, признать власть Франции.

В конце 1919 г. колонизаторы заключили новое соглашение с регейбат. Последние получили свободу выпаса и прогона скота при условии уплаты налога, ежегодного «подарка» властям в размере десяти верблюдов, отказа в убежище врагам французов, регулярной информации об обстановке в Северной Мавритании.

Колонизаторы уверовали в то, что их власть в Мавритании стала стабильной, что их позициям ничто не угрожает. События 20—30-х годов, однако, разрушили эту уверенность.

КОЛОНИЗАЦИЯ МАВРИТАНИИ (1918—1945)

Социальные процессы в мавританском обществе

Развитие общества Мавритании в колониальный период проходило противоречиво: одни факторы ему содействовали, другие препятствовали.

Основные условия жизни в существовавшей географической среде оставались неизменными. Племенная и семейно-родовая структура сохранялась. Институт солидарности (асабия) внутри племен не только не ослабел, а еще более укрепился. Одни племена, которыми руководили вожди, склонные к сотрудничеству с властями, спустились к югу. Они стали полuosедлыми, превратившись из верблюдоводов в держателей крупного и мелкого рогатого скота. Но большинство племен ушло к северу, спасаясь от налогов и колониальных порядков.

Натолкнувшись сначала на вооруженное, а затем социально-культурное и религиозное сопротивление мавров, власти прибегли к тактике обходных маневров. Убедившись в том, что воздействие напрямую на общество кочевников и полукочевников имело в основном отрицательные результаты, они попытались использовать существовавшие структуры, обычаи и нравы. Области, населенные маврами, власти стали рассматривать как свою «социальную опору». Они рассчитывали, что их общество постепенно «приспособится» к колониальным порядкам, что верхушка начнет сотрудничать с властями. А сотрудничая, начнет воспринимать те западные ценности, которые не слишком противоречат исламским. Колонизаторы рассчитывали, что на адаптацию верхушки окажут влияние создаваемые властями возможности повысить жизненный уровень, а то и достигнуть богатства без слома доколониальных структур. Рост городских центров в Сенегале и самой Мавритании, создание районов производства арахиса в Сенегале, развитие коммуникаций из Магриба в зоны Сахеля и тропического леса содействовали возникновению платежеспособного спроса, увеличению товарооборота.

Мавры всегда были искусны в торговле, особенно караванной. Издавна существовавшая у них индивидуальная и отчуждаемая собственность позволяла увеличивать стада ради торгового обмена. В колониальный период многие из них занялись

экспортом скота в Сенегал, Французский Судан, Марокко. Из этих стран торговцы-мавры ввозили промышленные товары, которые продавали не только в Мавритании, но и в соседних странах. Торговцы-мавры владели небольшими магазинами и лавками в Сенегале, Судане, Южном Марокко. Например, в 1944 г. в Сенегале насчитывалось около 20 тыс. таких торговцев.

В наиболее выгодном положении оказалась верхушка марабутских племен. Как сторонница сотрудничества с колонизаторами, она получила защиту со стороны властей. Возросшая возможность для расширения религиозного образования и распространения деятельности религиозных братств во французских колониях множила ее ресурсы. Власти, например, разрешали шейхам совершать ежегодный сбор пожертвований (зиаба) в Сенегале, Судане, Гвинее и других владениях Франции. Семьи крупных шейхов богатели, приобретали еще большее влияние в обществе. О резких переменах в положении марабутской верхушки можно судить по фактам, взятым из Трарзы. На примере этого эмирата видно, как, с одной стороны, поднималась марабутская верхушка, а с другой — опускалась верхушка племен воинов [106, с. 245—246].

По конвенциям 1903 и 1910 гг. Париж признал прерогативы эмира и выплачивал ему денежное содержание. Но в дальнейшем власти постепенно ограничивали экономические и политические права эмира. Последний из года в год терял то какой-нибудь налог, который ему платили, то повинность, которую выполняли в его пользу марабуты, зенага, негроиды правобережья. Из многочисленных средневековых налогов и повинностей эмир к 30-м годам XX в. сохранил лишь налог с зенага (хорма) и половину суммы, взимаемой как штраф за убийство. Чтобы «жить», эмиру пришлось заводить хозяйство, которое, однако, выглядело жалким по сравнению с хозяйством шейха Абдаллаха ульд Сиди.

В 1944 г. эмир Сиди ульд Дейд (преемник ульд Айды) имел в личной собственности 100 верблюдов и 50 голов крупного рогатого скота. В том же году шейх А. ульд Сидия имел 500 верблюдов и 500 голов крупного рогатого скота. Кроме того, шейху принадлежали три доходных дома, рощи финиковой пальмы в Адраре и Таганте. (Эти рощи Сидия Баба, его отец, получил от Гуро за участие в кампании «умиротворения» 1908—1909 гг.) Во время ежегодных (или периодических) поездок по Западной Африке шейх собирал благодатную жатву пожертвований. В период 1940—1942 гг. такие турне ежегодно приносили ему 300—400 тыс. франков. Шейху принадлежали большие участки плодородных земель в долине Сенегала: одни из них еще в доколониальный период «освоили» талямидами, другие — подарили эмиры Бракны и Трарзы, третьи — сдали ему в аренду те же эмиры. В 1929 г. колонизаторы признали все эти владения и аренды собственностью семьи шейха. Кроме того, эта семья со времен Копполани была освобождена от налогов. Как вождь, ульд бир-

ри Сидия получал ежегодно денежное содержание (в 1934 г. — 2,6 тыс. фр.). В его пользу отчислялось 5% суммы налога, который это племя платило казне (в 30-е годы — 15—20 тыс. фр. в год).

До вторжения Франции значительная часть традиционных имущества и повинностей находилась в коллективной собственности эмирских семей и семей шейхов. Большую долю доходов с этого имущества приходилось распределять как плату за вассальную преданность среди ближайшего окружения. В колониальный период эмиры и шейхи стали тратить почти полностью все доходы на нужды своих семей. Обязанности по отношению к вассалам слабели, узы солидарности теряли свое значение. Но если к шейхам мавров продолжали привязывать ислам и религиозные братства, то вожди воинов (в том числе эмиры), утратив экономическую основу своей власти, теряли и политическое влияние. Таким образом, многовековая борьба между верхушками марабутских племен и племен воинов начала клониться в пользу марабутов. Этот успех выглядел как дарованный чужеземной властью, а не добытый собственными руками. К тому же он был хрупким, поскольку хозяином в стране были колониальные власти, которые сделали марабутскую верхушку своим партнером, но жестко ее контролировали.

Шейхи марабутов особенно и не стремились играть важную политическую роль. Их устраивало положение младшего партнера, приносившее значительные преимущества. Дети марабутской знати заполняли начальные школы и медресе. Они становились младшими чиновниками колониального аппарата. Самые крупные владельцы скота, пастбищ и водопоев еще больше богатели, находясь на службе у колонизаторов. Многие из них (особенно из племен идауали, смасид, мешдудф) наживались на торговле со странами Тропической Африки и Магриба.

Из верхних слоев общества мавров более всего пострадала верхушка племен воинов, утратившая социальное и политическое превосходство, потерявшая многие источники доходов. Ее лишили возможности устраивать набеги. Она имела мало скота, рабов и харатинов. Страшась, что войны никогда не примирятся с колониальными порядками, власти демонстративно оказывали их эмирам и вождям особые знаки внимания, назначали им пенсии. Но все это не могло, конечно, компенсировать верхушке воинов утрату феодальных привилегий. Ей пришлось опуститься до положения марабутов: разводить скот, вести торговлю, овладевать религиозными знаниями и вступать на почву религиозной деятельности, служить в колониальной администрации.

В условиях колониального режима вражда между верхними слоями марабутов и воинов постепенно ослабевала, различия между ними размывались, принимали другие формы. Происходило медленное сближение, которое вело к слиянию в будущем двух верхних слоев в один господствующий класс.

Низы в племенах воинов и марабутских племенах, наоборот,

сближались с зенага, ремесленниками, гриотами. Жесткие в доколониальный период сословные перегородки постепенно разрушались. Эксплуатация, основывавшаяся на сословно-кастовых различиях, стала приобретать социально-классовый характер. К 1945 г. исчезли некоторые доколониальные виды дани и налогов.

Конкретная политика колонизаторов опровергала их социальную демагогию. Это было видно на примерах отношения колониальных властей к угнетенным слоям обществ мавров и негроидов. Колонизаторы и не думали разрушать традиционные структуры, в основе которых лежала эксплуатация человека человеком. Племенам зенага пришлось вести борьбу, чтобы избавиться от повинностей, которые они выполняли в пользу племен воинов и марабутов. Под предлогом, что воины останутся без средств к существованию, власти заставили зенага выкупать эти повинности. В обществе мавров зенага оставались людьми второго сорта (среди воинов и марабутов было распространено их прозвище — «тупицы»).

Также медленно изменялось положение каст-ремесленников и гриотов. Поскольку они были привязаны к традиционной экономике и социальным структурам, то подчинялись еще сохранившимся доколониальным пережиткам. По мере развития в местных обществах товарно-денежных отношений положение каст трансформировалось в лучшую сторону — они высвобождались от архаичных уз. Спрос на их деятельность возрастал, ломал рамки социальной изоляции. Все же состояние социальной и психологической приниженности каст сохранялось.

Лишь на бумаге изменилось положение рабов и харатинов. Французские колониальные власти провозгласили в 1905 г. отмену рабства, работорговли, право хозяина преследовать беглых рабов, обязательность выкупа, как условие освобождения раба. Но под предлогом, что рабы и харатины без хозяев «пропадут», «потеряют» источник существования, они сквозь пальцы смотрели на фактическое сохранение рабства и полурабской зависимости. Эксплуатация рабов и харатинов не только не ослабевала, но в условиях развития товарно-денежных отношений и возросших потребностей верхних социальных слоев, напротив, усиливалась. Разрекламированные «деревни свободы», созданные властями в начале XX в. в Восточной Мавритании с намерением расселить в них бывших или беглых рабов, оказались фикцией. Власти создавали такие деревни не столько из гуманных побуждений, сколько из стремления подорвать материальную базу вождей. Кампания по созданию «деревень свободы» провалилась, поскольку рабы и харатины не могли воспользоваться «свободой». Лишенные средств и орудий производства, не имея возможности при отсутствии рынка труда продавать рабочую силу, они вынуждены были оставаться в хозяйствах своих бывших господ.

Лишь в 30-е годы, когда колониальные власти приступили к строительству шоссейных дорог, созданию мастерских и мелких

предприятий для обслуживания военных гарнизонов и администрации, у рабов и харатинов появилась возможность получить работу. Из их числа набирались первые группы неквалифицированных рабочих. Впервые возникло и такое явление, как отходничество. Рабы и харатины отправлялись на заработки в соседние колонии, прежде всего в Сенегал. Появились и другие возможности для найма. Многие традиционные владельцы участков в оазисах и пальмовых лесах начали продавать их. Харатины и рабы нанимались к новым хозяевам, но уже на договорных условиях. Одновременно они продолжали выполнять повинности в пользу старых владельцев. Последние всегда знали, где находились их харатины и рабы, чтобы истребовать установленные суммы. И делали это, опираясь на обычное право, а не на постановление властей.

Однако колониальные порядки все же создавали условия для эволюции в положении харатинов. Богатые и зажиточные марабуты и воины все больше внимания обращали на эксплуатацию земли в правобережье р. Сенегал (Бракна, Горголь, Трарза). Обрабатывать принадлежавшие им участки они посылали харатинов. Формы труда и относительная автономия постепенно осваивали последние от старого статуса, хотя традиционные отношения между знатым скотоводом и зависимым земледельцем все еще сохранялись (уплата дани). Такие харатины объединялись в «автономные» или «полуавтономные» компактные группы («фратрии»). Первые окончательно оседали на земле, через какое-то время приобретая право на владение участком (они платили вождям и хозяевам десятину). Вторые в период дождей обрабатывали землю, а затем возвращались к господам, чтобы ухаживать за скотом.

Как уже отмечалось, еще в первые годы колониального режима мавры начали мигрировать в соседние страны. Причинами были или нежелание мириться с властью «неверных», или бегство от репрессий, или протест против гнета, особенно налогового. В 30—40-е годы к ним добавились экономические: нехватка продовольствия, вызванная частыми засухами, снижение денежных доходов. Отходники-мавры встречались в Гвинее и Французском Судане, Либерии и Камеруне. Там они искали и находили различные занятия.

Мавры (особенно «белые») занимались торговлей. К 1935 г. они монополизировали в соседних странах всю торговлю мясом, некоторые из них пробивались в ряды оптовиков. Большинство, однако, владело мелкими лавками. Эти лавки торговали товарами повседневного спроса. В некоторых районах Сенегала мавры захватили в свои руки розничную торговлю. А по объему товарооборота торговая община мавров в Сенегале уступала лишь общине ливано-сирийцев.

В соседних странах проживало также много мавров — служителей культа, представлявших то или иное религиозное братство. Чтобы быть ближе к верующим, они селились в основном в Се-

негале или Французском Судане. Тем самым братству обеспечивалось не только влияние, но и высокие доходы.

Что касается харатинов, то они в соседних странах брались за любую работу. Нередко им удавалось стать помощниками у богатых мясников и скототорговцев.

Более сильное воздействие колониализм оказал на общества правобережья р. Сенегал. Колонизаторы навязали здесь свое господство быстрее и полнее, с меньшими издержками, чем в областях расселения мавров. Они установили здесь более совершенную, а значит, и более дорогостоящую административную систему. Налоги, принудительный труд, воинская повинность легли тяжелым бременем на плечи коренного населения. Система сельскохозяйственного производства с большим трудом, чем у мавров, адаптировалась к товарно-денежным отношениям.

С 1920 г. долина перестала быть зоной, через которую пролегали основные коммуникации региона. Кроме того, здесь резко сократились площади, которые отводились под сельскохозяйственные культуры. Если в 1930—1939 гг. из правобережья ежегодно экспортировалось 20—30 тыс. т проса, то начиная с 1944 г. все просо в основном потреблялось на месте. Материальное положение негроидного населения ухудшалось. Мужское население было вынуждено уходить на заработки.

Колонизация и здесь вызвала к жизни процессы социальной дифференциации. Развивался процесс разложения общины. Он захватил все сословия. Солидарность между прямыми родственниками была прочной, но между братьями и свойственниками усиливалась конкуренция, которая порождалась растущей тенденцией к индивидуализации хозяйств и увеличением денежных налогов. Некогда неделимые и неотчуждаемые участки стали и делиться и отчуждаться. Они продавались, сдавались в аренду, эксплуатировались с помощью отходников.

Постоянным явлением становилось отходничество, захватившее все сословия. В начале колонизации оно носило сезонный характер: мужчины уходили на арахисовые плантации Сенегала. Число отходников резко увеличилось во время кризиса 1929—1933 гг. Отход затягивался на многие годы, а после коротких перерывов дважды-трижды повторялся.

Заметное влияние на социальные изменения оказывала введенная в правобережье система образования. Уровень охвата детей негроидов школой был намного выше, чем среди мавров. Здесь не соблюдался столь строго, как у мавров, принцип элитарности. В школу принимались выходцы из всех сословий. Родители редко сопротивлялись требованиям властей о направлении детей в официальные школы. Выпускники школ легко адаптировались к канцелярской и технической работе, они не испытывали, как мавры, отвращения к подчинению начальникам и к физическому труду. Вот почему уже в 20—40-е годы в колониальной администрации доля служащих-мавров намного превосходила долю служащих-мавров. То же можно сказать о соот-

ношении квалифицированных и обученных рабочих (шоферы, механики, строители).

Социально-экономическая эволюция негрского общества наблюдалась в изменениях системы землевладения и землепользования. Усиливалась тенденция к разделу собственности общины. Эта тенденция противоречила обычному праву, но находилась в согласии с мусульманским правом. Некоторые семьи стали явочным порядком передавать по наследству обрабатывавшиеся ими участки. Расширялась также эксплуатация земель на правах аренды. Подушный налог также содействовал индивидуализации хозяйств, так как его платил отдельный производитель.

Архаичные аграрные отношения, крайняя отсталость орудий производства, высокие темпы прироста населения ставили земледельцев правобережья в тяжелое положение. Чтобы облегчить его, мужчинам приходилось все чаще прибегать к отходу на заработки. Эти заработки оказывались единственным источником денежных доходов. Заработанные деньги обычно шли на уплату налогов, покупку промышленных изделий и (нередко) продовольствия. Отходники брались за любую работу, но чаще всего трудились в качестве разнорабочих и прислуги. Поскольку их труд был неквалифицированным, то и заработки оказывались низкими. Среди отходников складывалась прослойка розничных торговцев.

Характерно, что членам каст было легче получить работу, так как они уже владели ремеслом или другим профессиональным занятием. В числе отходников оказывалось много ремесленников. К отходу их толкали разорение, вызванное конкуренцией импортных изделий, а также необходимость платить повинности в пользу высших каст. Верхушка последних все чаще требовала погашать повинности деньгами, а не продуктами.

Заметные изменения произошли в верхних эшелонах общества. Знатные семьи утратили свои права в отношении вассалов и клиентов, но сохранили престиж (монополия на религиозно-идеологические функции) и богатство (обладание лучшими землями). Колонизаторы круто обошлись с непокорными — частично или полностью конфисковали их землю. Но приблизили к себе смирившихся и лояльных — сделали административными агентами (вождями). Со временем их потомки получили французское образование, открывавшее путь к высоким постам в колониальном аппарате. Негрская верхушка все больше ориентировалась на приобретение европейских культурных ценностей, пренебрегая традиционными (религиозным образованием, находившимся в руках марабутов-мавров).

Проникновение товарно-денежных отношений затронуло высшие прослойки общества меньше, чем низшие. Высшие стремились замкнуться в рамках земледелия и искусственно отгородиться от других видов деятельности. Наоборот, низшие быстрее и полнее включались в колониальную экономику. Их доходы в денежной форме были относительно выше, чем у зажиточных

прослойка, а значит, и выше были денежные расходы (особенно на продовольственные продукты).

Колониальная интеграция, принявшая особые политические, идеологические, экономические формы, имела свое название — «колониальное общество». Это общество обозначило этап перехода от докапиталистического с его этническими и многочисленными социальными структурами к многоукладному обществу с его специфическими классами, находящемуся под господством капиталистического уклада.

Антиколониальное движение сопротивления

Осенью 1919 г. комиссар Гаден докладывал в Париж, что Мавритания «умиротворена». Опираясь на этот доклад, правительство Франции 12 января 1920 г. объявило, что Мавритания получает статус колонии, входящей во Французскую Западную Африку. Комиссар становился губернатором. Но до «умиротворения» Мавритании было еще далеко.

Уже в 1923 г. северные племена развернули партизанские действия, которые возглавил Уджаха, родственник Ма аль-Айнина. 27 ноября 1923 г. партизаны разгромили отряд мехаристов к северу от Шингетти. 26 марта 1924 г. отряд Уджахи совершил нападение на Порт-Этьенн, которое французы отбили с трудом [129, с. 62; 116, с. 226—227]. Надежды колонизаторов на то, что гибель Уджахи 5 мая 1924 г. ослабит партизан, не оправдались. Их борьбу возглавил брат Уджахи — ульд Мамун. Колонизаторы выбивались из сил, отражая атаки мавров, которых вдохновляли успехи Республики Риф в Северном Марокко.

Однако поражение рифов в мае 1926 г. и жестокая засуха в том же году ослабили силы антиколониального сопротивления. Власти, ловко маневрируя, отрывали от него отдельных участников или нейтрализовали потенциальных сторонников. Они сократили реквизицию скота, одновременно увеличив плату за реквизируемое поголовье. Оказывали помощь пострадавшим от засухи, строили колодцы, прокладывали грунтовые дороги [115, с. 95]. В 1926 г. было открыто автомобильное сообщение между Сенегалом и Адрамом. Поделив племена на «дружественные», «нейтральные» и «враждебные», они в соответствии с этим делением строили свою политику: первым предоставляли льготы, от вторых требовали сотрудничества, против третьих применяли насилие, в том числе вооруженное. Одни племена противопоставлялись другим, часто небезуспешно.

Однако 1931 год и особенно 1932 год были для колониальных властей крайне тревожными. В марте 1932 г. поднял восстание эмир Адрама ульд Айда. Назначив эмиру жалованье (15 тыс. фр. в год) и обеспечив другие доходы (до 40 тыс.), французы сочли, что они привлекли его на свою сторону. И хотя вскоре в одном из боев эмир погиб, восстание ширилось, захватывая новые племена. А в августе 1932 г. при Мутунси (Трарза) восставшие раз-

громили подразделение мехаристов [116, с. 234; 345—346; 129, с. 62]. Власти опасались, что поражение вызовет всеобщее восстание. Поражение наделало много шума в Париже: особенно болезненно было встречено сообщение о гибели лейтенанта Макмагона, потомка бывшего маршала и президента Французской республики.

Колонизаторы применили против восставших как военные, так и политические средства. Колониальная армия имела пулеметы, артиллерию, самолеты, средства радиосвязи. Сильным оружием в их руках оставалась политика «разделяй и властвуй». Нейтрализуя поражение при Мутунси, они сумели натравить некоторые племена Адраара на регейбат, разжечь племенную междоусобицу. А это привело к ослаблению натиска против французских гарнизонов. К тому же снова колонизаторов выручила засуха. Стремясь спасти стада, регейбат вновь приняли в январе 1933 г. условия колонизаторов: прекратить военные действия, согласиться с принципом коллективной ответственности за антиколониальные выступления одного племени или группы племен, регулярно платить налоги. Подписав соглашение с властями, вожди регейбат утверждали, что их сломила не военная сила, а засуха. Один из них сказал: «У нас не было выбора» [116, с. 236].

Сопrotивление северных племен продолжалось до 1936 г. Чтобы окончательно подчинить эти племена, колонизаторы приняли тактику постепенного продвижения на север. Сначала они оккупировали область к востоку от Кедиа д'Иджиль, через которую обычно проникали вооруженные отряды мавров. В 1933 г. здесь был сооружен Форт Гуро (ныне Фдерик). Началось строительство дороги, связывающей Мавританию с Марокко и Алжиром. Одновременно прокладывались дороги в Мавританию из Марокко и Алжира [116, с. 242—243]. Зона, контролировавшаяся антиколониальными силами, сужалась. Противникам колонизаторов приходилось действовать в основном из Испанской Сахары.

7 апреля 1934 г. колонны, двигавшиеся из Марокко (генерал Жиро), Алжира (полковник Тринке), Мавритании (майор Бутей), встретились в пункте Абд аль-Малик (Мавритания) [129, с. 62—64; 116, с. 253]. Колонны Жиро и Тринке передвигались на грузовых автомашинах, приспособленных к войне в пустыне. Командиры колонн разработали программу действий в Северной Мавритании и Южном Марокко. Они положили начало созданию «санитарного кордона» на границе с Испанской Сахарой.

В 1934 г. Парижу наконец удалось убедить Мадрид в необходимости совместных действий, чтобы подавить очаги вооруженного антиколониального сопротивления, сохранявшиеся в испанских владениях [129, с. 64—65; 107, с. 383]. Военное подчинение северных племен колонизаторами завершилось в 1936 г. Но и после этого большую часть территории страны французы считали небезопасной.

Сопrotивление народов Мавритании приняло «мирные» формы. Среди них наибольший размах имели гражданское, или социально-культурное, сопротивление и религиозные движения. Мавры упорно отстаивали от покушений властей коранические школы и завии марабутов, язык хасания и традиционные культурные ценности. Они открыто, даже с вызовом, демонстрировали свою преданность тому или иному религиозному братству, уделяли повышенное внимание отправлению культа и овладению исламскими знаниями. В 20—40-е годы особое влияние приобрели наиболее радикальные религиозные братства — Гудфия и Хамаллия.

Низы верующих-мусульман протестовали как против гнета колонизаторов, так и против эксплуатации со стороны родоплеменной верхушки. Они отвергали сотрудничество руководства Кадирии и Тиджании с властями, клеймили такое сотрудничество как предательство ислама. Власти при открытой поддержке (иногда — по инициативе) руководителей Кадирии и Тиджании преследовали «мятежные» братства, обвиняя их в подстрекательстве к беспорядкам. Шейха Хамаллии Хамаллаха дважды арестовывали и высылали за пределы Африки. Жизнь свою он закончил в ссылке во Франции. Но подавить как социально-культурное, так и религиозное сопротивление мавров колонизаторам так и не удалось.

Эволюция политики колонизаторов в области культуры

Бурные события в мире, вызванные первой мировой войной и Октябрьской революцией 1917 г. в России, заставили Францию маскировать подлинные цели своей «цивилизаторской» миссии и в Мавритании — ей пришлось отказаться от принудительной ассимиляции. Колонизаторы остро нуждались в помощи «туземных» агентов, в том числе из среды образованной элиты, что явилось одной из причин замены политики открытой ассимиляции политикой скрытой, получившей название «ассоциация». Однако агентуре отводилась жестко ограниченная роль. Еще в 1917 г. генерал-губернатор ФЗА Ван Волленховен специально подчеркивал, что в каждом округе должна быть только одна власть — власть французского коменданта. Что же касается местных агентов, прежде всего традиционных вождей, то их функция — быть «передаточным механизмом» [107, с. 110, 112]. Агентств должна была готовить школа.

В межвоенный период в колониальных кругах велись споры о том, какое образование давать — общее или приспособленное к местным условиям. На первом этапе власти ФЗА пошли по пути копирования французской системы, но вскоре отказались, сочтя такую политику опасной. Генерал-губернатор Бревье, например, считал, что если бы в школах была введена французская про-

грамма, то метрополия получила бы наряду с лояльными людьми и значительный отряд врагов [107, с. 118]. В результате победила точка зрения о необходимости «практического, конкретного и адаптированного» образования. В 1931 г. по инициативе Бревье были изданы «Новые инструкции по образованию масс» [107, с. 118—119]. Перед школой была поставлена задача обучать грамоте и современным методам ведения хозяйства. Однако планы колонизаторов терпели неудачу. Сельские школы давали крайне низкую профессиональную подготовку и почти не влияли на ход деревенской жизни, не были культурными очагами. Образование, которое учащиеся получали в сельских школах, было низким уровнем. Обещание поднять все коренное население до уровня современной (точнее, французской) цивилизации с помощью образования также оставалось пустым обещанием. Все, по существу, свелось к формированию лояльной прослойки «туземных» помощников, к удовлетворению спроса администрации на образованных «туземцев».

Власти посредством образования воспроизводили существовавшую социальную структуру колониального общества, все его противоречия. Не желая нести больших расходов и не имея возможности обеспечить всех выпускников работой, они особое внимание уделяли отбору прежде всего из племенной знати. С 1924 г. образование для местной верхушки стало обязательным.

Активизируя политику ассимиляции, власти пытались поставить плотину распространению ислама и арабо-мусульманской культуры. Даже в арабговорящих районах они ограничивали в школах занятия на арабском языке. В прочих районах власти стремились оградить «черный» ислам от влияния с севера.

Стремления колонизаторов использовать школу как инструмент идеологического оправдания экономических и политических акций, как орудие укрепления своих позиций в Мавритании наталкивались на сопротивление коренного населения, особенно мавров. Набор в школу мавры считали таким же принуждением, как сбор налогов, вербовка рекрутов, труд в службах общественных работ.

Проводя школьную политику, колонизаторы все чаще практиковали угрозы, прямое использование силы. Обычно вождь получал приказ направить в школу определенное число детей. Его положение (в том числе продвижение по службе) ставилось в зависимость от рвения, с каким он проводил в жизнь указания властей. Если вождь не выполнял приказ, его лишали жалованья. Если родители позволяли себе ослушаться, их могли наказать штрафом, заключить в тюрьму. Нередко в селения мавров направлялись вооруженные отряды, которые жили за счет жителей до тех пор, пока школу не посещало установленное властями число детей. Эти же отряды конвоировали школьников до места учебы. Бедные родители прятали детей, а зажиточные вместо своих детей посылали детей харатинов и зенага.

Набор в школу становился источником злоупотреблений. Вожди, чиновники брали взятки с родителей, сводили счета с неудобными. Но и набрав учащихся, власти не могли быть спокойными. Процент отсева из школ в первый год учебы, невозвращения после каникул, второгодничества был очень высоким.

Идеологическому наступлению колонизаторов население противопоставляло повышенную преданность традициям, освящаемым верой предков. Охранялись старые и создавались новые коранические школы (в том числе в селениях племен воинов и зенага). В них учились дети из всех этнических групп. Негласно утвердилось правило, по которому, прежде чем попасть в официальную начальную школу, дети должны были окончить кораническую. Поощрялось иногда одновременное обучение в той и другой. Таким образом, традиционные и религиозные ценности глубоко внедрялись в сознание подрастающих поколений. И дети, попавшие во франко-мусульманские школы (медресе), могли сопротивляться чуждым влияниям. Этому способствовали уступки, вынужденно сделанные властями: марабутам, например, было разрешено проводить в начальных школах коранические уроки.

Успех медресе в Бутилимите побудил власти создать такие же школы в Тимбедре (1933 г.), Аtare (1936 г.), Киффе (1939 г.). Одновременно росло число начальных (одноклассных) школ — с 6 (Бутилимит, Медердра, Киффа, Тиджикжа, Атар, Шингетти) в 1935 г. до 14 в 1941 г. В 1940 г. действовали также две официальные религиозные школы — в Каэди и Боге. Общая численность учащихся 16 школ в 1941 г. составила 780. К ним надо добавить 125 учащихся трех медресе. Из более чем 900 учащихся лишь три-четыре выпускника могли рассчитывать на получение стипендии, чтобы продолжить образование в «высшей» начальной школе в Сен-Луи.

Охват детей школой в Мавритании был самым низким в ФЗА: в 1932 г. — 1,1% против 3,7% (в ФЗА). Власти признавали, что во всей колонии учащихся (439) было меньше, чем в одной школе Подора (Сенегал) [107, с. 156]. Они оправдывали такое положение, утверждая, что образование в Мавритании с ее кочевым и полукочевым населением обходится слишком дорого. В 1932 г. власти заявили, что только одна медресе в Бутилимите поглощала одну треть средств, отпускаемых на образование всей колонии.

Тем не менее даже при таком бедственном положении образования в Мавритании школа уже в 20—30-е годы начала оказывать влияние на жизнь общества. Она обострила противоречия между поколениями. Дух независимости, неподчинения архаичным обычаям, отказ слепо выполнять волю старших, в том числе глав семейств, становились частым явлением. Молодые люди подвергали сомнению справедливость существовавших социально-экономических порядков.

Колонизаторы с удовлетворением отмечали рост притока в школы детей знати из племен воинов: в 1932 г. их число соста-

вило уже 25% общего числа учащихся. Однако подавляющее большинство принадлежало детям знати марабутских племен. А медресе в Бутилимите стала подлинным бастионом марабутского влияния. Сельские школы также предназначались для детей из зажиточных и влиятельных семей. В них обучались отпрыски чиновников и торговцев. Но в отчете 1934 г. указывалось на некоторый рост числа учащихся из низших слоев [107, с. 160—161].

Власти считали население правобережья р. Сенегал более склонным принимать существующие порядки. Поэтому они предпочитали готовить на должности младших чиновников именно выходцев из этой области. Региональные школы в Каэди и Боге заполняли в основном негроиды.

В результате роста числа выпускников из медресе колонизаторы получили подготовленные кадры, воспитанные в духе лояльности Франции. Только медресе в Бутилимите выпустила за период 1930—1939 гг. более 200 человек [107, с. 162]. В отличие от медресе результаты деятельности начальных школ оказались плачевными. Сами власти признавали, что эти школы прозябали: были малочисленными (в среднем 20 учеников), имели плохо подготовленных учителей. Они были недовольны их излишней «демократичностью»: в классах вместе учились дети «черных» чиновников, сборщиков каменди, ремесленников, харатинов, даже домашней прислуги (рабов).

Отчет властей за 1931 г. позволяет составить картину об этнической принадлежности учащихся в школах Мавритании. Из 415 учащихся начальных школ было лишь 109 мавров (из них 60 — в медресе Бутилимита). Первый мавр (будущий министр образования ИРМ) поступил в педагогическое училище В. Понти только в 1938 г. А первым в стране бакалавром (диплом получил во Франции) стал будущий президент ИРМ Моктар ульд Дадда [107, с. 164]. Тот и другой были выпускниками медресе в Бутилимите.

Преимущество в числе учащихся в пользу негроидов (примерно 4:1), отказ знатных мавров занимать младшие посты в колониальной администрации породили острую кадровую проблему в будущей независимой ИРМ. В первые годы независимости большинство чиновников государственного аппарата составляли выходцы из правобережья.

Таким образом, школа в колониальной Мавритании была скорее инструментом фильтрации кадров, чем очагом культуры и просвещения. Ее цель в 1903—1960 гг. — подготовка покорных помощников. Она не только не смягчала, а, наоборот, обостряла деление традиционных обществ по расовому и этническому признакам. Предпочтение постоянно отдавалось знати, а среди нее — знати тукулерско-волофской.

Выходцы из местных господствующих слоев стали частью колониального аппарата, а после провозглашения независимой ИРМ — его прямым наследником.

Мавритания в годы второй мировой войны

Вторая мировая война принесла народам Мавритании немало больше тяготы, чем первая. Незадолго до ее начала французское правительство издало декрет, требовавший от властей колоний удвоить набор рекрутов. Выполняя требования, власти ФЗА (и Мавритании) устраивали настоящую «охоту» на мужчин в возрасте от 18 до 35 лет. Большую помощь им оказывали вожди, которым набор в армию позволял, во-первых, избавляться от строптивых соплеменников, а во-вторых, наживаться, освобождая от армейской службы за взятки отпрысков знатных и состоятельных семей. Власти, все еще не доверяя маврам, предпочитали производить набор в основном среди негроидного населения.

Начало войны в Европе привело к резкому ужесточению реакции как в метрополии, так и в колониях. Реакционеры спешили взять реванш за поражения в годы деятельности Народного фронта и опиравшихся на него правительств. Полудиктатура Даладье стремилась уничтожить все следы этой деятельности во владениях Франции. Колониальные деятели реакционного направления получили полную свободу. В администрации колоний верх брали люди, либо симпатизировавшие фашизму, либо принадлежавшие к фашистским организациям метрополии. Они (за редким исключением) приветствовали правительство Виши, созданное после поражения Франции в июне 1940 г.

Почти два с половиной года (июнь 1940 — декабрь 1942 г.) ФЗА (и Мавритания) находилась под властью Виши. Для «истинных» колонизаторов эти годы стали периодом реванша. В Западной Африке были восстановлены порядки, которые насаждались в XIX в. при Федербе. Открыто проводилась политика расовой дискриминации. Процветали террористические методы управления: недовольных подвергали телесным наказаниям, симпатизировавших деголлевскому движению «Свободная Франция» (с июля 1942 г. — «Сражающаяся Франция») расстреливали. Принудительный труд, реквизиции продовольствия и скота приняли невиданные масштабы.

В конце 1942 г. власть Виши в Западной Африке была свергнута. Контроль над Французской Западной Африкой с июня 1943 г. перешел к Французскому комитету национального освобождения. Руководство комитета впервые во французской колониальной истории заявило, что Франция будет проводить в своих владениях политику, которая позволит «туземцам» подняться до уровня, позволяющего им участвовать в управлении собственными делами [162, с. 595—600].

Между провозглашенными целями и практикой была, однако, дистанция огромного размера. Население колоний отвечало ростом сопротивления, принимавшего различные формы.

Антиколониальные силы Мавритании оказывали властям

«мирное» сопротивление: упорно отстаивали ценности своей многовековой культуры. Особенно большое беспокойство у властей вызывала активность братства Хамаллия. Против него выступала верхушка других братств, в первую очередь Кадирии и Тиджании. До 1940 г. она обвиняла Хамаллию в панарабизме, даже «пробольшевистских» настроениях, при режиме Виши (1940—1942) — в проанглийских симпатиях, а с декабря 1942 г. — в прогерманских. В 1940 г. власти, обвинив главу братства Хамаллаха в подстрекательстве к беспорядкам, арестовали его и выслали во Францию. Там он в 1943 г. умер. Однако последователи братства не верили в его смерть. Они считали, что когда Хамаллах вернется, то провозгласит джихад против колонизаторов и «неверных».

Многие молодые интеллигенты Мавритании понимали разницу между союзниками и державами фашистской оси. Они сознательно поддерживали сначала «Свободную Францию», а затем «Сражающуюся Францию». Они боролись против властей Виши вместе с сенегальскими патриотами. Традиции их борьбы за свободу и справедливость продолжали жить и развиваться в послевоенный период.

Подъем антиколониальной борьбы (1945—1960)

События второй мировой войны оказали заметное влияние на политическую жизнь Мавритании. Народы страны активизировали антиколониальную борьбу. Эта борьба прошла два этапа: в первый (1945—1957) она вращалась вокруг представительства Мавритании в метрополии и ФЗА, а также в местные консультативные органы, во второй (1957—1960) — велась по кардинальным политическим проблемам, от решения которых зависело будущее страны.

В 40—50-е годы колонизаторы строго ограничивали политическую жизнь Мавритании избирательными кампаниями в органы, предусматривавшиеся конституцией Французского Союза. В стране возникли политические течения, которые на первых порах играли роль избирательных механизмов, обслуживавших те или иные группы, тех или иных деятелей. Что касается народных масс, то они долго, медленно и без особого интереса включались в борьбу, конечные цели которой для них были еще неясны.

10 ноября 1946 г. состоялись выборы мавританского представителя в Национальное собрание Франции. Неожиданно для властей их ставленника опередил молодой переводчик Хорма ульд Бабана (полумавр-полуволоф). Его кандидатуру поддержали сенегальские социалисты (местная секция Французской Социалистической партии) и противники тех традиционных социальных групп в Мавритании, которые сотрудничали с колонизаторами.

Борьба вокруг выборов привела к размежеванию политических сил. Против сторонников Х. ульд Бабаны сплотились группы традиционалистов. Получив поддержку властей, эти группы взяли реванш на апрельских выборах 1947 г. в правительственный совет колонии. Тогда же (апрель 1947 г.) они основали партию Мавританский прогрессивный союз (МПС) во главе с лидером Сиди аль-Моктар Н'Диае. Главной целью союза было нанести поражение Х. ульд Бабане на выборах в Национальное собрание Франции в 1951 г. В ответ Х. ульд Бабана вскоре также основал партию — Мавританское согласие (МС). Однако выборы 1961 г. он проиграл. Его партия потерпела поражение и на выборах в территориальную ассамблею: она завоевала четыре места против 17 у МПС [98, с. 290; 44, с. 48, 81; 106, с. 251].

На следующих выборах в Национальное собрание Франции 2 января 1956 г. МПС одержал новую победу. А это означало, что ключевые позиции в автономном правительстве, создание которого намечалось на 1957 г., окажутся в руках традиционной власти (конкретно — марабутской). МПС характеризовали как «коалицию нотаблей», ставящую цель обеспечить олигархии монополию на политические и административные посты [119, с. 290].

Политика соглашательства, проводимая руководством МПС, пассивность, отсутствие четкой программы борьбы за независимость вызвали протесты молодых членов союза. Еще в 1955 г. из МПС вышла небольшая группа и создала Ассоциацию мавританской молодежи (АММ) [107, с. 385]. В ассоциацию входили только мавры. На выборах 1956 г. АММ выдвинула собственного кандидата, но потерпела неудачу. Тем не менее появление АММ на политической арене сыграло свою роль: ее деятельность подталкивала к изменениям в формах политической борьбы, к радикализации движения за независимость. А это было необходимо, поскольку будущее Мавритании, еще не определившееся, оказалось под угрозой извне. Дело в том, что в 1956 г. марокканская верхушка выступила против предоставления Мавритании независимости, утверждая, что она «исконная территория» Марокко. МПС, однако, решительно отверг подобные притязания. Союз осудил также французский план создания Организации сахарских территорий.

Эмиграция Х. ульд Бабаны в июне 1956 г. в Марокко вызвала обострение политической напряженности в Мавритании. Лидер МС открыто поддержал притязания марокканской верхушки. За ним пошли интеллектуалы-мавры, стоявшие на платформе панарабизма и боявшиеся интеграции Мавритании в «черную» Западную Африку. На его стороне оказалась верхушка кочевых племен мавров на севере страны (в первую очередь регейбат), имевшая традиционные связи с племенами Южного Марокко.

Однако большинство мавров осудило Х. ульд Бабану. Это сделали как МПС, так и Мавританское согласие. Последняя партия исключила Х. ульд Бабану из своих рядов.

В этой обстановке с инициативой выступила Ассоциация мавританской молодежи: она призвала МПС и МС к слиянию, чтобы подготовить страну к автономии. Руководители МС соглашались на слияние, а руководители МПС отказывались, рассчитывая монополизировать все посты в органах автономного государства. И их расчеты оправдались: на выборах 31 марта 1957 г. в территориальную ассамблею они завоевали подавляющее большинство депутатских мандатов [107, с. 289].

В созданном в апреле 1957 г. автономном правительстве пост вице-председателя (председателем был губернатор) занял Моктар ульд Дадда — выходец из знатной семьи марабутского племени ульд бирри. Колониальные власти и традиционалисты считали его приемлемым для себя деятелем, неспособным к проведению решительной политики. Но они ошиблись.

Уже в мае 1957 г. М. ульд Дадда призвал мавританцев: «Давайте построим вместе мавританское отечество!». Позже этот призыв стал национальным девизом. Автономное правительство выбрало место для столицы Мавритании. Им стал бывший военный пост Нуакшот (на берберском «место, где дуют ветры»).

Приближение независимости вызвало повышение политической активности. МС и АММ выступали против МПС, происходили схватки между традиционалистами и «модернистами». Обострились этнорасовые противоречия, появились объединения на базе сепатизма и местничества (прежде всего в правобережье). Социальная и этническая интеграция страны оказалась под угрозой. Вот почему руководство МПС взяло курс на обеспечение политического единства. В начале 1958 г. оно добилось, чтобы представители различных течений согласились участвовать в правительственном совете.

В мае 1958 г. произошло слияние различных политических течений. Возникла Партия мавританской перегруппировки (ПМП), которую называли «исправленной и пересмотренной версией МПС» [97, с. 292]. Генеральным секретарем ПМП был избран М. ульд Дадда. В противовес различным планам и проектам, ставившим под вопрос независимость и суверенитет Мавритании, он выдвинул следующий план: Мавритания должна играть роль «связующего звена», «соединительного моста» между Северной (арабской) и Черной Африкой. Такая роль, по его убеждению, обеспечила бы стране международное признание и внутреннее единство. Однако до этого еще было далеко.

Уже в июле 1958 г. на съезде в Нуакшоте ПМП раскололась. Из партии вышли радикальные элементы. Они создали в Каэди в августе 1958 г. учредительный съезд и создали Партию национального возрождения (ПНВ) (известна также как «Нахда»). Ее председателем был избран Буйяги ульд Абиндин, генеральным секретарем — Ахмед Баба ульд Ахмед Миске. Основные пункты программы ПНВ: осуждение колониализма в любой его форме; немедленная и полная независимость; отказ от участия в предстоящем в сентябре 1958 г. референдуме по вопросу о вступле-

нии во Французское Сообщество; сближение с Марокко. Выдвигая подобную программу, руководство ПНВ не учитывало сложности проблем страны, особенно этнорасовые противоречия. Оно ориентировалось на мавров с промарокканскими симпатиями, игнорируя интересы негроидов.

Вот почему на сентябрьском референдуме 1958 г. победила ПМП, призвавшая население сказать «да» вступлению во Французское Сообщество. Эта победа означала, что переговоры с Францией по конституционным вопросам будет вести ПМП, что оппозиция, прежде всего ПНВ, от участия в подготовке условий независимости Мавритании будет отстранена.

28 октября 1958 г. Мавритания получила статус автономии в рамках Французского Сообщества с правом создания органов внутреннего управления. Страна стала называться Исламская Республика Мавритания (ИРМ). В марте 1959 г. была принята первая конституция ИРМ, формально провозгласившая парламентскую демократию (в том числе многопартийность). Но это был основной закон пока еще автономного государства, лишенного полномочий решать важные вопросы внутренней и внешней политики, которые оставались в компетенции Франции.

В 1958—1960 гг. внутренняя обстановка в республике обострилась: шла борьба между различными течениями и партиями, а также внутри последних.

Противники М. ульд Дадды в ПМП в мае 1959 г. вышли из партии, а в июне создали собственную организацию — Мавританский национальный союз (МНС). Союз опирался на верхушку населения правобережья р. Сенегал, некоторые торговые круги Юго-Западной Мавритании, связанные с деловым миром Сенегала. Его лидеры требовали вступления в существовавшую Федерацию Мали (в составе Французского Судана и Сенегала). Сторонники ульд Дадды в правительстве, прибегнув к процедурным ухищрениям, разрешили деятельность МНС лишь в августе 1959 г.

Партия мавританской перегруппировки и контролировавший ее государственный аппарат провели также работу по оппорочению Партии национального возрождения. Такая тактика в отношении двух партий помогла ПМП содержать победу на майских выборах в Национальное собрание, в котором она заняла все места. В июне 1959 г. М. ульд Дадда сформировал новое правительство.

Поражение на выборах, внутрипартийная борьба, коррупция (расхищение партийных фондов) подорвали влияние ПНВ в массах. Однако руководство партии продолжало претендовать на крупную роль в политической жизни страны. Оно опротестовало результаты выборов, объявив их подтасованными. А в мае 1960 г. организовало выступления в Нуакшоте и Атаре, которые сопровождались вооруженными столкновениями и человеческими жертвами. Это дало властям предлог для запрета партии, ареста и высылки ее лидеров [98, с. 294].

Недолго просуществовал и МНС, хотя и обладал массовой поддержкой в правобережье. Напуганные акциями ПНВ и угрозой со стороны шовинистических кругов Марокко, руководители Мавританского национального союза объявили о самороспуске МНС и возвращении в ряды ПМП.

Однако в 1960 г. в Адрае возник Социалистический союз мавританских мусульман (ССММ), который стоял на позициях местного партикуляризма и опирался на традиционные слои эмирата. Слово «социалистический» в названии организации было лишь приманкой для привлечения молодежи. Ее руководство металось между ориентацией на Марокко и на независимую Мавританию. Поэтому оно поддерживало то правительство М. ульд Дадды, то Партию национального возрождения. Поддержка промарокканской ориентации ПНВ послужила предлогом для властей запретить ССММ в 1960 г.

Парадоксально, но М. ульд Дадда мог твердо рассчитывать на поддержку только собственной фракции в ПМП. В 1958—1960 гг. партия не была единой: в ней сталкивались различные течения. В ПМП имелись деятели, которые оспаривали у М. ульд Дадды руководство и по многим вопросам не соглашались с ним. Вот почему в этот период М. ульд Дадда считал, что руководство процессом движения Мавритании к независимости должно находиться не в руках ПМП, а правительства, которое, кстати, обладало реальными, хотя и ограниченными в условиях автономии полномочиями. К тому же международная обстановка вокруг Мавритании оставалась сложной. Экспансионистские круги Марокко уже не ограничивались политическими заявлениями. В Южном Марокко была создана так называемая «Армия освобождения». Набеги ее отрядов на северные области Мавритании (некоторые отряды доходили до Адраа) имели целью углубить раскол местного общества, поставить под вопрос целостность и внутреннюю безопасность страны. Отчасти этого удалось достигнуть: например, верхушка племен регейбат поддержала Армию освобождения, участвовала в ее действиях.

Однако большинство населения ИРМ, сталкиваясь с внешними угрозами, все больше понимало необходимость сплочения и единства. Этому способствовал также распад Федерации Мали в августе 1960 г. Тяга населения правобережья к интеграции в это объединение была подорвана. Распад Федерации оказал воздействие и на мавров. Угроза включения Мавритании в территориальный комплекс с негроидным большинством отпала. Ослаблялись поэтому промарокканские настроения не только среди масс мавров, но и среди верхушки. Последняя понимала, что удовлетворение притязаний Марокко нанесет удар по ее собственному положению, так как поставит под жесткий контроль монархического режима. Она стала склоняться к переходу на позиции правительства М. ульд Дадды.

Движение Мавритании к политической независимости вступило в завершающую стадию. В октябре 1960 г. правительства

Франции и ИРМ подписали в Париже соглашение о передаче власти. В ноябре обе стороны ратифицировали это соглашение. А 28 ноября 1960 г. была провозглашена независимость Мавритании.

ИРМ стала независимым государством, но ее суверенитет был ограниченным. Франция еще долго сохраняла в стране сильные позиции — политические, военно-стратегические, экономические, культурные и идеологические. Париж намеревался выступать в роли гаранта территориальной целостности ИРМ, ее общественно-политической ориентации, защитника ее интересов на международной арене. В Мавритании французское присутствие ощущалось постоянно и с течением времени становилось обременительным. Облегчить бремя зависимости, а затем и освободиться от него стало одной из главных долгосрочных целей правительства Мавритании.

НЕЗАВИСИМАЯ МАВРИТАНИЯ

Замена парламентского режима
президентским

С марта 1959 по май 1961 г. в ИРМ действовала конституция 1959 г., установившая в стране парламентский и многопартийный режим. Конституция 1959 г. была принята, когда Мавритания являлась автономным государством, входившим во Французское Сообщество. В ее разработке большое участие приняли французские эксперты. Это обстоятельство дало возможность критикам называть политический режим республики «неколонинальным».

Провозгласив 28 ноября 1960 г. национальную независимость, руководство ИРМ не могло мириться с действием конституции 1959 г., принятой еще в период колониализма. 20 мая 1961 г. была одобрена новая конституция, в разработку которой существенный вклад внесли сами мавританцы. Это не могло не сыграть своей роли: новый основной закон имел ряд принципиальных отличий от старого.

Во-первых, конституция 1961 г. заменила парламентский режим президентским. Главой государства и правительства был президент (обязательно мусульманин). Он избирался всеобщим, тайным, прямым голосованием на пять лет и мог переизбираться на новый срок (без ограничения в числе этих сроков). Обладая большой исполнительной властью, формулировал политику государства, контролировал проведение ее в жизнь, был главнокомандующим вооруженными силами, формировал правительство, назначал послов, подписывал и утверждал договоры с другими государствами.

Во-вторых, конституция провозгласила, что национальный суверенитет принадлежит народу, который осуществляет его через своих представителей в руководстве ИРМ и посредством референдумов.

В-третьих, Национальное собрание лишилось равных с правительством прав в законодательной инициативе. Предложения президента (законы, законопроекты, отдельные параграфы законов, поправки) обсуждались в первую очередь и имели преимущество перед предложениями собрания. Президент мог обойти собрание, проводя в жизнь свои решения с помощью национальных референдумов.

В-четвертых, конституция 1961 г. упразднила некоторые ограничения государственного суверенитета ИРМ, содержащиеся в конституции 1959 г. Однако до полного его восстановления было далеко. Франко-мавританский договор о помощи и сотрудничестве (19 июня 1961 г.) налагал на ИРМ тяжелые обязательства: она соглашалась на присутствие французских войск и создание военных баз Франции на своей территории.

В обстановке тяжелого колониального наследия во весь рост встал вопрос о строительстве единого национального государства. В западной литературе это строительство обычно связывают с именем М. ульд Дадды. О нем писали как о деятеле, который не только соединял в себе самом опыт и ценности старого и нового общества, но и был способен установить прочную связь между ними [127, с. 147—148]. К таким выводам приходили на том основании, что М. ульд Дадда имел одновременно исламское и западноевропейское юридическое образование. В нем уживались противоречивые качества традиционалиста и в то же время сторонника модернизации Мавритании.

Конституция 1961 г. (в ее разработке участвовал М. ульд Дадда) провозгласила принципы буржуазной демократии, которая, однако, постоянно ограничивалась под предлогом «специфических условий» ИРМ.

М. ульд Дадда демонстрировал высокое искусство политического маневрирования. Он добился созыва в марте 1961 г. конференции «круглого стола», сумев убедить руководителей действовавших тогда партий в необходимости национального примирения путем создания общемавританской правящей партии. Решения конференции «круглого стола» ускорили принятие новой конституции, а также обеспечили победу М. ульд Дадды на президентских выборах 20 августа 1961 года.

В конце декабря 1961 г. состоялся учредительный съезд, на котором была создана общемавританская политическая организация — Партия мавританского народа (ПМН). Съезд проходил под лозунгом, выдвинутым М. ульд Даддой еще в 1957 г.: «Давайте построим вместе мавританское отечество!». Основным оратором на съезде был президент ИРМ. Он же был избран генеральным секретарем ПМН.

М. ульд Дадда защищал идею однопартийного правления. Мавритания, подчеркивал он, не имеет иного выбора, она не может позволить себе роскошь формальной демократии, этой привилегии богатых наций. Наша задача как нации бедной состоит в создании реальной демократии, которая преобразует мир. М. ульд Дадда призывал не только к национальному, но и к социальному примирению. Новая партия призвана была стать партией всего народа [98, с. 294; 127, с. 149]. Доступ в нее имел каждый, невзирая на расовое и национальное происхождение, социальную принадлежность. Благополучие нации объявлялось высшей целью партии. Оно должно было превалировать над всеми политическими амбициями и социальными интересами.

Программу новой партии президент определил как «синтез противоположных влияний — консерватизма и эволюции, традиции и современности» [127, с. 149]. Она включала следующие цели: 1) достижение экономической независимости при опоре на собственные силы, 2) экономическое развитие на базе планирования, 3) осуществление прогресса в социальной области, 4) борьба против дискриминации, местничества, трайбализма, привилегий, неравенства, 5) решительная защита независимости и суверенитета, 6) осуждение колониализма в любой его форме, 7) проведение политики неприсоединения и невмешательства в дела других государств, 8) разрешение всех споров путем переговоров.

Решения учредительного съезда ПМН одобрили многие парламентарии, руководители профсоюзного и женского движения. Лидер Мавританского союза трудящихся (МСТ) Кане Элиман заявил, что поддержка ПМН в высших интересах нации. Приветствуя итоги съезда, лидер Национального союза мавританских женщин (НСМЖ) Мариам аль-Кури выразила надежду, что однопартийное управление не приведет к диктатуре [127, с. 150—151].

В ПМН вошли разнородные по социальному составу, политической ориентации группы. Это породило сначала трения и напряженность, а затем и фракционную борьбу.

При президентском режиме были неизбежными столкновения между главой государства (он же глава правительства) и Национальным собранием (среди его депутатов было много недовольных заменой парламентского режима президентским). В ИРМ эти столкновения приняли характер напряженной и длительной борьбы. Уже сама конституция 1961 г. предопределила ее исход: собрание должно было превратиться во второстепенный орган.

Согласно конституции важное место в государственной структуре заняла конституционная комиссия: она определяла конституционность того или иного закона, того или иного правительственного акта. Председатель комиссии (судья) назначался президентом. Особой функцией комиссии был арбитраж в спорах между президентом и Национальным собранием. Понятно, на чьей стороне она обычно бывала.

В январе 1963 г. была провозглашена судебная реформа, по которой вводился принцип независимости судов. Отныне все судьи подчинялись Верховному совету магистратуры. Председателем совета был министр юстиции, среди его членов находились председатели Верховного и Апелляционного судов. Однако совет должен был действовать под патронажем президента ИРМ, а поэтому его «независимость» и «независимость» других судебных инстанций была мнимой. Когда, например, в 1964 г. министерство внутренних дел под предлогом защиты национального единства объявило оппозиционные организации (Национально-демократический фронт, Мавританскую демократическую партию)

«незаконными», «подрывными» и запретило их, то апелляции этих организаций в высшие судебные инстанции не были приняты к рассмотрению.

В Национальном собрании противники политического курса президента располагали сильными позициями. Большим влиянием обладали они и в Национальном политическом бюро (НПБ) Партии мавританского народа. Их лидером был Сулейман ульд Шейх Сидия (до ноября 1963 г. председатель Национального собрания, сын великого марабута из Бутилимита). Группа С. ульд Сидии стояла на платформе традиционализма, консерватизма, местничества. Она отстаивала превосходство мавров над негроидами, добивалась сохранения отношений господства верхов над низами, эксплуатации человека человеком. Но свою платформу эта группа старалась маскировать призывами к соблюдению принципов демократии и справедливости.

Сторонники президента видели в Национальном собрании конкурента, способного противостоять ПМН. По конституции 1961 г. собрание располагало собственным бюджетом, которым распоряжался его председатель — Сулейман ульд Сидия. Обладая финансовой автономией, собрание (конкретно — группа С. ульд Сидии) могло бросить вызов правительству и самому президенту. Ликвидировать же эту автономию означало лишить собрание (и группу) реальной власти. Этого и попытались добиться сторонники М. ульд Дадды. Они обвинили Национальное собрание в том, что оно — один из главных очагов коррупции. Действительно, многие депутаты, получавшие постоянное депутатское жалованье, не стеснялись брать ссуды из фондов собрания, чтобы строить доходные дома, приобретать транспортные средства, вести крупную торговлю. Они рассматривали депутатский мандат как источник обогащения, укрепления личных позиций. Для них бюджет собрания становился своеобразной «кормушкой». Более того, нередко денежные фонды собрания использовались для целей подкупа и конкурентной борьбы.

Однако требование сторонников М. ульд Дадды упразднить финансовую автономию Национального собрания, выдвинутое на первом очередном съезде ПМН (1963 г.), было отклонено. В новом составе НПБ также оказалось много сторонников ульд Сидии. Временно отступив, президент и его окружение начали готовить новый натиск.

Сильный удар по традиционной знати нанесло создание системы общин (коммун): эти административные единицы возглавляли чиновники, назначавшиеся из Нуакшота.

М. ульд Дадда реорганизовал правительство, введя в него своих сторонников. Выполняя решения первого съезда ПМН, правительство провозгласило курс «экономии средств». В основу экономической и социальной политики был положен первый четырехлетний план развития (1963—1966). Транснациональная компания «Миферма» приступила к разработке месторождения железной руды в Кедиа д'Иджиль.

Правительство улучшило отношения с Мали, положило начало разрушению стены изоляции в арабском мире (контакты с Египтом) и расширению связей с молодыми африканскими государствами. Вторым, наиболее крупным по значению внешнеполитическим успехом после вступления ИРМ в ООН (октябрь 1961 г.) было участие делегации Мавритании в учредительной конференции ОАЕ в Аддис-Абебе (май 1963 г.). Нуакшот получил дипломатическое признание большинства стран Африки. В октябре 1963 г. М. ульд Дадда посетил Гвинею с целью изучения структуры и функционирования однопартийного режима.

Успехи внутренней и внешней политики укрепили позиции сторонников реформ и, наоборот, ослабили традиционалистов. Сильный удар по последним нанесло так называемое дело изменников [44, с. 80; 127, с. 156—157; 159, с. 362]. Власти раскрыли группу, действовавшую в пользу Марокко. В группу входили эмир Трарзы, его двоюродный брат, два представителя верхушки племени идауали. Была развернута кампания критики Национального собрания, его председателя — Сулеймана ульд Сидии. Престиж того и другого был подорван. Группа председателя распалась: часть ее примкнула к президенту. В конце 1963 г. Сулейман ульд Сидия ушел в отставку [127, с. 157].

28 января 1964 г. в Каэди в обстановке секретности и чрезвычайных мер безопасности началась конференция ПМН, которая в ходе работы трансформировалась в съезд [107, с. 274; 98, с. 294]. М. ульд Дадда тщательно готовился к этому важному мероприятию, лично отбирал его участников. Некоторые члены Национального политического бюро ПМН, оппоненты президента, в Каэди не были приглашены.

Генеральный секретарь признал, что ПМН действовала эффективно лишь короткий период после основания, что затем партии стали свойственны инерция и пассивность, ложный демократизм и недостаток дисциплины. Призвав к укреплению связей партии с народом, он предложил план создания массовой партии, которая охватила бы все слои общества, все районы страны. В плане предусматривалось создание на местах комитетов, которые призваны были контролировать ячейки. Задача комитетов и ячеек состояла в разъяснении политики и директив партии. М. ульд Дадда призвал к превращению ПМН в монолитную и боевую организацию, которая стала бы подлинным авангардом общества [127, с. 158].

Президент разоблачил практику предоставления привилегий избранным, продажи и покупки голосов. Эта практика способствовала усилению трайбализма, регионализма, расизма, клановости. Выборные должности, подчеркнул М. ульд Дадда, стали средством достижения личных выгод. Искусственно создавались и раздавались посты, чтобы расширить круг политических «друзей». Государство вынуждено содержать огромный бюрократический аппарат. «Это новый феодализм,— говорил М. ульд Дадда,— базирующийся на ничтожном меньшинстве людей, которые

получают выгоды от привилегий преступного характера в столь бедной стране, как наша» [127, с. 159].

Съезд одобрил предложение М. ульд Дадды проводить выборы в Национальное собрание по общему списку. Кандидаты отныне выдвигались на уровне ячеек и комитетов, а не административных единиц, как делалось прежде, что должно было ограничить возможности для сделок и махинаций. Если в список не попадали компетентные люди, руководство ПМН имело право дополнить его. Предложение президента включало важную деталь: каждый вновь избранный депутат заранее подавал главе государства прошение об отставке, которое тот мог удовлетворить, если считал, что автор прошения не выполнял своих депутатских обязанностей. Независимый бюджет Национального собрания был упразднен. Депутаты получали содержание только за период работы сессий. Постоянное жалование сохранил председатель собрания, который становился вице-президентом ИРМ. Таким образом, сторонники М. ульд Дадды одержали крупную победу. Решения съезда низвели парламентскую демократию до самого низкого уровня: Национальное собрание было целиком подчинено ПМН. Тот, кто не согласился с решением съезда, был исключен из партии [98, с. 295; 44, с. 52].

Однако по-прежнему трудноразрешимой оставалась проблема национального единства и территориальной целостности ИРМ. Корни этой проблемы уходили в колониальный период.

Уже конституция 1959 г., особенно ее ст. 3, вызвала брожение среди оседлых южан. Представители интеллигенции правобережья р. Сенегал считали, что национальными языками (наряду с арабским) должны стать африканские языки. Они выступали также за обучение в школах на родных языках, за преподавание истории и культуры африканских народов. Они не только протестовали на словах, но и действовали: например, пытались создать учебные пособия (словари, грамматику) на западноафриканских языках.

В первые годы независимости правительство столкнулось с оппозицией учителей-негроидов (они составляли большинство в государственных школах), которые были против использования арабского в качестве средства обучения. Они относили арабский к «мертвым» языкам, на которых невозможно изучать современные науки, утверждали, что обучение на арабском преследует политические цели — арабизировать и низвести малые народы до положения «граждан второго сорта».

Любые действия, носившие характер этнической и расовой дискриминации в ИРМ, были поставлены вне закона. Но в жизни все еще сохранились явления, которые обостряли этнорасовую напряженность. Все еще существовали институты рабовладения (и подпольной работорговли) и вольноотпущенничества. В подавляющем большинстве рабы и харатины принадлежали к «черной» расе. Верхние слои обеих общин были заражены шовинистическими настроениями. Более агрессивной была верхуш-

ка мавров, которая пыталась опираться на свои мнимые «исторические права». Этнорасовая напряженность выходила за границы ИРМ. Каждая этнорасовая группа имела собственную внешнеполитическую ориентацию.

Лидеры экстремистского течения мавров выступали за присоединение Мавритании к арабскому миру, конкретно к Марокко. В марте 1962 г. они организовали беспорядки в Нуакшоте и Неме (Ход), которые сопровождались эксцессами. Для их подавления властям пришлось применить силу. В апреле 1962 г. Национальное собрание предоставило президенту чрезвычайные полномочия. М. ульд Дадда уволил чиновников, подозревавшихся в промарокканских симпатиях, санкционировал казни обвинявшихся в терроризме.

В ноябре 1963 г. произошла новая вспышка этнорасовых волнений. Воспользовавшись прибытием неофициальной делегации ОАР в Нуакшот, экстремисты-мавры намеревались провести демонстрации с проарабскими лозунгами. Экстремисты из другого лагеря решили устроить контрдемонстрации. Правительство, опасаясь кровавых столкновений, запретило всякие демонстрации. Временно выступления на этнорасовой основе прекратились, но могли вспыхнуть в любое время.

Справившись с этнорасовыми волнениями, руководство ПМН взяло курс на дальнейшее укрепление позиций партии. Эту цель преследовала конституционная реформа, объявленная в январе 1965 г. (Считают, что ее автором был сам президент.) Отныне ст. 9 конституции устанавливала, что ПМН, выражающая народную волю, признается единственной партией ИРМ. Тем самым утвердилась ее монополия на выдвижение кандидатур на пост президента и места депутатов Национального собрания. Результаты реформ сказались бы скоро: на итогах выборов 1965 г. в Национальное собрание и на судьбах ряда членов правительства. В собрание прошли только кандидаты ПМН, а министерские портфели получили лишь сподвижники президента.

Руководство ПМН усилило внимание к социально-классовым и общественно-политическим течениям. Оно было убеждено, что оппозицию можно преодолеть, если превратить ПМН в массовую партию и утвердить ее верховное руководство в государстве.

Первое условие («массовая партия») было осуществлено в начале 1966 г. Доступ в ПМН был открыт всем, кто хотел служить обществу. Кроме того, ставилась задача активизации деятельности профсоюзных, женских, молодежных, творческих объединений, которые призваны были не конкурировать с ПМН, а согласованно действовать на благо общества. Партия оставляла за собой роль координатора и арбитра. С этой целью создавалась структура связей партийных органов с общественными организациями. Предусматривалось включение представителей последних в Национальный совет ПМН, их участие в партийных съездах. Если до 1966 г. общественные организации имели статус «параллельных движений», то отныне — «национальных».

Чрезвычайный партийный съезд в 1971 г. постановил, чтобы руководители профсоюзов, женщин, молодежи стали полноправными членами Национального политического бюро ПМН. IV съезд ПМН (1975 г.) временно приостановил это постановление, но чрезвычайный съезд 1978 г. восстановил его [98, с. 297]. Характерно, что руководство ПМН не только контролировало деятельность упомянутых организаций, но и прямо участвовало в формировании их внутренних структур.

Однако отношения между ПМН и общественными организациями не были простыми. Интеграция последних в ПМН заставляла ее руководителей считаться с требованиями «национальных движений». Партия становилась ареной столкновений различных интересов. Если с руководством женским движением разногласия удавалось улаживать более или менее легко, то с профсоюзным и молодежным делать это было намного сложнее.

В 1962 г. первые женские организации объединились в союз, провозгласивший своими главными целями защиту интересов женщин, повышение их роли в жизни общества. С 1964 г. союз стал коллективным членом ПМН [126, с. 166—167]. Он поддерживал курс М. ульд Дадды на модернизацию общества, включающую женскую эмансипацию.

Упорно отстаивали свою самостоятельность молодежные и профсоюзные организации, возникшие раньше, чем сама ПМН. Активная деятельность Ассоциации мавританской молодежи началась еще в годы автономии. Считая М. ульд Дадду прогрессивным политиком, она поддерживала его. АММ участвовала в создании ПМН в 1961 г., но не вошла в нее, заявив, что стоит вне политики [107, с. 388]. Конституционные реформы 1964—1965 гг. привели к сближению АММ с ПМН. Съезд Ассоциации мавританской молодежи в 1964 г. ускорил создание в 1965 г. национального молодежного движения [98, с. 299].

К руководству движением пришли новые люди, которые отвергали безоговорочный контроль ПМН. Молодежь, особенно учащаяся, нередко выступала с критикой правительства и правящей партии. В стране появились подпольные молодежные группы, которые в 1965—1968 гг. организовали ряд забастовок и демонстраций [107, с. 400—401; 98, с. 299]. Эти группы критиковали структуру партии, ее бюрократическую иерархию, выступали за автономию молодежного движения, аргументируя свою позицию специфическими интересами молодежи.

Руководство ПМН страшило возможность перехода молодежи в ряды оппозиции. В 1968—1972 гг. власти пресекли попытки части молодежи создать (вместе с недовольными из различных социальных групп) единый оппозиционный фронт. Президент, однако, понимал, что приручить молодежь одними методами подавления невозможно. Поэтому одной из целей проведенных в 1972—1975 гг. реформ было привлечение молодежи на сторону правящего режима. И эта цель была в основном достигнута. Молодежь поддержала решения IV очередного съезда ПМН

в 1975 г., хотя на собственном съезде в том же году добились постановления отстаивать внутреннюю автономию молодежного движения и право на критику руководства страны в рамках существовавших официальных структур [98, с. 300].

Столь же трудными были отношения ПМН с профсоюзами. Профсоюзы, вошедшие в Мавританский союз трудящихся, были связаны с политическими партиями еще в колониальный период. И в первые годы независимости профсоюзное руководство выступало за тесное сотрудничество с правящей партией (сначала Партией мавританской перегруппировки, затем ПМН). Но уже первый съезд МСТ отверг вмешательство властей и партий во внутренние дела профсоюзов. В условиях однопартийной системы столкновения между ПМН, контролировавшей правительство, и МСТ были неизбежны. С 1965 г. развернулась борьба, в которой одна сторона (профсоюзы) отстаивала свою независимость, а другая (ПМН, правительство) — стремилась подчинить первую. ПМН внедряла в профсоюзы своих людей. В 1966 г. состоялись переговоры ПМН и МСТ. Последний признал политическое руководство ПМН над профсоюзным движением, а ПМН согласилась включить представителей профсоюзов в центральные органы партии [98, с. 301; 107, с. 275].

В последующие годы профсоюзы находились в двусмысленном положении, особенно когда возникали трудовые конфликты. Все это создавало условия для возникновения фракционной борьбы и расколов. Такой раскол произошел в 1967 г. В стране действовали два центра: один ориентировался на ПМН, другой встал на платформу оппозиции. Попытки задуть последний не удалось: центр организовал серию забастовок, одну из которых в 1968 г. в Зуэрате пришлось подавлять с помощью армии [98, с. 301].

В 1970 г. Национальный совет ПМН принял решение об интеграции обоих центров в ПМН. Так завершилось подчинение профсоюзного движения контролю правящей партии. Его лидеры, участвуя в официальных комиссиях, регулирующих проблемы занятости и труда, связывали себя решениями в отношении как организованного, так и неорганизованного движения трудящихся. Руководство ПМН делало заявления о том, что будет учитывать мнение профсоюзов. Но на практике интересы ПМН, выражавшей чаяния имущих слоев, превалировали над интересами профсоюзов, призванных отстаивать интересы трудящихся.

Прочность позиций ПМН и контролируемого ею правительства во многом зависела также от армии. В первые годы независимости военных кадров, выходцев из Мавритании, было мало. К тому же эти кадры были далеки от политики, о чем «позаботились» колонизаторы, при которых они готовились. Перед молодым государством в списке проблем, унаследованных от колониализма, была и проблема формирования национального офицерского корпуса. ПМН в 1961 г. приняла решение создать «народную армию» и включить ее в общественно-политическую

жизнь страны. Это решение в течение продолжительного времени оставалось на бумаге. В руководстве ПМН не было единодушия: одни считали, что военные расходы лучше направить на развитие экономики, а на внешние угрозы отвечать демонстративным миролюбием; другие предлагали обеспечить безопасность ИРМ путем тесного военного сотрудничества с Францией. Вторая точка зрения господствовала до 1972 г. Свою роль в этом сыграл такой фактор: политическое руководство государством оказалось в руках марабутской верхушки, которая опасалась усиления верхушки племен воинов.

Армия была отстранена от участия в политике, «нейтрализована» в общественном плане. Ее роль сводилась к надежному исполнению воли руководителей ПМН и правительства, а точнее, к инструменту подавления в руках правящих кругов. Эту функцию армия сыграла в 1966 и 1967 гг., когда подавила выступления учащейся молодежи и рабочих. Политика «деполитизации» армии ослабила позиции ПМН в военной области. Поэтому III съезд ПМН (1968 г.) вернулся к идее «народной армии». Выдвижение такой идеи означало не что иное, как интеграцию армии в ПМН, превращение военных в партийных активистов. Съезд поручил также армии политическое просвещение масс и прямое участие в развитии страны. Уже с 1969 г. армейские офицеры стали участвовать в совещательных органах ПМН, в работе специальных комитетов, созданных в воинских подразделениях для воспитания личного состава в духе преданности ПМН. Но подчинить армию своему полному контролю правящей партии так и не удалось.

А пока в ИРМ развивался процесс становления и укрепления однопартийного режима. Задачи партийного аппарата сводились к передаче указаний центрального руководства низшим инстанциям, контролю за их исполнением. В основу организационного строения партии был положен территориальный принцип. Партийная пирамида включала — снизу вверх — комитеты (в городах и деревне), которые входили в секции (на уровне департаментов), а секции — в федерации районов. Высшими органами комитетов и секций считались общие собрания (для первых) и съезды (для вторых). Собрания и съезды избирали бюро, на которые возлагалась вся текущая работа. В бюро включались представители женских и молодежных организаций. Их членами являлись также — по должности — префекты департаментов и губернаторы районов. В 70-е годы произошло слияние на уровне районов партийной и административной структур. В январе 1978 г. на том же уровне был введен порядок, при котором секретарь федерации ПМН становился одновременно губернатором.

Общенациональное руководство ПМН состояло из трех органов: съезда, Национального совета (НС) и Национального политического бюро (НПБ).

Согласно уставу ПМН, съезд был высшей партийной инстанцией. Право решающего голоса на нем имели члены НС, делега-

ты федераций и секций. Съезд принимал решения общегосударственного значения, утверждал или изменял устав, избирал членов НПБ и генерального секретаря, выдвигал кандидата на пост президента ИРМ. Съезды созывались один раз в четыре года. Но такая периодичность обычно не соблюдалась. Руководство ПМН могло проводить чрезвычайные или внеочередные съезды. В промежутках между съездами высшей инстанцией ПМН считался Национальный совет. В его состав входили руководящие представители партии и государственного аппарата, а также профсоюзов, женских и молодежных организаций, армии. Члены НС были полноправными делегатами съездов ПМН. Однако НС своей роли практически не выполнял: за 1961—1978 гг. собирался лишь дважды — в 1970 и 1976 гг.

Фактическую власть над партией осуществляло НПБ, избравшееся съездом. Ядро этого органа состояло из главы государства, председателя Национального собрания, министров правительства. В НПБ входили также лидеры общественных движений. Численный состав НПБ расширялся, поэтому многие полномочия этого органа были переданы созданному в его рамках Постоянному комитету (ПК НПБ). ПК, состоявший из десяти членов, и был высшей исполнительной инстанцией ПМН.

Чрезмерные полномочия НПБ ограничивали внутрипартийную демократию, были причиной частых конфликтов между партийными низами и верхушкой партии. Низы обвиняли верхи в кумовстве, насаждении в партии «феодалных тенденций», в нарушении устава.

До июля 1978 г. НПБ оставалось вершиной одновременно партийной и государственной иерархии. В таких условиях роль Национального собрания, как законодательного органа, сводилась к простой формальности. Оно беспрекословно санкционировало решения, принимавшиеся в НПБ. Иначе и быть не могло. Кандидатов в депутаты собрания выдвигали секции ПМН, НПБ производило среди них отбор и составляло общий список, в который вносило и собственные кандидатуры.

Если до 1975 г. министры были полноправными членами НПБ, то в 1975—1978 гг. положение изменилось. Несколько членов НПБ стали государственными министрами, каждому из которых подчинялось сразу несколько родственных министерств. В результате правительство стало походить на расширенное НПБ. Возникла угроза смещения задач ПМН и правительства, что вело к резкому ослаблению ответственности со стороны обоих. Дело стало доходить до того, что партийные функционеры начали играть авторитарную роль в решении хозяйственных и социально-культурных вопросов. Если же терпели провал, то сваливали ответственность на хозяйственников и администраторов.

Руководство ПМН скоро убедилось в порочности такого курса и вернулось к разделению государственных и партийных функций. Однако четыре года действия системы успели причи-

нить ущерб экономике, социальным службам, администрации, стать еще одной из причин недовольства масс существующими порядками.

Между тем благополучие режима, в котором особое место занимал генеральный секретарь правящей партии, президент ИРМ М. ульд Дадда, было в основном внешним. Материальная его основа была слабой и непрочной. Власти с трудом сохраняли социальное равновесие. Поэтому многочисленные заявления лидеров о якобы достигнутом национальном единстве были далеки от реальности. В 1960—1972 гг. существование режима М. ульд Дадды не раз оказывалось под вопросом и его удавалось спасти благодаря большому политическому искусству главы государства и изворотливости его соратников. Трудно сказать, сколь долго продолжалось бы правление М. ульд Дадды и ПМН, если бы они не совершили в 1975 г. роковой просчет. Переоценив прочность своего положения, правящие круги ввязались в международный конфликт из-за бывшей Испанской Сахары. И то, что создавалось с огромными трудностями в течение 15 лет, рухнуло за три года.

Режиму М. ульд Дадды удалось добиться определенной интеграции мавританского общества, укрепить центральную власть, создать современные институты. Глава государства упорно пропагандировал идею национального единства. Однако его борьба с пережитками партикуляризма, трайбализма, феодализма не была последовательной. Руководство страной боялось поднять руку на традиционные структуры (напр., эмираты), упразднить до конца институты рабства и полурабской зависимости (вольнотрущеничества), ослабить позиции религиозных братств. Оно считало, что все эти пережитки и институты сами собой отомрут. На практике получалось, что реформы по модернизации жизни вели к тому, что создававшиеся современные институты накладывались на уже существующие институты доколониального и колониального обществ, не подрывая их материальной и духовной основы. Центральная власть ради мнимого спокойствия в стране слишком часто отступала перед сопротивлением традиционалистов и консерваторов. Так складывалась весьма противоречивая и опасная ситуация: «центр» изменялся и трансформировался, а «периферия» оставалась в состоянии неподвижности и застоя.

В 1960—1978 гг. традиционная верхушка сохраняла влияние на большинство населения — кочевое, полукочевое, земледельческое. Она обогащалась, эксплуатируя низы. Участвовала прямо или через доверенных лиц в управлении страной, занимала сильные позиции в ПМН и правительстве.

До поры до времени традиционную верхушку не пугали проводившиеся центральным правительством реформы, поскольку они не затрагивали ее привилегий. Она говорила о взаимопонимании с «центром», сотрудничестве. Однако, когда съезд ПМН в 1975 г. призвал к радикализации социально-экономических ре-

форм, а власти в 1977 г. усилили борьбу с коррупцией, согласие резко пошло на убыль, что, безусловно, привело к уменьшению стабильности режима.

Первые проявления кризиса носили этнорасовый характер. В доколониальный период хозяйственные и религиозно-культурные связи способствовали относительному равновесию в стране. Колонизаторы это равновесие сознательно разрушили. Конкретно в правобережье р. Сенегал колонизаторы противопоставляли негроидов маврам, т. е. разжигали этнорасовую напряженность. Кадры младших чинов администрации власти заполняли за счет прежде всего образованных негроидов. В годы независимости верхушка мавров постаралась взять реванш. Обострилась конкуренция вокруг распределения власти и постов, а также в сфере экономики, социальных служб, культуры. Конфликт по проблеме официального и национального языка то обострялся, то ослаблялся. Но при каждом обострении угрожал перерасти в кризис.

Престиж руководства ИРМ в обеих этнорасовых группах падал: одни обвиняли его в том, что оно хочет сделать страну «черной», а другие, наоборот, в том, что оно хочет сделать ее «белой».

Правительство удалило с политической сцены экстремистских деятелей, принадлежавших к обеим этнорасовым группам. Оно сохранило французский в качестве официального языка, а арабский и африканские языки сделало предметом изучения в начальных школах. Одновременно проводился курс на арабизацию средней школы. Временно языковой спор был урегулирован, сепаратистские настроения отступили на второй план. Но причины этнорасовых противоречий продолжали существовать. Например, подавляющее большинство постов и должностей в государственном аппарате находилось в руках мавров. Негрская верхушка требовала пропорционального распределения, утверждая, что рост негроидного населения ИРМ обгоняет темпы прироста арабо-берберского.

В конце 60-х — начале 70-х годов стала формироваться так называемая левая оппозиция режиму. Она осуждала существовавшие в стране порядки, резко выступала против неокOLONиализма, засилья иностранного капитала в экономике, обогащения элиты, близкой к правительственным кругам. Формирование «левой» оппозиции совпало по времени с ростом социальных конфликтов, которые затрагивали экономические отрасли и социальную сферу. Расправа властей над забастовщиками в мае 1968 г. в Зуэрате послужила мощным толчком к объединению оппозиционных сил. В ее рядах объединились студенты, преподаватели школ и высших учебных заведений, рабочие, представители традиционных слоев, порвавшие с режимом. В подполье зародилась организация — Национально-демократическое движение (НДД), ее программа ставила задачи полной реализации целей национально-демократической революции: ликвидация феодализма,

строительство подлинно независимой и сбалансированной экономики. НДД взяло курс на смену режима. Оно проникало в сельские районы, создавало там свои ячейки.

Рост влияния оппозиции, увеличение числа массовых выступлений (демонстрации, забастовки) крайне тревожили руководство ПМН, правительство. Чтобы подавить оппозицию, они использовали весь арсенал борьбы со своими противниками — от социальной демагогии до жестоких репрессий [107, с. 405; 98, с. 311—313]. Они использовали также милитаризацию жизни страны, вызванную сахарским кризисом 1975—1978 гг. Опираясь на популярность в массах, устраняя конкурентов, освобождаясь от оппозиции внутри ПМН и вне ее, М. ульд Дадда сосредоточил в своих руках огромную власть. После 1965 г. он стал подлинным хозяином положения, играя роль верховного арбитра в соперничестве различных фракций. Наиболее влиятельных деятелей фракций возвышал, приближал к себе и тем самым держал в руках. Каждый из них знал, что если утратит доверие президента, то будет изгнан и его карьера рухнет.

Что представлял собой режим после 1965 г.?

Его отличали прагматизм, стабильность господствующего класса, персонализация власти. Элита обновлялась постепенно, а поэтому сохраняла все присущие ей свойства. Созданные политические структуры быстро адаптировались ко всем изменениям обстановки и успешно противодействовали давлению оппозиционных сил. В период 1966—1972 гг. эти структуры выдержали серьезный экзамен.

В 1966 г. режиму не удалось разрешить полностью этнорасовые конфликты, но он сумел ослабить их, притушить. Причем действовал с большим искусством: не отказавшись от своего курса в области культуры (языковая реформа, арабизация средней школы), сумел увлечь оппозицию политикой формирования новой мавританской личности. Попутно говорилось о необходимости вести борьбу с остатками колониализма и традиционными пережитками. В числе главных средств формирования новой личности называли реформу системы образования. К ней приступили в 1966 г. и завершили в 1977 г. Проводилась также кампания за возрождение культурных ценностей. Предполагалось, что этнорасовые конфликты удастся разрешить в рамках программы «строительства нации». Роль гаранта единства и арбитра в решении этнорасовых проблем отводилась президенту.

Лидеры режима внимательно следили за развитием внутриполитической ситуации. Они старались не просмотреть нарастающие кризисные явления, усиление оппозиционных тенденций. Нередко они своевременно реагировали и перехватывали инициативу. В 1971 г. съезд ПМН, например, принял решение развернуть борьбу за экономическую и культурную независимость, за демократизацию жизни. Его решения оказались более радикальными, чем требования оппозиции. Тем самым режим приобрел новых сторонников и выбил оружие из рук оппозиционных сил.

В 1972—1974 гг. режим пошел еще дальше. Были денонсированы неоколониалистские соглашения, навязанные в 1961 г. Францией, и подписаны новые, но уже на более выгодных для Мавритании условиях, учреждена национальная валюта — угия, национализирована (с выплатой компенсации) компания «Минферма». Перечисленные меры подняли авторитет режима, подтолкнули многих оппозиционных деятелей к переходу на сторону ПМН и правительства.

Страной фактически правили президент и его ближайшее окружение. Съезды ПМН носили ритуальный характер. Они лишь утверждали программы, разработанные в НПБ. Особенно парадным был съезд 1975 г., принявший Хартию ПМН. Хартия мыслилась как своеобразная идеологическая конституция, провозгласившая радикализацию требований об укреплении независимости, утверждение принципов демократии, адаптацию к социальным и культурным реалиям. Было заявлено об активном участии ИРМ в борьбе за новый международный экономический порядок. Съезд охарактеризовал мавританскую демократию как исламскую, национальную, централизованную, социалистическую.

Большое внимание режим уделял ротации руководящих кадров. На первом этапе главы государства окружали люди, которые вместе с ним боролись за независимость, национальное единство. Это были выходцы из традиционных верхушек, получившие образование в учебных заведениях Запада, а идеологическую и политическую подготовку в колониальном аппарате. Они несли в своем сознании и поведении груз пережитков и предрассудков колониального общества 30—50-х годов.

Развитие ИРМ по пути независимости потребовало новых людей, которые обладали современными знаниями и опытом. И с 1966 г. правящая верхушка стала пополняться за счет молодых деятелей. При этом социальная база «старой» и «новой» элиты оставалась прежней. Подавляющее большинство (до 80%) в той и другой принадлежало марабутской знати. Все министры и депутаты Национального собрания, которые сменяли друг друга, были выходцами из привилегированных традиционных слоев общества. Именно им колониализм в 1960 г. передал бразды правления, которые они не выпускали из своих рук. До 1963 г. знать участвовала в управлении, поддерживала лозунги национального единства. Чтобы процесс объединения и роста авторитета ПМН шел нормально, режиму пришлось вести кампанию против трайбализма, принципа «избранности», парламентского многословия. В 1963 г. был упразднен институт вождей. Но эта мера была направлена не против самого института, а против людей, отказавшихся подчиниться новым порядкам. Это был сильный, но отнюдь не смертельный удар по феодализму. Например, местные ячейки секций ПМН попадали под контроль бывших вождей, их родственников, союзников. Таким путем они могли снова подниматься к вершинам власти. Племенные, семейные, региональные связи продолжали влиять на жизнь государ-

ства и политику правящей партии. Нередко привилегии давались не за заслуги перед обществом, а за принадлежность к элите. Президенту приходилось постоянно учитывать интересы «старой» знати.

Молодые деятели, заменявшие «стариков», отличались современной подготовкой, желанием перемен. Но их волю сковывала принадлежность к тем же слоям общества, к которым принадлежали их предшественники. Свое влияние они строили и приумножали именно на связях с этими слоями. Что касается «чужаков», то они, попав на высокие посты, создавали собственную социальную опору также путем раздачи привилегий. Элита не была единой, но ее сплачивали скрытые связи и взаимозависимости. Узлы солидарности позволяли правящему меньшинству делить куски государственного «пирога».

Расходы на разбухший аппарат обременяли государственный бюджет и экономику. Аппарат был поражен коррупцией. Помимо официальных доходов элита создавала «неофициальные»: спекулировала недвижимостью, занималась предпринимательской деятельностью, злоупотребляя своим служебным положением.

Со временем правящая элита расширилась за счет новой прослойки бюрократической буржуазии. Ее формирование ускорило рост государственного аппарата, развитие национального и особенно государственного сектора экономики. Интересы бюрократической буржуазии зависели от прочности президентской власти. Сильные позиции президента гарантировали интересы всей элиты, в первую очередь бюрократии. Если эта власть слабела, дискредитировала себя, то элита от нее отворачивалась, опасаясь за свои привилегии. Так и произошло после военного государственного переворота 10 июля 1978 г.

На международной арене М. ульд Дадда показал себя крупным деятелем. К его мнению прислушивались в Африке, в Движении неприсоединения. Стабильность власти в ИРМ создала М. ульд Дадде высокую международную репутацию, которая была непропорциональна реальной силе Нуакшота. А это, в свою очередь, укрепляло его позиции в самой ИРМ. Он был «символом» нации, ее единства и процветания. Однако уверенность М. ульда Дадды в прочности своего положения переросла в самоуверенность. Он совершил грубый просчет, позволив втянуть Мавританию в сахарский кризис. Правительство М. ульда Дадды выступило против права сахарского народа на самоопределение. Чтобы оправдать свою позицию, оно приводило различного рода аргументы, ссылаясь на географические и этнические связи, культурное и языковое тождество населения Мавритании и бывшей Испанской Сахары. И это делалось всего через несколько лет после того, как Нуакшот сам избавился от притязаний экспансионистских кругов Марокко на его собственную территорию.

В 1975 г. правительство ИРМ объявило о воссоединении южной части бывшей Испанской Сахары (Рио-де-Оро) с «матерью»

родиной», заявив, что это воссоединение увенчает дело «строительства нации». Вступая в сделку по разделу Испанской Сахары, М. ульд Дадда и его коллеги никак не думали, что сахарское население станет упорно защищать свое право на самоопределение, что Алжир окажет сахарцам поддержку. Поэтому вооруженный отпор сахарцев застал Нуакшот врасплох, выявил его неподготовленность к такому повороту событий.

Участие в сахарском кризисе болезненно отозвалось на положении ИРМ. Ресурсы страны не могли выдержать непропорционально высокие военные расходы. Причем эти расходы осуществлялись в тот период, когда ее экономика находилась в катастрофическом состоянии из-за длительной жестокой засухи и резкого падения мировых цен на железную руду. Огромный дефицит платежного баланса и инфляция обесценили мавританскую уголю. Государственная казна опустела. Планы развития, принятые в 1972—1977 гг., утратили перспективу. Правительство было вынуждено обратиться за помощью к консервативным арабским режимам.

Попытки сыграть на националистических и патриотических чувствах имели отклик лишь в начале кризиса, пока не развернулись военные действия и экономика еще не испытала напряжения. Когда же произошли первые столкновения, унесшие человеческие жизни, резко возросла мобилизация молодежи в армию (с 3 тыс. в 1974 г. ее численность к 1978 г. возросла до 18 тыс.), энтузиазм пошел на убыль. Усилия властей оправдать свою сахарскую политику встречали все меньше понимания. Особенно в трудном положении они оказались в правобережье, откуда намеревались получить наибольшую долю рекрутов. Там считали события в бывшей Испанской Сахаре конфликтом между «альбейдан» («белыми»), к которому «ас-судан» («черные») не хотели иметь никакого отношения. Здесь снова начали принимать угрожающие размеры сепаратистские настроения. Как ни странно, эти настроения усилились и среди мавров, особенно в Адрае и областях, населенных племенами регейбат. Эта часть мавров соглашалась с аргументами сахарцев (ПОЛИСАРИО), отстаивавших право на самоопределение и создание собственного государства. Многие из регейбат участвовали в боевых действиях на стороне сахарцев.

Началось брожение и в самой правящей элите, особенно среди бывших «левых» оппозиционеров, перешедших до 1975 г. на сторону ПМН.

Участие в сахарском конфликте заставило режим М. ульд Дадды отказаться от прежней политики. Сделав ставку на финансовую помощь консервативных арабских режимов, он согласился с курсом последних на изоляцию АНДР, сблизился с марокканской монархией. Образ ИРМ как поборника неприсоединения, противника империализма тускнел. Национальная буржуазия и молодые технократы стали отходить от режима. Ободрились бывшие крупные феодалы и вожди, представлявшие вер-

хушку племен воинов, никогда не оставлявшие надежды взять реванш у марабутской верхушки.

Связав себя участием в сахарском конфликте, президент предпринял попытки восстановить свой престиж. Он требовал повысить эффективность государственного аппарата, осуждал коррупцию и безответственность, увольнял проштрафившихся министров и чиновников, призывал кадры ПМН к большей боевитости.

Но эти попытки не могли приостановить нарастание всеобщего недовольства. Не помог и созыв в январе 1978 г. чрезвычайного съезда ПМН. Цель съезда — укрепить дух сторонников режима, расколоть оппозицию. Однако сам режим уже утратил возможность влиять на развитие событий, а тем более контролировать его. Это подтвердил военный государственный переворот 10 июля 1978 г. Командование армии, получившее поддержку национальной и части бюрократической буржуазии, взяло власть в свои руки.

Курс на подъем экономики

Исламская Республика Мавритания получила в наследство от колониализма крайне отсталое хозяйство, в котором господствовал традиционный сектор, основанный на труде эксплуатирувавшихся низов: рабов, харатинов, членов профессиональных каст. Современный сектор только зарождался: он действовал в немногих анклавах, не затрагивая обширной территории страны и подавляющего большинства населения. 85% жителей страны занимались скотоводством, земледелием, рыболовством.

Земледелие в основном было присуще негрскому населению правобережья р. Сенегал. Главной хозяйственной единицей была малая семья, состоявшая из пяти-шести человек. Она могла обрабатывать до 2,3 га вало и 1,5 га диери [107, с. 208—209; 169, с. 180]. Привлечение дополнительной рабочей силы было крайне редким. В такой силе не было необходимости при малых размерах хозяйств, семейной организации труда, примитивных орудиях производства. Лишь иногда, в самые напряженные периоды полевых работ, на короткий срок нанимали несколько человек. Распространению наемного труда препятствовали также разнообразные повинности, которые выполнялись людьми низших социальных групп, прежде всего рабов и харатинов, в пользу своих хозяев и господ.

Пользование и владение участком зависели от характера земли. Земли диери были в изобилии. Любой производитель мог обрабатывать столько, сколько был в состоянии обработать. Если целину поднимал свободный земледelec, то он и его потомки имели приоритет на обработку и пользование освоенным участком. Если это делал раб или харатин, право на обработку принадлежало их хозяину. «Право на обработку» могло сдаваться в

аренду, на тех или иных условиях переуступаться, но не отчуждаться.

На землях вало держание базировалось на различии между правом на обработку и «правом хозяина земли». Преимущественное право на обработку имел тот, кто первым освоил новь. Это право передавалось по наследству, могло переуступаться на время или сдаваться в аренду, но не могло отчуждаться. Если новь поднял раб или харатин, то право на обработку принадлежало их господину. Что касается «права хозяина» (владельца) участка вало, то оно являлось результатом дарений в прошлые времена. Владелец земли имел право на взимание повинностей с сельских производителей. Эти повинности были трех видов: «ндиольди» (плата за право доступа на участок), «ассакаль» (десятина, имевшая религиозное происхождение), «тиотигу» (плата за наследование права на обработку). Десятину платили все, другие повинности постепенно отмирали.

Платежи повинностей и налогов за держание участков обычно производились натурой, но уже в первые годы независимости повинности стали принимать денежную форму. Тогда же начался процесс ослабления «прав хозяев» на землю и на взимание повинностей. Все чаще в подлинных хозяев превращались держатели «прав на обработку». Они же прекращали явочным порядком уплату повинностей.

Все более распространенной становилась аренда на договорной основе. Владелец (или держатель «права на обработку») сдавал участки на условиях краткосрочной и долгосрочной аренды. Срок первой не превышал одного года, размеры арендной платы в данном случае колебались от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{3}$ и даже $\frac{1}{2}$ урожая. Срок и размеры платы за долгосрочную аренду устанавливались по соглашению сторон. Но обычными были уплата вступительного взноса и ежегодной суммы, равной $\frac{1}{10}$ урожая.

Размеры арендной платы зависели также от сословно-кастовой принадлежности арендатора, от качества земли, от даты наступления паводка (ранней или поздней) и его отступления (раннего или позднего) и др. Часто одна и та же семья одновременно прибегала к договорной аренде и приобретению «права на обработку», соглашаясь платить повинности владельцу земли.

Традиционное право в правобережье было живучим: более сильным к востоку от Каэди, более слабым к западу от него. Например, если в верховьях Сенегала в 1960—1968 гг. частное владение семей или отдельных лиц составляло всего 31,5%, то в низовьях — вдвое больше (62,5%). Сдача в аренду, предоставление «права на обработку» в верховьях совершались чаще (соответственно 41,5 и 27%), чем в низовьях (24 и 13,5%). Богатые и зажиточные семьи в низовьях сами начинали эксплуатировать свои земли в коммерческих целях. В верховьях небольшая прослойка крупных землевладельцев, еще пользовавшаяся большими политическими правами, предпочитала эксплуатировать про-

изводителей полуфеодальными и феодальными методами. Здесь численность безземельных и малоземельных крестьян достигала 69%. А более двух третей освоенных земель были источником доходов, получаемых владельцами в результате взимания повинностей и полуфеодальной аренды.

Характер держания земли находился в прямой зависимости от принадлежности к той или иной сословно-кастовой группе. Примечательно, что каждая из этих групп имела все виды держания. Например, в 1960—1968 гг. у марабутов индивидуальное владение составляло 30% держаний, семейное — 16, «право на обработку» — 21,5, аренда — 22,5% (другие виды — 10%), у воинов — соответственно 21; 12,5; 37,5; 29; у рыбаков — 54, 10, 19, 16; у ремесленников — 34; 3,5; 20; 42; у вольноотпущенников — 7, 2, 12, 78%.

Харатинов (21,5% населения правобережья) редко допускали к обладанию собственностью — индивидуальной или семейной. 91% земель, эксплуатировавшихся ими, были объектами или аренды, или повинностей за «право на обработку». Эти повинности у харатинов были намного тяжелей, чем повинности других социальных групп. Чтобы погасить их и получить средства к существованию, харатины по сравнению с этими группами должны были обрабатывать вдвое большую площадь земли.

Земледельцы не ограничивались только обработкой земли, а разводили также скот. Богатые семьи имели до 600 голов, зажиточные — 40, многие хозяева (в 1968 г. — 12%) держали 20 голов и более. За стадами ухаживали пастухи-фульбе и (реже) мавры. Богатые и зажиточные нанимали пастухов для своих стад, средние и мелкие сводили свои стада в общее и нанимали для него одного пастуха.

В правобережье р. Сенегал продолжал преобладать натуральный обмен. До 30 продуктов только сельского хозяйства и рыболовства обменивались как между негроидами (например, просо и сорго на рыбу), так и между негроидами и маврами (просо и сорго на продукты скотоводства). Но получила также развитие купля-продажа с использованием денег. В 60-е годы в натуральном обмене участвовала незначительная доля продукции: земледелия — 9,8%, скотоводства — 12,5, рыболовства — 7,3%. Более значительная ее часть уже шла на продажу за деньги: соответственно 10,4; 41; 32,2% [168, с. 183—184].

Помимо негроидов земельными участками в правобережье владели мавры: из 50 тыс. га вало 13 тыс., или 26%, принадлежали им. Эти земли обрабатывали харатины («черные мавры»), все еще связанные с господами экономическими и социальными узами.

Хозяйство харатинов в правобережье соединяло земледелие и скотоводство. В 60-х годах среднее хозяйство имело в своем владении до 5 голов крупного, 25—35 мелкого рогатого скота, 1—2 ослов. Скотоводство приносило харатину до 40% доходов,

маврам — 79%, тукулерам — 11%. За право обработки земли, принадлежавшей хозяевам, «белым» маврам, они платили повинности. В начале 60-х годов общая сумма этих повинностей достигала 2 тыс. т зерна ежегодно. Уже в первые годы независимости появилась прослойка харатинов, ставших владельцами земли, которую передавали по наследству. Однако до 75% харатинов и из этой прослойки были обязаны платить повинности бывшим хозяевам и вождям (в среднем 30 кг зерна).

В эти же годы появились крупные земельные собственники-мавры. Ф. Вергара писал о собственнике 700 га вало, который сдавал участки в аренду, получая до 35—40 т проса ежегодно. Он же сообщал о видном деятеле ПМН, мавре, который владел имением площадью 300 га вало в области Горголь [169, с. 185].

Засуха 60—70-х годов сделала практически невозможными обработку диери и посевы «зимних» культур. Она погубила огромное количество скота. Миграции кочевников-мавров в Сахель и правобережье р. Сенегал становились все более опасными, так как угрожали почти полной гибелью перегоняемых в эти зоны стад. Находившиеся в правобережье харатины переходили на оседлый образ жизни, становились постоянными владельцами участков, строили глинобитные дома, переселялись из шатров.

Хозяйство правобережья продолжал подрывать отход мужчин на заработки. В 1985 г. из областей, заселенных тукулерами, мигрировало 25%. Более 80% отходников трудились в Сенегале. Причины миграции обуславливались нехваткой продуктов питания, необходимостью заработать деньги для уплаты налогов и покупки промышленных товаров. Жители правобережья эмигрировали и во Францию. В 1965 г. из 15 тыс., трудившихся там, 10,5 тыс. (70%) были сонинке, 2,25 тыс. (15%) — тукулеры и фульбе. Денежные переводы помогали сонинке перестраивать свои деревни, возводя из прочных материалов жилые дома.

В правобережье наряду с традиционным складывался современный сектор, в который входили государственные, кооперативные, частные хозяйства. Среди государственных выделялась ферма «Мпури», созданная КНР. Все работы на ней были механизированы, проводились научные исследования, селекция сортов, подготовка местных кадров. Ферма специализировалась на рисе. С 1970 по 1977 г. площади под рисом на ферме расширились с 260 до 634 га, а общее производство зерна — с 650 до 2659 т [168, с. 189]. Создавались и другие фермы, работа которых, однако, дальше исследовательских работ к 1977 г. так и не продвинулась.

Под патронажем фермы «Мпури» действовал рисоводческий кооператив, который финансировали организации КНР. Предусматривалось расширить площади под рисом с 276 до 3200 га. Ферма «Мпури» снабжала кооператив семенами, удобрениями, водой для полива, производила самые тяжелые работы. Кооператоры оплачивали эти услуги произведенной продукцией. Чле-

ны кооператива обрабатывали участки (семье выделялось 0,4—0,8 га). Среди кооператоров преобладали волоф и «черные мавры» — харатины.

Десятки кооперативов действовали между Росо и Каэди. Их деятельность финансировалась Европейским фондом развития. Кооператоры выращивали рис и огородные культуры. В 1972—1976 гг. на рисовых полях этих кооперативов собирали от 600 до 1000 т зерна [168, с. 189].

Третий четырехлетний план (1970—1973) предусматривал увеличение числа государственных ферм и кооперативов, освоение 16 тыс. га [168, с. 190]. Но к 1977 г. удалось ввести в эксплуатацию лишь 1500 га, или менее 10%. Причины невыполнения плана заключались в огромных военных расходах в связи с сахарским кризисом, мобилизацией мужчин в армию, нехваткой подготовленных кадров.

Темпы роста государственного и кооперативного секторов отставали от темпов роста частного. Последний широко применял наемный труд и машины. Близ Росо фермер-мавр имел под обработкой 100 га, из которых 20 орошались. В Боддаде другой фермер владел бульдозером, грузовиком, пикапом, обрабатывал 50 га. В Токане два брата-мавра zaloжили рисовые чеки (180 га) и банановую плантацию (6 га). Они нанимали 15 рабочих, применяли машины. Многие функционеры партии и правительства владели фермами площадью от 10 до 50 га [169, с. 191]. Засуха 60—70-х годов вынудила земледельцев правобережья создавать семейные огороды. Они выращивали томаты, тыкву, картофель, капусту, другие овощи. Власти поддерживали огородников, снабжая их семенами и простейшим инвентарем.

Архаичные производственные отношения в правобережье серьезно тормозили расширение посевных площадей. Производителям, желавшим обработать дополнительные участки, приходилось отдавать землевладельцам значительную, часто большую, часть продукции. Поэтому они предпочитали искать другие источники доходов в неземледельческом отходе, в торговле и др. Подавляющее же большинство землевладельцев паразитировало. Они разбивали свои владения на мелкие участки и сдавали в аренду на длительный или короткий срок. Доходы, которые они получали, часто достигали половины урожая с этих участков.

Чтобы увеличить производство продовольствия и сырья, правительство намеревалось резко ограничить размеры повинностей и установить твердые ставки арендной платы. Не последнее место в планах властей занимала проблема повышения урожайности. Для этого намечалось внести в традиционную агротехнику следующие усовершенствования: применение удобрений, внедрение плужного земледелия, мелкого сельскохозяйственного инвентаря. Принимались меры по повышению товарности земледелия. В 1966 г. правительство провело в Ходэ «операцию плуг». Добившись повышения урожайности зерновых, оно столкнулось, однако, с отсутствием современных хранилищ, дороговизной пе-

ревозок, резкими колебаниями закупочных цен. Для устранения этих препятствий в 1976 г. было создано Мавританское зерновое управление. Там, где испытывалась нехватка зерна, цены стремительно росли. В этих местах управление не могло конкурировать с частниками, которые скупали зерно по более высоким ценам, чем могло предложить государство. Частные скупщики, перехватывая зерно, спекулировали им. Среди них были функционеры ПМН в центре и на местах. Этим объяснялось, почему власти не вели эффективной борьбы со спекуляцией зерном.

Сделав в 70-е годы ставку на орошаемое земледелие в правобережье, правительство свои надежды связывало с осуществлением проектов межгосударственной Организации по освоению бассейна р. Сенегала (ООБС). Это позволило бы собирать в районе Росо по два урожая в год. Большое внимание орошаемому земледелию, особенно рисоводству, уделял и частный капитал. Между тем государственные организации и частные предприниматели явно пренебрегали богарным земледелием, которым занималось подавляющее большинство населения правобережья.

Аналогичные социально-экономические процессы происходили в областях, населенных маврами.

Многие племена кочевников в особенно тяжелые годы переносили стада в Сахель. Лишь отдельные оставались в Сахаре, находясь в постоянном поиске выпасов и источников воды. Незадолго до засухи 60—70-х годов оставались на месте 32,9% скотоводов, 27,1% передвигалось до 50 км, 39,4% — от 50 до 300 км, 1,6% — более 300 км [168, с. 201—202].

В первый год независимости поголовье скота достигало: крупного рогатого — 1,35 млн., мелкого — 8,6 млн., верблюдов — 400—500 тыс. [168, с. 203; 162, с. 240]. По свидетельству экспертов, в засушливые годы такое количество скота является предельным. И действительно, уже засуха 1960 г. вызвала высокий падеж скота.

Правительство сразу же приступило к проведению широких профилактических мероприятий. С 1960 по 1970 г. число ветеринарных пунктов увеличилось с 1 до 100, в результате чего заболевания скота пошли на убыль. Так, если в 1966 г. было зарегистрировано 86 вспышек чумы, то в 1969 г. только 3. Однако засуха 60—70-х годов нанесла жестокий удар по скотоводству: поголовье крупного рогатого скота сократилось на 57%, мелкого — на 45, верблюдов на 16—17%. Кочевники-скотоводы устремились в города. Их доля в общей численности населения ИРМ сократилась за эти годы с 78 до 27%. Соответственно увеличилась доля городских жителей с 6 до 31%. Резко ухудшилось снабжение городов и промышленных анклавов мясом и молоком.

Правительство срочно разработало и приняло программу восстановления поголовья и снабжения населения продуктами скотоводства. Расширялась и укреплялась ветеринарная служба, ремонтировались старые и строились новые колодцы. Чтобы ос-

лабать зависимость скотоводства от резких колебаний климата, было решено создать государственные фермы, чтобы содержать скот под ветеринарным контролем, при наличии высокопитательных кормов и воды. На фермах предполагалось откармливать животных не только для снабжения местного рынка, но и на экспорт. В Қаэди была построена мясохладобойня мощностью 3 тыс. мяса в год. Но такого объема производства она никогда не достигала: после пика в 1973 г. (1547 т) ее продукция составила в 1975 г. 190 т, в 1976 г. — 253, в 1977 г. — 400 т. Намечалось создать фермы близ Қаэди (400 га), Росо (200 га). Правительство надеялось, что успехи ферм привлекут частные капиталы. В конце 70-х годов возникла новая форма товарного скотоводства. Оказывая семьям сельских жителей материальную помощь, прежде всего кормами, власти поощряли откорм овец специально для продажи. Такая форма имела взаимную выгоду: страна получала дополнительное количество мяса, крестьяне — дополнительные доходы.

Заметные изменения происходили и в сельскохозяйственных зонах, населенных маврами. Такие зоны находились в Адраре, Таганте, Асабе, Ходэ, Трарзе, Бракне. Более широкое распространение в 60—70-е годы получила поденная работа, которая оплачивалась уже в денежной форме. В этом виде труда также в основном были заняты харатины. Но нередкими были случаи, когда на такие работы нанимались нуждавшиеся люди из арабо-берберских низов.

До 60—70-х годов сельскохозяйственный труд считался уделом только «черных» (рабов, харатинов). Но в этот период все чаще стали встречаться «белые» землевладельцы. В 1960 г. в Асабе, например, их насчитывалось до 2 тыс. человек. Они ухаживали за финиковыми пальмами, что считалось менее «позорным», чем непосредственная обработка земли и выращивание зерновых либо огородных культур.

Оазисное земледелие медленно, но неуклонно деградировало. «Белые» владельцы не вели собственного хозяйства. Они кочевали и появлялись в оазисах раз в год, чтобы изъять свою долю при сборе урожая, в первую очередь фиников. Основная часть этой доли потреблялась внутри хозяйств, небольшое количество предназначалось для натурального обмена.

В годы независимости сельское хозяйство оазисов потеряло значительную часть бесплатной и дешевой рабочей силы. Резкое сокращение удельного веса рабского и полурабского труда заставило владельцев переходить на договорные отношения с харатинами. Однако это не улучшило положения. Становилось понятным, что главная причина в архаичных производственных отношениях, сохранившихся в оазисах. Кучка хозяев-абсентеистов тормозила модернизацию земледелия. Чтобы вывести оазисное производство из кризиса, необходимо было передать пальмовые рощи харатинам и зенага в собственность, что позволило бы обновить рощи, дать импульс увеличению продукции. Вплотную

встал вопрос об отмене старинного обычая, по которому вся бесхозная земля в оазисах принадлежала маврам по праву завоевателей. Если какой-либо клочок бесхозной земли осваивал харатин или раб, то воин либо марабут мог отнять его [168, с. 211]. Однако власти до 1978 г. так и не поставили вопроса о том, чтобы разрешить харатинам, основным непосредственным производителям, приобретать в оазисах землю в собственность. Они лишь обещали провести реформу, которая упразднит формы бесплатного труда.

В годы независимости в оазисах наблюдались и другие процессы. Пальмовые рощи начали постепенно менять своих хозяев. Верхушки воинов и марабутов беднели, теряя рабов и харатинов, а следовательно, лишались бесплатного и дешевого труда, повинностей. Поэтому некоторые из них стали продавать землю и пальмовые деревья крупным чиновникам и богатым торговцам. Тем более что власть в эмиратах, в которых в основном и находились оазисы, также постепенно переходила в руки нуворишей.

Обеспокоенные плохим состоянием производства фиников, власти предпринимали меры к его исправлению. Они пытались придать всему оазисному земледелию товарное направление. Поощрялось, например, создание овощеводческих кооперативов, чтобы снабжать города и промышленные районы. До 1966 г. кооператив (создан еще в 1956 г.) поставлял овощи французскому гарнизону в Атаре. Однако после эвакуации последнего прекратил свое существование. Чтобы сделать мавританские финики конкурентоспособными на внешних рынках, близ Атара было основано государственное предприятие по первичной обработке и сортировке. Но результаты оказались разочаровывающими, так как плоды были очень низкого качества и не годились даже для обработки. Встал вопрос об обновлении пальмовых рощ, их расширении. Планировалось, например, расширить площади под пальмами в Ходе, Асабе (с 600 га до 2,6 тыс., а количество деревьев со 120 тыс. до 520 тыс.), заложить (впервые) пальмовые плантации в Гидимаке [168, с. 212].

Правительство делало также попытки восстановить до уровня 1925—1938 гг. сбор и экспорт камеди (в среднем 6 тыс. т). В связи с войной 1939—1945 гг. эта отрасль сельского (лесного) хозяйства пришла в упадок. Ее кризис продолжался и в 50—60-е годы. Например, в 1963 г. ИРМ вывезла только 876 т. Это объяснялось рядом причин: хищнической эксплуатацией акациевых лесов, концентрацией в Сахеле мелкого рогатого скота, который причинял деревьям большой вред, резко возросшей конкуренцией со стороны Судана (Хартум). И все же усилия властей принесли позитивные результаты: экспорт камеди увеличился с 1818 т в 1964 г. до 7314 т в 1970 г. Однако засуха наделала бед и в этой отрасли: в 1973 г. экспорт составил 201 т, а в 1974 г. — 170 т. В последующие годы он вырос, но оставался весьма нестабильным: 1976 г. — 1421 т, 1977 г. — 426 т.

Но главной заботой правительства оставалась продовольст-

венная проблема. В долине р. Сенегал проводились эксперименты с целью повысить урожайность зерновых культур, использовать их результаты в других областях, особенно в Ходэ, Асабе, Таганте. Засуха 60—70-х годов сорвала эти мероприятия. Она поставила зерновое производство в катастрофическое положение: со 100 тыс. т проса и сорго, собранных в 1969 г., упало до 40 тыс. т в 1975 г. и 26 тыс. в 1976 г. Дефицит зерна в 1977 г. достиг почти 160 тыс. т [168, с. 213—214; 129, с. 259]. Такая же картина наблюдалась в скотоводстве. Засуха резко сократила поголовье скота, вынудила скотоводов бежать в города. Чтобы обеспечить снабжение городского населения мясом и молочными продуктами, власти запретили на несколько лет экспорт скота в соседние страны.

Положение в сельском хозяйстве ухудшало состояние финансов, отрицательно сказывалось на государственном бюджете.

Провозглашение независимости потребовало создания современной национальной системы управления. Ввод новых налогов сделал налоговое бремя для масс более тяжелым, но не обеспечил содержание государственного аппарата. Бюджетный дефицит удавалось покрывать главным образом за счет субсидий Франции. Между тем расходы росли. Строилась новая столица (Нуакшот), открывались посольства ИРМ за рубежом, создавалась армия, служба безопасности и т. д. Требовались средства, чтобы как-то поддержать сельское хозяйство и традиционное ремесло.

Государственный бюджет делился на текущий (ординарный) и бюджет капитальных вложений. Расходные статьи текущего бюджета включали жалование государственных чиновников, материальное обеспечение административных учреждений, погашение государственных займов и процентов по ним и т. д. До 1962 г. главной статьей доходов были французские субсидии: 1960 г. — 57%, 1961 г. — 39%. В 1962 г. на первое место вышли импортные пошлины — 37% (субсидии Франции — 36%). А с 1963 г. важное место заняли налоги, которые выплачивала многонациональная компания «Миферма» (в 1966 г. — 36,6% бюджетных доходов). Другими источниками доходов были подоходный налог (в 1977 г. — 675 млн. угий), налоги на прибыль промышленных и торговых предприятий (в 1977 г. — 475 млн.), налог на горючее (в 1977 г. — 200 млн.). Расходы текущего бюджета с 1974 по 1977 г. выросли почти втрое — с 2,8 млрд. угий до 7,3 млрд. Причины этого увеличения были порождены главным образом участием ИРМ в сахарском кризисе (рост военных расходов, обесценение угии на 25—35%), а также большим разбуханием административных расходов, связанных с созданием ряда новых учреждений.

Общая сумма бюджета капитальных вложений была намного меньше текущего. Его средства направлялись на развитие экономической и социальной инфраструктуры, строительство, выкуп недвижимости у частных лиц, участие в смешанных предприя-

ях. На развитие жизненно важных отраслей правительство ассигновало в 12 раз меньше средств, чем на непроизводительные расходы. Таким образом, большая часть ВВП продавалась.

Главными источниками доходов бюджета капитальных вложений были налоги с иностранных судов за лов рыбы в водах ИРМ (в 1977 г. — 400 млн. угий), налоги на государственные предприятия (в 1977 г. — 200 млн.), отчисления из текущего бюджета (с 1974 по 1977 г. таких отчислений не было) [168, с. 218].

В 1972—1975 гг. правительство провело серию реформ, которые, по официальной оценке, привели ИРМ к «экономической независимости». К числу наиболее важных относились следующие: учреждение национальной валюты (угий) после выхода из «зоны франка», приобретение государством контрольных пакетов акций в филиалах банков, в которых господствовал французский капитал, введение государственной монополии в страховом деле, национализация ряда компаний, в том числе могущественной «Мифермы». Эти реформы были вызваны социальными переменами, сложившейся расстановкой сил в стране. Мавританский частный капитал считал себя созревшим, чтобы принять большее участие в хозяйственных решениях.

Формирование класса национальной буржуазии происходило прежде всего в сфере автомобильного транспорта и торговли. В 1967 г. 387 владельцев грузовиков имели патенты на грузоперевозки. Парк грузовых автомобилей с 1964 по 1970 г. удвоился (с 2730 до 5590). Далеко продвинулся национальный капитал в области импортной и оптовой торговли. Крупные торговцы вытеснили с внутреннего рынка французские торговые дома из Сен-Луи и Дакара. Они успешно конкурировали с сиром-ливанскими торговцами, обосновавшимися в Западной Африке.

Полученные прибыли в торговле и транспорте стали направляться в строительное дело и предприятия общественных работ. Сначала местные предприниматели выступали в роли субподрядчиков европейских фирм, затем добились подрядов у государства (часто при поддержке крупных функционеров из аппарата ПМН и правительства). Каждая из двух принадлежавших им строительных компаний нанимала более 1 тыс. рабочих.

В борьбе с засильем иностранного (особенно французского) капитала в экономике ИРМ интересы национальной буржуазии совпадали с интересами национальной интеллигенции и рабочего класса. Первая считала, что наличие иностранного персонала тормозит формирование кадров, вторые добивались квалифицированной работы. Молодежь возмущало, что многонациональные компании занимали положение «государства в государстве». Студенческое движение выдвинуло требование национализировать иностранные предприятия. Правящие круги в начале 70-х годов уже не могли игнорировать возрастающее давление национальной буржуазии, интеллигенции, рабочих, молодежи. Правительство ослабило зависимость ИРМ от Франции. Финансовая

помощь (в 1960 г. на 100% французская) подверглась диверсификации. Вскоре помощь арабских стран и КНР превзошла помощь Парижа [168, с. 220; 127, с. 412—416; 106, с. 252].

В стране создавались предприятия, целиком принадлежавшие местному капиталу. Некоторые из них работали на привозном сырье: фабрики бумажная, лакокрасочных товаров, пенопластов, гвоздильная и др. Конечно, при работе на импортном сырье зависимость от заграницы сохранялась. Но перерабатывать такое сырье было во многих отношениях выгоднее, чем ввозить готовые изделия. Вырученную разницу можно было направлять на создание новых предприятий, что вело к увеличению занятости населения. Вновь создаваемые предприятия служили своеобразным питомником национальных предпринимателей. Кроме того, появилась возможность для организации небольших предприятий с промежуточной технологией, доступной для национальных кадров. К тому же такие предприятия можно было размещать в отдаленных районах страны.

Поощряя формирование национальной буржуазии, власти следили, чтобы ее представители были выходцами в основном из «благородных» сословий (преимущественно — марабутов). Вот почему большинство предпринимателей имели родственные и сословные связи с ответственными лицами в правительстве и партии, также принадлежавшими к знатным семьям. Внешне национальные кредитные учреждения руководствовались критериями рентабельности и платежеспособности. Но они могли давать кредиты даже убыточным предприятиям (правда, действовавшим в рамках установленных властями направлений), если их владельцы были выходцами из высших сословий. И наоборот, кредит редко предоставлялся преуспевающим предприятиям, находившимся в собственности лиц «низкого» происхождения (например, ремесленникам).

Однако капиталоемкие предприятия по-прежнему находились в руках иностранных монополий. Ведущей промышленной отраслью была горнодобывающая, участвовать в которой национальному капиталу было не под силу.

Сбыт железной руды на мировом рынке приносил ИРМ до 85—87% экспортной выручки. С 1963 по 1974 г. ее вывоз шел по возрастающей: 1963 г. — 1,3 млн. т, 1973 г. — 11,8 млн. В 1975—1977 гг. экспорт упал. Это объяснялось, во-первых, тем, что месторождения и железная дорога Кедиа д'Иджиль—Нуадибу оказались в зоне столкновений армии ИРМ с отрядами ПОЛИСАРИО, а во-вторых — истощением старых месторождений.

Добычу вела «Миферма» («Мин де фер де Моритани»). В 1958 г. она получила концессию на разработку месторождения Кедиа д'Иджиль. Первоначальный капитал составлял 8,18 млрд. угий. К 1974 г. общая сумма инвестиций в предприятия «Мифермы» достигла 15 млрд. угий [189, с. 221]. В 1974 г. 5% акций компании принадлежало государству, 55,8% — французскому

капиталу (государственному, частному), 19% — английскому (частному), 15,2% — итальянскому (частному), 5% — западно-германскому (частному). Но ИРМ получала 50% ежегодной прибыли. С 1968 по 1977 г. во Францию было вывезено 20,1 млн. т железной руды, в Англию — 17,2 млн., в Италию — 12,8 млн., в Японию — 11 млн., в ФРГ — 10,5 млн., в Испанию — 5,4 млн. А всего перечисленные страны получили 77 млн. т высококачественной руды (содержание металла 64—65% — подсчитано по [169, с. 223; 107, с. 431]). Доходы от добычи и сбыта руды правительство намеревалось вкладывать в создание обрабатывающей промышленности, полагая, что, когда месторождения истощатся, у ИРМ уже будет прочная промышленная база. Но его расчеты не оправдались. Эти доходы поглощались текущим бюджетом.

Между тем благополучному состоянию дел в горнодобывающей промышленности приходил конец. К 1975 г. месторождения руды с высоким содержанием металла начали истощаться. Пришлось ориентироваться на добычу руд со средним содержанием металла, а затем на их обогащение (до 66%). Предусматривалось производство обогащенных руд на уровне 10—11 млн. т. Но для этого требовались вложения в сумме 28—30 млрд. угий. Арабские и западноевропейские банки, МБРР согласились финансировать освоение новых месторождений железа (проект «Гельб»). Но МБРР потребовал от ИРМ залог на сумму 4,7 млрд. угий в качестве гарантии погашения процентов по займам и долгов.

Осуществить проект «Гельб» можно было лишь при условии огромного финансового напряжения. А состояние финансов ИРМ резко ухудшалось. Уже в 1974 г. бюджетные излишки исчезли, накопления «Коминор» (название национализированной «Мифермы») истощились. К тому же мировые цены на железную руду были неустойчивыми (в 1975 г. — падение, в 1976 г. — повышение, в 1977 г. — новое падение). Поэтому неустойчивой была и экспортная выручка.

Еще с большими трудностями столкнулось руководство ИРМ при освоении месторождения меди в районе Акжужта. О существовании этого месторождения было известно давно, но частный капитал метрополии отпугивали дороговизна его эксплуатации (отсутствие воды, удобных путей вывоза руды). Ежегодно Франция вынуждена была покупать медь у США, Англии, Бельгии на сумму более 30 млрд. старых франков. И все же слишком долго (до 1971 г.) Париж не решался приступить к добыче меди в ИРМ. Дело сдвинулось, когда инициативу в свои руки взял англо-американский концерн «Чартер консолидейтед». В 1967 г. была создана многонациональная компания «Сомима» с начальным капиталом 2,82 млрд. угий (ИРМ — 38,3%, займы МБРР, Европейского банка инвестиций, других банков — 61,7%). Концерну «Чартер» принадлежало 44,6% акций, правительству ИРМ — 22, остальные 33,4% — различным иностранным госу-

дарственным и частным организациям (в том числе французским — 12,7%).

Добыча руды и производство концентратов начались в 1971 г. Производство достигло пика в 1973 г. (33,4 тыс. т концентрата). Мировые цены стояли высоко, но в 1975—1977 гг. они снизились вдвое. Сократилось и производство концентратов (1975 г. — 11,6 тыс. т, 1977 г. — 22,4 тыс. т). Резко возросли издержки из-за увеличения цен на нефть, вызванного ближневосточным кризисом. Доля расходов на горючее выросла в шесть раз. В этих условиях иностранный капитал утратил интерес к добыче меди. Чтобы избежать закрытия рудника, государство скупило все акции иностранных владельцев. Затем с помощью марокканского займа (705 млн. угий) оно попыталось повысить рентабельность предприятия, но неудачно. Ежегодно оно приносило дефицит (в 1977 г., например, 707 млн. угий). Тогда было решено с 30 мая 1978 г. приостановить эксплуатацию рудника, уволив 600 рабочих и служащих (из 1 тыс.) [168, с. 226—227].

В основу экономического и социального развития ИРМ с первых лет независимости были положены плановые начала. В течение 1960—1980 гг. осуществлялись три четырехлетних плана: 1963—1966, 1970—1973, 1976—1980. Все они представляли собой простое перечисление промышленных, сельскохозяйственных, инфраструктурных проектов, финансирование которых обеспечивалось в основном за счет внешних источников. Планами не предусматривалось максимального или оптимального использования природных и трудовых ресурсов. Ни один из проектов, включенных в план, не имел приоритета, что не позволяло использовать оптимально наличные капиталы. Избирать же приоритетные проекты, опираясь на внешние источники финансирования, было невозможно, поскольку они находились вне контроля правительства ИРМ. Оно не могло также передавать поступающие иностранные фонды из одной отрасли в другую, т. е. маневрировать ими в зависимости от складывавшейся конъюнктуры.

В ходе выполнения часто нарушались установленные планами пропорции между отраслями. Например, даже те незначительные суммы, отпускавшиеся планом 1963—1966 гг. на сельское хозяйство (8,6%), изучение ресурсов (5,7), образование (3,3%), были освоены лишь частично. И наоборот, без того крупные ассигнования на горную промышленность (33,8%), транспорт и связь (12,1%) оказались превышенными (соответственно 123 и 174%). Именно по этой причине вместо намеченных планом общих ассигнований в размере 5,576 млрд. угий было освоено 6,768 млрд., т. е. на 21% больше [168, с. 227].

План 1963—1966 гг. финансировался на 90,3% с помощью иностранных источников (в том числе: частных — 61,7%, государственных — 38,3%) (подсчитано по [168, с. 228]). На долю внутренних источников пришлось лишь 9,7%. В числе намеченных к строительству главных объектов были причалы порта

Нуакшот, рыболовный порт в Нуадибу, там же предприятие по производству рыбопродуктов (мощностью 300 тыс. т), холодильник и нефтехранилище, мясохладобойня в Каэди, предприятие по сортировке и обработке фиников в Аtare на базе восстановления пальмовых рощ, изыскания на нефть и пресную воду, электростанции, автомобильные дороги и др.

За период 1960—1978 гг. осуществлялись только три четырехлетних плана. Между ними были паузы в три-четыре года, которые заполняли экономические программы, имевшие целью выполнить нереализованные наметки предшествующего плана. Поэтому срок выполнения планов, рассчитанный на четыре года, растягивался до шести-семи лет.

Ассигнования на второй четырехлетний план (1970—1973) составили 9,427 млрд. угий. Однако и на этот раз расходы значительно (на 24%) превысили первоначальные наметки, достигнув 11,7 млрд. Самые крупные суммы направлялись на развитие горной промышленности (24,9%), транспорт и связь (24,2%). По сравнению с планом 1963—1966 гг. увеличились ассигнования на сельское хозяйство (14% против 8,6), образование (5,7% против 3,3), здравоохранение (3,3% против 2,8). Появились новые статьи: «обрабатывающая промышленность» (6,9%), «туризм» (1,5%). В ходе выполнения этого плана были снова превышены (на этот раз почти втрое) расходы на горную промышленность и сокращены более чем втрое на сельское хозяйство [189, с. 229; 128, с. 298]. Почти на 68% план финансировался из внутренних источников: 7 млрд. угий — инвестиции компаний «Миферма», «Сомима», 1 млрд. — местные накопления. Внешние ресурсы (займы, субсидии) достигли суммы 3,8 млрд., в том числе 1,5 млрд. — французские.

В ходе реализации плана была расширена рисоводческая ферма Мпури — с 260 до 550 га, в правобережье были увеличены орошаемые площади земель, принадлежавшие кооперативам (также выращивали рис), до 200 га.

Большие надежды связывались с морским рыболовством. Правительство решило ликвидировать национальный рыболовный флот и создать либеральный режим в территориальных водах ИРМ для иностранных флотилий в обмен на их обязательство выгружать значительную часть улова в Нуадибу. Но вместо запланированных 130 тыс. т в 1970 г. оно получило 56 тыс., в 1972 г. — соответственно 225 тыс. и 80 тыс., в 1973 г. — 230 тыс. и 80 тыс. Не оправдались плановые расчеты на рост средних и мелких предприятий, на развитие «полезного ремесла», т. е. ремесла, способствующего осуществлению программы по импорзамещению.

В промежутке между вторым и третьим четырехлетним планом увеличился приток иностранной помощи. Международные финансовые организации заняли более благоприятную позицию по отношению к финансированию сельскохозяйственных проектов, которые ранее они считали нерентабельными. На изменение

их позиций повлияла жестокая засуха, охватившая всю зону Сахеля. В 1973—1975 гг. были построены завод, производящий сжиженный газ, спичечная фабрика, завод взрывчатых веществ.

Общая сумма инвестиций по третьему четырехлетнему плану (1976—1980) была установлена в 41,783 млрд. угий. План финансировался на 30,8% из внутренних источников, на 69,2% — из внешних. Главными проектами плана были шоссейная дорога Нуакшот—Нема (стоимость — 6,5 млрд. угий), расширение порта Нуадибу (1,2 млрд.), сахарный завод в Нуакшоте (700 млн.). Шоссе, объявленное символом претворения в жизнь «идеи единства», должно было связать столицу со всеми восточными областями, а также включить р. Сенегал в торговую систему ИРМ. Большие надежды власти возлагали на переработку железной и медной руды, на производство сахара, тканей, железобетона. Несколько больше внимания уделялось сельскому хозяйству. Предусматривалось восстановление поголовья скота, пострадавшего от засухи, улучшение качества мясо-молочных продуктов, расширение орошаемых площадей до 13,8 тыс. га.

С точки зрения притока иностранных капиталов ИРМ находилась в благоприятном положении: росла финансовая помощь арабских государств, международных организаций, Франции, КНР. Но одновременно увеличивалась задолженность Нуакшота. Будущее платежного баланса ИРМ вызывало у руководства республики растущую тревогу. С 1968 по 1976 г. задолженность страны увеличилась с 1,479 млрд. угий до 9,245 млрд., т. е. более чем в шесть раз. Платежи по погашению долгов (включая проценты по займам) возросли с 53 млн. в 1968 г. по 1,368 млрд. в 1975 г., или почти в 23 раза. В 1968 г. эти платежи поглощали 1,4% экспортной выручки, в 1975 г. — уже 17,4%. В 1978 г. одна уплата процентов достигла 406 млн. угий (1968 г. — только 10 млн.).

Включение ИРМ в сахарский кризис поставило под вопрос выполнение третьего четырехлетнего плана, особенно его финансирование из внутренних источников. Военные расходы только за 1975—1976 гг. поглотили все государственные накопления. Нуакшот вступил в полосу финансового кризиса.

Социальные сдвиги, рост политической борьбы

Масштабы социально-классовых изменений, происходивших в стране, нагляднее всего проявлялись в городах, прежде всего новых. Именно здесь формировались классы современного общества — национальная буржуазия и рабочий класс. С 1959 по 1972 г. число рабочих и служащих выросло более чем вдвое — с 12,8 тыс. до 26,8 тыс. Если в 1959 г. в государственном секторе трудилось около 74%, то в 1972 г. — 41%. Таким образом, тенденция развивалась в пользу частного: 26% — в 1959 г., 59% — в 1972 г. Две трети рабочих относились к категориям неквали-

фицированных и полуквалифицированных. Наиболее стабильной рабочей силой была в горнодобывающей промышленности. В других отраслях наблюдалась высокая текучесть, особенно среди неквалифицированных рабочих [127, с. 238, 258].

В 70—80-е годы структура армии наемного труда сохранилась. Спрос на рабочую силу возрастал по мере ввода в строй медного рудника близ Акжужта, сооружения рыбоперерабатывающих предприятий в Нуадибу, строительства шоссейной магистрали Нуакшот—Нема. Кроме того, многие отходники, которых засуха гнала на рынок наемного труда, сумели найти работу на транспорте, в торговле, на строительстве. Их число увеличилось с 20% в 1970 г. до 30—35% всей рабочей силы ИРМ в 1977 г. [107, с. 395].

Стоимость рабочей силы, особенно неквалифицированной, была крайне низкой. Покупательная способность трудящихся падала. Например, в 1962—1969 гг. при росте цен на товары первой необходимости (рис, сахар, чай, ткани) на 46% заработная плата оставалась на том же уровне; в 1969—1973 гг. заработки рабочих возросли на 25%, а цены — вдвое. Неквалифицированный рабочий зарабатывал в год 14 тыс. угий, полуквалифицированный — 20—25 тыс. Самые необходимые расходы семьи из четырех человек в 1967 г. оценивались в 20 тыс.

Подавляющее большинство квалифицированной рабочей силы и инженерно-технического персонала составляли иностранцы — соответственно 83—85 и 90%. «Мавританизация», развернувшаяся в начале 70-х годов среди рабочих, проходила быстрее, чем среди ИТР. В компании «Миферма» число иностранных рабочих в 1974 г. сократилось до 60 против 500 в 1969 г. Среди инженерно-технического персонала мавританцев в 1969 г. насчитывалось 123 (1 из 90 — в правлении, 122 из 750 — техники, мастера), в 1974 г. — уже 610 (5 из 100 — в правлении, 605 из 1360 — техники, мастера) [106, с. 259].

Особое место в обществе занимал предпролетариат. С 1969 по 1975 г. его численность в городах удвоилась — с 18,2 тыс. до 30 тыс. человек. К этой социальной группе относились «мобильный» предпролетариат (временные наемные рабочие), поденщики, безработные (в 1967 г. их было 4 тыс.), а также лица, жившие от мелких доходов, — бедные ремесленники и торговцы.

В деревне отходничество увеличивалось или сокращалось в зависимости от многих факторов: засухи, неурожая, инфляции или, наоборот, хорошего урожая и удачного года. Неблагоприятный год выталкивал людей из сельской местности. Они шли в города и на промышленные предприятия в поисках заработка. В 1963—1969 гг. численность отходников в Нуакшоте, Зуэрате, Нуадибу колебалась между 15 тыс. и 25 тыс. К отходникам относились жители пригородов, селений вдоль главных дорог, которые жили за счет случайных заработков, субсидий и подачек властей, благотворительных организаций.

Независимость открыла путь для формирования бюрократи-

ческой и предпринимательской буржуазии. При чрезмерной бюрократической централизации узкая социальная группа обладала максимумом политической власти. До 1969 г. 283 ключевых поста в партии и государстве занимали — одновременно или поочередно — всего лишь 112 человек [127, с. 259—261]. До 1969 г. 113 портфелей министров в сменявших друг друга кабинетах принадлежали (по совместительству или путем перехода) только 42 деятелям. Этой узкой группе принадлежала не просто политическая власть. Она играла все возрастающую экономическую и идеологическую роль: распределяла государственные средства, имела монополию на информацию, проведение акций идеологического характера. Меры 1973 г. по национализации, пересмотру соглашений с Францией служили целям усиления ее позиций [107, с. 435].

Вместе с тем верхушка бюрократической буржуазии стремилась афишировать простой, даже аскетический образ жизни. Разрыв в доходах между ней и массой функционеров не был большим. Редкими были скандалы, связанные с коррупцией. И все же люди, оказавшиеся на вершине иерархической лестницы, богатели. Теми или иными способами они участвовали в дележе государственных фондов, принимали «дружественные» комиссионные от иностранных предпринимателей, подарки от местных дельцов. Накопленные такими путями средства они вкладывали в расширение недвижимой (земля, доходные дома) и движимой (скот) собственности, в сделки в сфере обращения.

Для понимания места и роли бюрократической буржуазии ИРМ следует напомнить об исторических корнях процесса ее формирования. В отличие от некоторых молодых государств подавляющее большинство руководящих кадров республики не были участниками национально-освободительного движения, не находились в оппозиции к Франции. Наоборот, многие из них принадлежали к той части верхушки традиционного общества, которая тесно сотрудничала с колонизаторами. Из ее среды власти отбирали вождей, функционеров административного аппарата. В 1957—1966 гг. из 101 крупного чиновника 55% были либо вождями, либо сыновьями вождей, либо выходцами из племенной знати [106, с. 261; 107, с. 308—309]. В 1966—1969 гг. примерно одна треть бюрократической верхушки обновилась: в руководство были допущены молодые люди, обладатели дипломов о высшем образовании. Но большинство их также принадлежало к состоятельным и знатым семьям. К знатности теперь была добавлена компетентность.

В годы независимости многие представители марабутов занялись торговлей и бизнесом. Они вкладывали капиталы в торговые и транспортные предприятия. Если в колониальный период покупали землю и другую недвижимость, скот, вели торговлю с Сенегалом, Суданом, Марокко, то после 1960 г. произошла переориентация их деятельности. Урбанизация ставила вопрос о снабжении городов продовольствием, в первую очередь мясом,

молоком, зерном. Эту задачу взяли на себя торговцы-мавры. Скот они продавали в правобережье, а оттуда везли зерно, которое сбывали в областях Сахеля и Сахары. Они занимались также спекуляцией земельными участками в городах, строительством доходных домов. Сложилась группа дельцов-мавров: в 1959 г. их насчитывалось 22, а в 1967 г. — уже 200. Эти дельцы обладали почти полной монополией на реализацию продовольственных товаров и одновременно являлись акционерами созданной в 1966 г. смешанной компании «Сонимэкс». Фактически они стали хозяевами внутреннего рынка, диктуя цены и правила товарооборота.

Учреждение в 1973 г. национальной валюты, государственный контроль над кредитом создали благоприятные условия для местного частного капитала. Бизнесмены-мавры начали контролировать также строительное дело, автомобильный транспорт, имели значительную долю участия в общественных работах, гостиничном хозяйстве, средствах информации. Частное предприятие «Сомако/ТП», созданное в 1975 г., нанимало 700 рабочих [106, с. 262]. Его деловая активность оценивалась в 300 млн. угий.

Таким образом, формирование национальной буржуазии — бюрократической и предпринимательской — в Мавритании шло быстрыми темпами и в основном на местной почве, без заметного воздействия со стороны иностранного капитала. Развивался также процесс ее сращивания с государственным и партийным аппаратом. Несколько бывших министров оказались в числе директоров и администраторов первых национальных частных компаний. В учрежденную Конфедерацию предпринимателей и ремесленников вошли три союза — предпринимателей, торговцев, владельцев транспортных средств. Восемь ее руководящих членов входили в Национальный совет ПМН.

В новых городах ИРМ существовали иностранные общины, которые, как правило, занимали отдельные кварталы. В Зуэрате, Кансадо (пригород Нуадибу), Акжужте были построены для них специальные городки. Иностранные специалисты в 1969 г. составляли 15% персонала частного сектора, но они получали 67% общей суммы его заработной платы [106, с. 263]. Национализация компаний «Миферма» и «Сомима» сократила численность иностранных кадров до 350 человек. Иностранная община была символом экономической, технической, финансовой культурной зависимости страны от внешнего мира. К тому же в стране постоянно присутствовал элемент расовой и социальной сегрегации, один из источников внутренней напряженности.

В середине 70-х годов примерно 70% населения ИРМ проживало в сельской местности [106, с. 265]. Руководство ИРМ неоднократно заявляло, что в его экономической политике, планах развития приоритет принадлежит сельскому хозяйству. На деле, однако, было не так. С 1963 по 1973 г. на нужды этой жизненно важной отрасли направлялось не более 3—4% бюджетных ас-

сигнований [106, с. 265]. Правительство не ставило цели преобразовать архаичные методы производства. В результате в сельской местности сохранились существовавшие в доколониальный и колониальный периоды сословно-кастовые структуры. И у скотоводов и у земледельцев еще сильны были узы рабства и полурабства, которые связывали господ и непосредственных производителей. Эволюция социально-экономических отношений в сельской местности была вызвана не столько целенаправленной деятельностью руководства ИРМ, сколько объективными и субъективными процессами. С одной стороны, рабы и харатины все чаще уходили от своих господ в города, а с другой — власти все реже вмешивались в отношения господин—раб, господин—харатин. Одни господа соглашались принять от рабов и харатинов выкуп, а иногда заключить с ними трудовой договор. Другие (в том числе воины и марабуты) полностью или частично оседали в правобережье, сами брались за обработку земли или уход за скотом. Что касается земледельцев-негроидов, то они явочным порядком отказывались нести в пользу господ повинности, оказывать им невознаграждаемые трудовые и прочие услуги.

В годы независимости в деревню все больше проникали товарно-денежные и «договорные» (хозяин — наемный работник) отношения. Если до 1960 г. такая эволюция имела источниками внешние центры (Сенегал, Судан, Марокко), то теперь она приобретала свои, внутренние (Нуакшот, Нуадибу, Зуэрат), в которых развивались капиталистические отношения. К тому же эти города размещались в самом сердце традиционных обществ, оказывая на их повседневную жизнь возрастающее воздействие. Такие процессы вели к стихийному росту торговли скотом: животных продавали как на внешнем (Сенегал), так и на внутреннем рынках. В 1960 г. было продано 1,25 млн. голов, в 1969 г. — уже 2 млн. Торговля скотом ускорила процесс оседания кочевников и полукочевников. Для них она становилась главным источником денежных доходов. Земледельцы правобережья также занялись разведением крупного рогатого скота на продажу. Зажиточные семьи имели большие стада крупного и мелкого рогатого скота. Доходы земледельцев от его продажи и продуктов скотоводства увеличились с 580 млн. афр. фр. в 1968 г. до 1380 млн. в 1969 г. [162, с. 252—254; 106, с. 267].

Земледелие не обеспечивало страну зерном. До 30—40, иногда до 50 % потребности ИРМ удовлетворялись за счет ввоза. Прирост сельскохозяйственного производства (2—3 % в год) сводился на нет приростом населения (до 2 % в год) и ухудшением конъюнктуры внутреннего рынка. Относительная доля сельского хозяйства в ВВП неуклонно уменьшалась: 85 % в 1959 г., 40 % — в 1969 г., 30 % — в 1975 г. Засухи 60—70-х годов нанесли жестокий удар по сельскому хозяйству: поголовье скота сократилось на 40 %, сбор зерновых снизился вдвое-втрое. Цены на потребительские товары — рис, пшеницу, чай, сахар, ткани — увеличились на 30—50 % [106, с. 267].

Резкое ухудшение экономического положения и условий жизни населения имело серьезные социальные последствия. Эволюции общественных структур было придано ускорение. Деревня, каждый год лишавшаяся основной рабочей силы (мужчины-отходники), уже не могла воспроизводить условия традиционного производства. Поголовье скота и посевные площади неуклонно уменьшались. Развивался процесс полной или частичной пауперизации масс крестьянства.

Земледелие и скотоводство уже не могли прокормить сельское общество, не говоря о городском. Больше того, оно становилось «клиентом», а то и «нахлебником» последнего. В города уходила масса трудоспособного мужского населения. На плечи отходника ложилось тяжелое бремя: он должен был кормить, одевать, обувать не только себя и свою семью, но и какую-то часть большесемейной родственной группы. Многие селения пустели. Там оставались старики, женщины, дети, которые существовали по большей части за счет заработков родственников. Лишь малую долю ресурсов они получали путем производственной деятельности — ухода за скотом и обработки клочков земли.

Следовательно, если в 50—60-е годы ресурсы притекали в города из деревни, то в 70—80-е годы это движение изменило направление. Из мест, где можно было получить заработок (город), такие ресурсы уходили туда, где их потребляли (деревня). Социальные изменения в деревне вели к появлению в сельском обществе новых социально-классовых групп и соответственно новых социально-классовых антагонизмов, которые накладывались на прежние.

В деревне над большей частью общественных институтов продолжали господствовать верхушки сословий и каст. Даже в городах до 1970 г. наемные рабочие и служащие из числа зенага, харатинов, рабов должны были отдавать часть заработной платы своим господам. Положение человека в городе и в деревне зависело от статуса его сословия или касты. И если человек приобретал новый социальный статус (предприниматель, рабочий, интеллигент), он не избавлялся от старого сословно-кастового, этнорасового статуса. Между новым и старым сохранялась прочная связь, которая воспроизводилась из поколения в поколение. Бюрократическая и предпринимательская буржуазия в основном происходила из «благородных» сословий и знатных семей традиционного общества. И наоборот, непосредственные производители принадлежали к числу рабов, харатинов, зенага. Из них формировался как пролетариат, так и предпролетариат.

Хотя правительство молодого государства в начале 60-х годов официально упразднило сословно-кастовое деление, старое являлось мощным тормозом формирования сознания, свойственного новым социальным структурам общества. К грузу сословно-кастового деления, накладывавшегося на новое общество, добавлялся груз этнорасовых отношений. То и другое деление тормозило формирование классового сознания у всех слоев общества.

Процесс деколонизации породил в обществе противоречивые тенденции. Среди мавров активизировалось движение за восстановление прерванных колониализмом исторических и социально-культурных связей с арабским миром, в первую очередь с Магрибом. Наоборот, негроидные этносы хотели сохранить и упрочить узы с Западной Африкой, базирующиеся на ценностях, получивших свое выражение в идеологии негритюда. Усилению подобных тенденций способствовали планы соседей Мавритании — Марокко, Сенегала и Французского Судана. Буржуазно-националистическое руководство партии «Истикляль», поддержанное династией Алауитов, выдвинуло план «Великого Марокко», в которое наряду с другими территориями вошла бы и Мавритания. Лидеры Сенегала и Французского Судана со своей стороны выдвинули план Федерации Мали, в которую также предполагалось включить ИРМ.

Однако на пути обоих планов встали силы молодого мавританского национализма, занявшего позицию создания единой, независимой, суверенной Мавритании. Национализм, выражавший интересы молодой буржуазии, зажиточных слоев города и деревни, опирался на стремление масс к самоопределению, строительству собственного государства в существовавших границах. Он выступал под лозунгами «формирования нового мавританского человека», создания «мусульманского отечества для мавров и негроидов» с миссией связующего звена между Северной и Тропической Африкой.

Но в 60-е годы в ИРМ действовали не только центростремительные, но и центробежные течения. С ростом потребности в наемной рабочей силе и с «мавританизацией» государственных служб усиливалась экономическая и политическая конкуренция между этнорасовыми группами. Она нашла выражение в обострении языкового вопроса.

Употребление французского языка в качестве официального воспринималось маврами, особенно образованной марабутской прослойкой, как дискриминация и притеснение. И наоборот, ввод арабского языка в официальных школах и административных учреждениях расценивался как принудительная арабизация («мавризация») и как дискриминация негрского населения. Со временем языковая проблема стала рассматриваться как этнорасовая: этнические и расовые различия все больше смешивались с социально-культурным неравенством. Поэтому постановление правительства об обязательном изучении арабского языка начиная с 6-го класса вызвало в январе 1966 г. забастовку протеста сначала немавров — учащихся старших классов, студентов, чиновников, а в феврале того же года контрвыступления учащихся-мавров. Подавив выступления тех и других, власти объявили, что национального (тем более этнорасового) вопроса «не существует», и провозгласили всех жителей ИРМ «мавританцами». Тем временем верхушка мавров утверждала свои позиции как внутри страны (арабский язык был объявлен национальным

и языком школьного обучения), так и вне ее — вступление в политические и экономические органы стран Магриба, интеграция в 1973 г. в Лигу арабских государств (ЛАГ).

Огромную роль в жизни общества ИРМ продолжали играть родственные связи. На политической арене можно было наблюдать, как отдельные семьи и племена, деревни и районы имели преобладающее представительство в высших эшелонах политики и бизнеса. В государственном аппарате, в экономике страны складывались кланы на базе родо-племенных уз солидарности.

Молодежь занимала более прогрессивные позиции, чем старшие поколения. Между тем последним принадлежало господствующее положение. Молодое поколение имело современные знания и дипломы об образовании, старшее — реальную власть и жизненный опыт. Пропась между молодыми и старыми углублялась, конфликты обострялись, становились болезненными. Учащаяся молодежь была сильна своей концентрацией в одном-двух местах (Нуакшот, Росо), общностью условий жизни и задач. И хотя удельный вес молодежи в общем населении был небольшим, ее политическое и идеологическое влияние на обстановку в ИРМ ощущалось постоянно.

Острой была борьба вокруг вопроса: есть ли в ИРМ классы или они отсутствуют? В марте 1973 г. на съезде Мавританского союза труда (МСТ) М. ульд Дадда заявил: для того чтобы был класс и, следовательно, эксплуатация, должен присутствовать национальный частный капитал, а он в ИРМ отсутствует. Он утверждал также, что этнические и национальные различия существуют только для этнографов и социологов и что в стране имеются лишь исповедующие одну мусульманскую веру полностью эгалитарные общины. Многие заявления М. ульда Дадды и других мавританских руководителей были направлены против Ассоциации мавританской молодежи (АММ), основанного в 1969 г. Национально-демократического движения (НДД) и особенно созданной в 1973 г. Партии мавританских трудящихся (ПМТ).

НДД выступала против империалистов и их «агентов» в ИРМ, за подлинную политическую и экономическую независимость, за радикальные социальные преобразования (отмену рабства, упразднение совета вождей племен и др.). Что касается платформы ПМТ, то она вдохновлялась маоистскими идеями и опытом КНР. Партия публиковала нелегально газету «Сайхат мазлум» («Крик угнетенного») и брошюры, в которых пропагандировала свою программу. Она считала, что в стране существуют реакционные классы: бюрократическая и компрадорская буржуазия, которая находится в союзе с феодальным классом, доминирующим в производственных отношениях деревни. Им противостоят революционные классы — мелкая буржуазия (функционеры, интеллектуалы, средние торговцы и ремесленники, средние крестьяне), рабы, предпролетариат (пастухи, сель-

скохозяйственные рабочие, мелкие ремесленники, торговцы, служащие) и, наконец, пролетариат. ПМТ полагала, что национальная буржуазия (технократы ПМН и правительства, крупные торговцы) все еще играет прогрессивную роль. Поэтому задача партии как авангарда пролетариата создать подлинно демократическое и антиимпериалистическое общество, в котором господствует диктатура пролетариата и национальной буржуазии. Переживаемый ИРМ период руководители ПМТ считали первым этапом на пути к социализму, движение по которому возглавит пролетариат.

В конце 60 — начале 70-х годов поляризация сил на политической арене набрала более высокие темпы. Правящая верхушка, сохраняя тесные отношения зависимости от бывшей метрополии, проводила политику «либеральной экономики». Чтобы осуществлять такой курс, ей пришлось опираться на вождей и знать, чьи интересы выражали сначала Мавританский прогрессивный союз (МПС), а затем Партия мавританской перегруппировки (ПМП). Эти партии возглавлялись деятелями, которым колонизаторы, уходя из страны, передали бразды правления. В годы независимости эти деятели возглавили министерства и департаменты, стали лидерами правящей Партии мавританского народа (ПМН).

Многие функционеры и интеллектуалы, входившие в АММ, также были выходцами из родо-племенной знати. Они не были согласны с курсом лидеров МПС и ПМП. Но после 1960 г. во имя укрепления независимости и единства ИРМ руководители АММ вошли в правительство и ПМН, заняв в нем левое крыло.

До середины 60-х годов народные массы не участвовали прямо в политической жизни. Но тяжелое материальное положение лиц наемного труда, безработица, вызванная притоком отходников, которых нужда гнала из деревни, способствовали тому, что трудящиеся все чаще стали выходить на арену политической и социальной борьбы. В мае 1968 г. вспыхнула забастовка горняков в Зуэрате, подавленная с помощью армии. Однако забастовочное движение продолжалось. Им были охвачены промышленные предприятия, стройки. В начале 70-х годов активно выражали протест крестьянские массы, доведенные до отчаяния засухой, грабежом знати и торговцев, бездеятельностью местных органов власти. К рабочим и крестьянам начали присоединяться мелкие и средние чиновники, интеллигенция, особенно студенты и старшие школьники. Создавались профессиональные и корпоративные организации, объединявшие выходцев из различных этнорасовых групп. Члены этих организаций отказывались от интеграции с правящей партией. Наряду с выдвижением собственных требований они поддерживали требования рабочих и крестьян, также проводя забастовки и демонстрации.

Подъем движения масс угрожал правящей верхушке изоляцией. Стремясь ее избежать, руководство ПМН предприняло в

1972—1975 гг. серию акций, которая имела целью перехватить у оппозиции (НДД, ПМТ) инициативу и тем самым ослабить ее позиции. Оно выполнило ряд требований оппозиции, но сделало это от своего имени. Правительство денонсировало старые явно неокOLONиалистского характера соглашения с Францией, национализировало компанию «Миферма» (1975 г.), вышло из зоны франка и ввело национальную валюту (1973 г.). Все это проводилось под лозунгом «второй независимости», «борьбы против экономического неокOLONиализма» [127, с. 275].

Оппозиция, чтобы вернуть инициативу, призвала к созданию единого национального фронта и примирению на базе общей платформы. Эта платформа включала следующие пункты: 1) демократические свободы (слова, ассоциаций, собраний), освобождение политических заключенных; 2) национализация без выплаты компенсации иностранных предприятий, 3) экспроприация эмиров и крупных земельных собственников, снижение арендной платы за землю, освобождение рабов, повышение минимума заработной платы, помощь национальному частному капиталу, борьба против роста цен и спекуляции товарами первой необходимости, 4) решение национального вопроса на основе права наций на самоопределение, 5) эффективная поддержка сахарского народа, разрыв отношений с Испанией.

Летом 1975 г. большинство оппозиционных сил присоединилось к ПМН после проведения амнистии и признания руководством правящей партии, что отныне господствующей буржуазией в ИРМ будет не бюрократическая и компрадорская, а национальная.

Такое признание расходилось с реальностью. Бюрократическая элита в период 1964—1975 гг. еще больше укрепила свои позиции. Она возглавила национализированный (смешанный) сектор экономики, включавший рудники, банки, страховое дело, экспорт и импорт. Контролируя значительную часть средств производства и финансов, она имела свободу маневра во внутренней и внешней политике. Элита окрепла также политически и идеологически: усиливалось сращивание партийного и государственного аппарата, происходило слияние под эгидой ПМН всех политических течений и движений. Усиление роли бюрократической элиты обошлось без внутренних кризисов, при сохранении господства наиболее консервативных фракций.

Таким образом, в политической жизни происходили неглубокие перемены. Относительная стабильность режима сохранялась: ее обеспечивала общность интересов составляющих его сил, неспешная эволюция социально-экономической базы этого режима и оппортунизм официальной идеологии. Такой идеологией стал «мусульманский социализм», на словах провозгласивший ликвидацию всех видов эксплуатации человека человеком, но не изменивший отношений между трудом и капиталом, не упразднивший докапиталистических институтов (рабский труд, данничество).

Историю внешней политики ИРМ в 1960—1978 гг. можно условно разделить на три периода.

В 1960—1970 гг. мавританская дипломатия вела борьбу за самостоятельное существование и территориальную целостность страны, за ее международное признание. В 1970—1975 гг. руководство ИРМ пыталось идти собственным путем в рамках Движения неприсоединения и ОАЕ, выступать в роли активного партнера тех государств, которые уважали независимость и суверенитет республики. В 1975—1978 гг. произошел отход Нуакшота от принципов неприсоединения и ОАЕ, выразившийся в соучастии вместе с Марокко в разделе территории Западной Сахары.

Когда в 1960 г. провозглашалась независимость ИРМ, некоторые международные круги выражали сомнения в жизнеспособности республики. Нуакшот сразу же столкнулся с проблемой международного признания (де-факто и де-юре) и приема Мавритании в ООН. Ему пришлось доказывать, что ИРМ подлинно независимое государство, которое располагает реальными возможностями для самостоятельного развития.

В сложных условиях первых лет независимости руководство ИРМ проводило искусную внешнюю политику, которую отличали гибкость, смелость, последовательность в использовании разнообразных ситуаций. Оно упорно шло к достижению главной стратегической цели — международного признания, стремилось создать предпосылки для такого признания, упрочить связи с друзьями и соседями, приобрести новых партнеров, уважающих суверенитет и целостность ИРМ. Оно ставило задачу нейтрализовать, а затем и устранить угрозу со стороны Марокко.

Поддержку своим притязаниям Рабат получил со стороны Лиги арабских государств (ЛАГ). 23 августа 1960 г. ЛАГ приняла резолюцию, в которой утверждалось, что Мавритания — составная часть Марокко, что империализм стремится создать «искусственную реальность» под названием Исламская Республика Мавритания. Лишь Тунис, занимавший в ЛАГ особую позицию, признал правительство ИРМ. Рабат встретил также понимание со стороны созданной в январе 1961 г. Касабланкской группировки в составе ОАР, Ганы, Гвинеи, Мали, Марокко. Группа выразила солидарность с любой акцией Марокко в Мавритании, чтобы восстановить свои «законные права».

В первые годы независимости руководство ИРМ тесно сотрудничало с капиталистическим Западом, в первую очередь с Францией, а также с государствами Французского Сообщества. Конференция этих государств в Браззавиле 19 декабря 1960 г. обещала Нуакшоту твердую поддержку. В декабре того же года ИРМ участвовала в конференции в Яунде и поставила свою подпись под Хартией Афро-мальгашской организации для экономического сотрудничества (АМОЭС).

Вступление в АМОЭС и ООН (1961 г.) был первым международным успехом ИРМ. Стремясь его развить, руководство начало с укрепления отношений в первую очередь с «умеренными» режимами Тропической Африки, преимущественно «франкоязычными». Нуакшот участвовал в конференции в Тананариве (1960 г.), на которой была создана политическая группировка Афро-малагасийский союз (АМС), в который вошла АМОЭС. АМС сыграл заметную роль в приеме Мавритании в ООН. Он взял на себя обязательство гарантировать существование ИРМ (пакт о взаимной обороне государств — членов АМС).

Согласно уставу ОАЕ, созданный в мае 1963 г., политические группировки государств в Африке запрещались. Поэтому АМС и АМОЭС в 1964 г. были преобразованы в Афро-малагасийский союз для экономического сотрудничества (АМСЭС). Его первым председателем был избран М. ульд Дада, который становился, таким образом, фигурой международного масштаба.

Особенно тесно ИРМ сотрудничала с Францией. 19 июля 1961 г. были подписаны франко-мавританские соглашения, охватывавшие весь спектр двусторонних отношений. Нуакшот считал эти соглашения жизненно важными. Соглашения об обороне и военной помощи (Франция обучала и вооружала армию ИРМ, получала право размещать на мавританской территории войска и военные базы) должны были избавить Мавританию от угроз со стороны Марокко. Франция обеспечивала кадрами администрацию ИРМ, ее систему образования, различные отрасли экономики. Она финансировала деятельность крупных промышленных предприятий (например, компании «Миферма»), погашала дефицит государственного бюджета ИРМ.

Чрезмерная зависимость Нуакшота от Парижа позволяла недругам республики утверждать, что Мавритания — «искусственное образование», «пешка» в политической игре бывшей метрополии на Африканском континенте. Руководство ИРМ стремилось не только опровергнуть эти утверждения, но и предпринимало шаги для ослабления зависимости от Франции. Этому помогли отношения ИРМ с Тунисом. Тунис быстро признал независимость Мавритании. Между двумя государствами состоялся обмен посольствами, налаживалось многостороннее сотрудничество. Уже в 1961 г. Тунис предоставил 21 стипендию для стажировки мавританских юристов (в области шарията). Он послал в ИРМ специалистов для оказания помощи в создании в Бутилимите Национального института высших исламских исследований.

Сотрудничество с Тунисом позволяло Нуакшоту снять обвинения ряда арабских лидеров, утверждавших, что Мавритания — «придаток» блока франкоговорящих государств, и одновременно показать ее исламскую принадлежность. А 22 июля 1961 г. это сотрудничество приобрело международную окраску. В этот день М. ульд Дада осудил действия Франции в Бизерте: он назвал их «колониальной войной».

В 1963 г. делегация ПМН посетила Тунис для изучения опыта

правлящей партии «Новый Дустур». А в 1964 г. в Нуакшоте были подписаны соглашения о торговом, культурном, техническом сотрудничестве.

Последовательную позицию ИРМ занимала по алжирскому вопросу. Ее правительство поддержало право народа Алжира на самоопределение. На всех международных конференциях и в международных организациях Нуакшот защищал это право. Его называли «рупором Алжира» в Тропической Африке. Выступая на стороне Алжира, ИРМ отказалась участвовать во французском проекте освоения Сахары. М. ульд Дадда 16 ноября 1961 г. заявил в ООН, что отказ ИРМ участвовать в этом проекте связан с франко-алжирским конфликтом. Мы всегда считали, сказал он, что Алжирская Сахара является составной частью Алжира.

В 1963 г. ИРМ отказалась от французских субсидий, тем самым показав, что намерена ослабить свою экономическую зависимость от Парижа [109, с. 331].

Большое внимание Нуакшот уделил нормализации отношений с южными соседями. Колониальные границы, произвольно установленные Францией, были предметом споров между Мали, Мавританией и Сенегалом.

Сенегал не выдвигал конкретных территориальных притязаний, но во влиятельных кругах Дакара существовало мнение, что негрскому меньшинству правобережья было бы лучше находиться в составе Сенегала. Власти Сенегала неоднократно предоставляли убежище сепаратистам, преследовавшимся за свою деятельность в ИРМ. Сенегальская буржуазия выражала недовольство конкуренцией торговцев-мавров, обосновавшихся в городах Сенегала.

Несмотря на наличие этих негативных моментов, сенегальско-мавританские отношения были нормализованы. Подписанные двумя государствами соглашения основывались на взаимном уважении и взаимной выгоде. Быстроте и легкости урегулирования содействовал факт принадлежности Сенегала и ИРМ к Бразавильской группировке.

Более сложными были мавритано-малийские отношения. Мали требовало возвращения включенного в 1944 г. в состав Мавритании Восточного Хода, в котором ряд деревень был населен туарегами и сонинке. Входя в Касабланкскую группировку, оно поддерживало притязания Марокко на Мавританию. (Распространялись слухи о существовании марокканско-малийского плана раздела Мавритании.) Мали предоставляло убежище сепаратистам, преследовавшимся в ИРМ. Так, например, случилось после промарокканских выступлений в г. Нема в 1962 г. Чтобы избежать худшего, обе стороны, являвшиеся членами ООН и ОАЕ, пришли к выводу о необходимости нормализации отношений. Тем более что противостоявшие друг другу группировки (Касабланкская и Бразавильская) практически распались. В феврале 1965 г. в г. Каесе (Мали) состоялась встреча М. ульд Дадды с малийским президентом М. Кейтой. Ее результатом было подпи-

сание серии соглашений: о демаркации границы (несколько деревень, населенных туарегами и сонинке, отошли к Мали), о сотрудничестве в области экономики, торговли, транспорта.

С большей частью стран Западной Европы, прежде всего с членами ЕЭС, ИРМ установила отношения уже в 1960—1961 гг. По просьбе Франции страны ЕЭС содействовали приему Мавритании в ООН. Они же соглашались помогать Нуакшоту в осуществлении его планов развития. Инвестиции этих стран, а также США и Канады направлялись в горнодобывающую промышленность. Активной была и торговля между ИРМ и Западом. Под влиянием западных столиц Нуакшот установил отношения с Тайванем.

Тесными были контакты ИРМ с Испанией. Нуакшот рассчитывал с помощью Мадрида наладить сотрудничество с арабским миром, где Испания имела прочные позиции. Со своей стороны, режим Франко, стремясь вырваться из полуизоляции, пытался расширить круг партнеров на Африканском континенте. Испано-мавританские соглашения, подписанные в январе 1964 г., предусматривали широкое сотрудничество в области торговли, воздушного и морского транспорта, рыболовства. Помимо участия в эксплуатации рыбных богатств в пределах мавританского шельфа испанские капиталы вкладывались в строительство в Нуадибу рыбного порта, предприятий рыбообрабатывающей промышленности.

Сближение ИРМ с арабскими режимами, членами ЛАГ, оказалось трудным делом. Не порывая с друзьями и союзниками в Тропической Африке, Нуакшот делал все, чтобы доказать Арабскому Востоку независимость своего внешнеполитического курса. Он демонстративно придавал ему проарабскую и panaфриканскую ориентацию. ИРМ выступила за полную и окончательную ликвидацию колониализма в Африке, за африканское единство. Нуакшот резко осуждал политику западных держав в Заире. Нуакшот постоянно выступал в поддержку национально-освободительного движения в ЮАР и португальских колониях.

ИРМ вступила в Движение неприсоединения. В октябре 1964 г. М. ульд Дадда принял участие в конференции неприсоединившихся стран в Каире. Свое присутствие там он использовал для прорыва изоляции в арабском мире. Проарабская ориентация Нуакшота получила дальнейшее развитие в его оценке ближневосточной ситуации. Он последовательно поддерживал борьбу арабского народа Палестины и осуждал политику Израиля. На упомянутой конференции в Каире (октябрь 1964 г.) М. ульд Дадда назвал Израиль «креатурой и баловнем империализма».

Прорыву изоляции ИРМ в арабском мире особенно помогла победа алжирского народа в национально-освободительной борьбе. После провозглашения Алжиром независимости между двумя государствами были установлены отношения дружбы и тесного сотрудничества. Эти отношения для ИРМ были своеобраз-

разной гарантией ее позиций как в арабском мире, так и в сообществе радикальных африканских режимов. Толчком к еще большему сближению ИРМ с Алжиром послужил алжиро-марокканский вооруженный конфликт в 1963 г. Нуакшот осудил «аннексионистские цели» Марокко. Такая позиция ИРМ оказала благоприятное воздействие на ОАР. Первые мавритано-египетские контакты имели место уже в мае 1963 г. на учредительной конференции ОАЕ в Аддис-Абебе. М. ульд Дадда дважды встретился с Насером. Во второй половине 1963 г. состоялся обмен правительственными делегациями. В октябре 1964 г. Каир официально признал ИРМ.

Среди радикальных режимов Тропической Африки первой на сближение с Нуакшотом пошла Гвинейская Республика. Ее правительство поддержало идею М. ульда Дадды о сотрудничестве государств, еще входивших в Касабланкскую и Браззавильскую группировки. Руководство ИРМ проявило интерес к опыту однопартийной системы в Гвинее. В октябре 1963 г. и декабре 1964 г. состоялся обмен официальными визитами на высшем уровне.

Медленно и осторожно, с оглядкой на Запад и Браззавильскую группировку, Нуакшот устанавливал контакты с социалистическими государствами. Лишь в июле 1964 г. мавританская миссия доброй воли посетила Москву. Результатом визита было решение обменяться посольствами. В декабре 1964 г. группа советских специалистов прибыла в ИРМ, чтобы на месте изучить перспективы технического сотрудничества. В том же году Нуакшот признал КНДР, установил торговые отношения с КНР (не разрывая связей с Тайванем). Также в 1964 г. было подписано мавритано-югославское соглашение об экономическом сотрудничестве.

Следовательно, в период 1960—1965 гг. ИРМ добилась ощутимых успехов во внешней политике. Но ей еще не удалось нормализовать отношения с Марокко, по-прежнему считавшим режим Нуакшота «незаконным». Противоречия между Рабатом и Нуакшотом усугубились еще и тем, что тот и другой объявили о своих притязаниях на Испанскую Сахару.

Руководители ИРМ понимали, что для превращения страны в «соединительный мост» между Тропической и Северной Африкой требовалось, во-первых, стать более самостоятельной по отношению к Афро-малагасийскому союзу (АМС), во-вторых, улучшить отношения со всеми государствами Севера Африки, включая Марокко. Выполнению этих задач Нуакшот уделил особое внимание.

В 1965 г. главы многих франкоговорящих государств собрались в Нуакшоте. На конференции АМСЭС был преобразован в ОКАМ. Но уже через три месяца на конференции в Абиджане ИРМ резко ограничила свои связи с ОКАМ в знак протеста против приема в эту организацию правительства М. Чомбе (Конго-Леопольдвиль), считая его политическим актом, тогда как ОКАМ была организацией экономической. Отме-

жевавшись от политических акций ОКАМ, ИРМ сохранила членство в ее экономических и технических службах. Она объявила себя сторонницей регионального сотрудничества, особенно с соседями, тем самым конкретизируя принципы ОАЕ относительно африканского единства.

ИРМ была в числе инициаторов проекта использования вод р. Сенегал. Присоединение к этому проекту Сенегала, Мали и Гвинеи расценивалось как новая дипломатическая победа Нуакшоты. В 1964 г. была создана межгосударственная комиссия бассейна р. Сенегал, которая в 1968 г. была преобразована в Организацию речных государств Сенегала (ОРГС). Вспыхнувший вскоре сенегальско-гвинейский конфликт привел к выходу Гвинеи из ОРГС. В мае 1972 г. на встрече в Нуакшоте вместо ОРГС была создана Организация по освоению бассейна р. Сенегал (ООБС) в составе ИРМ, Мали, Сенегала. И хотя деятельность перечисленных выше организаций долго не давала конкретных результатов, ИРМ из участия в них извлекла политические выгоды.

Готовность ИРМ участвовать в усилиях государств Сахеля в борьбе с засухами, урегулирование споров с Мали, дружба с Нигером, установление дипломатических отношений с Эфиопией (1966 г.), поддержка федерального правительства Нигерии во время гражданской войны (1967—1970), визиты правительственных делегаций в Танзанию и Замбию (1968 г.), Сомали и Судан (1969 г.), поддержка национально-освободительных движений в ЮАР, Зимбабве, португальских колониях, стремление к диалогу с арабскими государствами, принципиальная позиция в ОКАМ, желание играть роль арбитра в Западной Африке снискали Нуакшоту авторитет, намного превосходивший потенциал ИРМ — политический, экономический, военный. Общеафриканским признанием этого стало избрание М. ульд Дадды в 1972 г. председателем ОАЕ. Находясь на этом посту, М. ульд Дадда посетил почти все африканские столицы и использовал свои визиты в интересах двустороннего сотрудничества, упрочения международных позиций ИРМ. А последовательная поддержка арабского народа Палестины не могла не завоевать Нуакшоту признательность стран Арабского Востока.

В первые же дни независимости ИРМ объявила себя противницей агрессии Израиля против арабских государств. Помимо словесных заявлений она предприняла и практические шаги, оказав дипломатическую поддержку ОАР во время «шестидневной войны» 1967 г. Были разорваны дипломатические отношения с США (7 июня 1967 г.), которые Мавритания обвинила в пособничестве Израилю. ИРМ осудила израильскую оккупацию Синая, Голанских высот, Западного берега р. Иордан, дала согласие на открытие представительства ООП в Нуакшоте (1969 г.), сделала взнос в фонд помощи странам, пострадавшим от израильской агрессии.

ИРМ укрепляла связи с арабскими странами, расширяя со-

трудничество особенно в сфере образования и здравоохранения, подготовки кадров, культурных контактов. Мавританцы учились в университетах Египта и Кувейта. С 1970 г. ИРМ стала получать культурную помощь от Туниса и Саудовской Аравии, позже — от Сирии, Ирака, Ливии, Алжира. Особенно высоко ценили в Нуакшоте связи с насеровским Египтом. Египет оказывал ИРМ существенную техническую помощь. После Насера отношения Нуакшоты с Каиром стали ослабевать.

С 1965 г. роль главного арабского союзника ИРМ стал играть Алжир, предоставивший Мавритании заем на сумму 15 млн. динаров. В страну прибыли алжирские специалисты. АНДР взяла на себя подготовку армии и полиции ИРМ. Между Нуакшотом и Алжиром установилось единство взглядов относительно деколонизации Испанской Сахары. Тесные связи существовали также на уровне правящих партий.

В начале 70-х годов произошло сближение с Саудовской Аравией и Ливией. Расширение контактов Нуакшоты с Эр-Риядом строилось сначала на религиозной почве — оба государства объявили себя «исламскими». Позже Нуакшот стал получать финансовую помощь от саудовцев. В годы правления сенуситской монархии отношения между ИРМ и Ливией отсутствовали. После прихода к власти Совета революционного командования (1 сентября 1969 г.) стало налаживаться мавритано-ливийское сотрудничество в области торговли и финансов, а также на почве общности религии.

Но самым крупным успехом внешней политики ИРМ было участие ее делегации в исламской конференции, проходившей осенью 1969 г. в Рабате. 26 сентября М. ульд Дада встретился с марокканским королем Хасаном II. И уже в феврале 1970 г. в Нуакшот прибыл первый посол Марокко. Вскоре ИРМ вступила в региональную экономическую организацию стран Магриба. А в 1973 г. она была принята в ЛАГ. В годы мирового нефтяного кризиса ИРМ стала получать помощь на льготных условиях от арабских нефтедобывающих государств, особенно Кувейта, Объединенных арабских эмиратов (ОАЭ). Финансовая помощь арабских стран позволила Нуакшоту в какой-то мере освободиться от господства одного капитала — французского и получить некоторую возможность для маневрирования. Еще большие возможности для маневра дало ей вступление в Движение неприсоединения, трибуна ООН. ИРМ присоединилась к Группе 77-ми, которая вела кампанию за новый международный экономический порядок. Действия ее правительства на мировой арене становились более самостоятельными и смелыми. Оно, например, признало национально-освободительные движения Южного Вьетнама и Кампучии. Действия США в странах Индокитая квалифицировало как «подлинный геноцид» [109, с. 344—345].

Все это позволило руководству ИРМ провозгласить в начале 70-х годов политику «равного удаления» от Востока и Запада. На практике происходило сближение с первым и удаление от

второго. Наиболее яркий пример тому — расширение сотрудничества и деловые отношения с Москвой, Прагой, Будапештом, Бухарестом, Софией, Ханоем, Пекином. После подписания с КНР соглашения об установлении дипломатических отношений посольство Тайваня было закрыто. Такие же отношения в 1965 г. Нуакшот установил с Тираной.

В октябре 1966 г. было заключено мавритано-советское торговое соглашение. СССР поставлял в ИРМ машины, медикаменты, хлопчатобумажные ткани, химические продукты. В соответствии с соглашением о культурном и научно-техническом сотрудничестве от 1967 г. в СССР учились мавританские студенты, а советские специалисты в области гражданской авиации работали в ИРМ.

Особенно тесными были связи ИРМ с КНР. В феврале 1967 г. между двумя странами были подписаны соглашения об экономическом, культурном, научно-техническом сотрудничестве. КНР предоставила ИРМ заем на сумму 1 млрд. афр. фр. (срок 20 лет, погашение за счет поставок товаров). В октябре того же года М. ульд Дадда нанес официальный визит в Пекин. В 1971 г. КНР предоставила новый заем (5,6 млрд. афр. фр.) на строительство порта Нуакшот. В ИРМ работали китайские медицинские работники, специалисты по рисоводству. КНР направляла также дары в виде медикаментов, школьных принадлежностей. Китайцы построили в Нуакшоте и подарили ИРМ Дом молодежи и Дворец культуры. Они же финансировали создание инфраструктуры в сельской местности (строительство колодцев, продовольственных складов) и в городах (в Нуакшоте — водопровод, теплоцентральный).

Заявления руководства ИРМ 60-х годов о намерении добиться экономической независимости от Запада оставались декларациями. Запад в течение этого периода оставался главным торговым партнером ИРМ, основным источником финансовой и технической помощи. Например, доля пяти западноевропейских государств (Франции, Англии, ФРГ, Италии, Бельгии) в мавританском экспорте в 1969 г. достигала 83%. Доля одной Франции в импорте ИРМ в том же году составила 37% [109, с. 346].

В 1972—1975 гг. руководство ИРМ обращалось за поддержкой то к старым партнерам (капиталистическому Западу), то к новым (государствам Тропической Африки, арабскому миру). Не последнее место в его стратегии и тактике занимали страны СЭВ, КНР, СФРЮ. Во время арабо-израильской войны в октябре 1973 г. ИРМ твердо встала на сторону арабов. Как член ЛАГ, она оказывала им дипломатическую и материальную поддержку. Поэтому ОПЕК включила Мавританию в число государств — получателей помощи нефтедобывающих стран. Для ИРМ это обстоятельство имело огромное значение: 94% энергетических ресурсов страны составляли импортные нефтепродукты. К тому же финансовая помощь поступала по государственной линии, на льготных условиях, в твердой валюте. В 1973—1975 гг. ОАЭ пре-

доставили Мавритании 83,77 млн. долл., Ливия — 53,84 млн., Кувейт — 49,55 млн., Саудовская Аравия — 33,5 млн., Катар — 12 млн., Ирак — 2,5 млн., Алжир — 0,68 млн., различные арабские фонды — 6,6 млн. А всего — 242,44 млн. (подсчитано по [109, с. 353]). Помощь по государственной линии дополняли арабские частные инвестиции, совместное участие в создании новых предприятий в ИРМ. Частные инвестиции одного Кувейта оценивались в 100 млн. долл.

Сближение с арабскими миром не мешало ИРМ сохранять тесные отношения со странами Тропической Африки. Нуакшот последовательно осуществлял проекты в правобережье р. Сенегал: развивал экономику районов Горголя и Гидимаки, значительная часть шоссейной магистрали Нуакшот—Нема проводилась через эти районы. Чтобы проекты были эффективными, требовалось рационально использовать воды р. Сенегал. Это объясняет повышенную заинтересованность Нуакшота в работе Организации по освоению бассейна р. Сенегал.

ИРМ была в числе учредителей экономического сообщества Западной Африки (КЕАО). Не удовлетворившись узкими рамками КЕАО, Мавритания 27 мая 1975 г. стала участником создания Экономического сообщества государств Западной Африки (ЭКОВАС), которое объединило все 16 государств этой части континента. Но участие в региональных организациях не могло обеспечить страну крупными капиталовложениями. За ними Нуакшот, как и прежде, обращался к Западу.

Осуществляя «индустриализацию», руководство ИРМ привлекало помощь отовсюду, в том числе из стран Латинской Америки: строительство трансмавританской шоссейной магистрали вела, например, Бразилия. Сооружение нефтеперерабатывающего завода было отдано Австрии, а сахарного — США. В абсолютных цифрах помощь Запада за 1972—1974 гг. выросла с 9,11 млн. долл. до 52,66 млн. [109, с. 354—355].

В июне 1972 г. НПБ ПМН приняло решение о пересмотре старых экономических (и прочих) соглашений с Францией. После напряженных переговоров были подписаны в феврале 1973 г. новые. Среди них отсутствовали соглашения об «обороне» и валюте. В том же году Нуакшот осуществил маневр: согласился выплатить компенсацию частным компаниям (и акционерам) за национализированное имущество, что было благоприятно оценено в западных столицах.

В 1975 г. руководство ИРМ считало политическое, экономическое, социальное положение страны настолько прочным, что пошло на несвойственные ему в прошлом нарушения принципов Движения неприсоединения и ОАЕ. Это касалось проблемы бывшей Испанской Сахары. Вовлечение ИРМ в сахарский кризис было роковым для режима М. ульд Дадды внешнеполитическим просчетом. В Нуакшоте не учли стремления сахарцев к самоопределению и созданию собственного государства. Нуакшот допустил резкое понижение престижа ИРМ в Движении неприсое-

динения, ОАЕ и ООН: Мавритания утратила ореол малой страны, способной самостоятельно определять собственное будущее, подорвала свою многолетнюю репутацию поборника африканского единства. Сахарцы, объединившись вокруг Фронта ПОЛИСАРИО, отказались признать тройственное испано-мавритано-марокканское соглашение (Мадрид, 1975 г.) и взялись за оружие. Их поддержали некоторые арабские страны, прежде всего АНДР. Так руководство ИРМ было прямо вовлечено в вооруженный конфликт, чего оно всегда стремилось избегать.

Резко возросшие военные расходы осуществлялись в период жесточайшей засухи и резкого падения мировых цен на железную руду. Благополучный до того платежный баланс уже в 1976 г. был сведен с огромным дефицитом (около 3 млрд. угий). Нуакшот обратился к международным организациям с призывом о помощи продовольствием.

Не имея возможности наличными силами отражать атаки отрядов Фронта ПОЛИСАРИО, Нуакшот обратился к Франции с просьбой усилить потенциал ИРМ. Тем самым он пошел на частичный возврат к франко-мавританским отношениям, существовавшим до 1973 г. Париж согласился поставлять вооружение, посылать военных специалистов. Но долго воздерживался от прямого военного вмешательства. Лишь в 1976 г. под предлогом защиты французских граждан французское правительство разрешило использовать военные самолеты (базировались в Сенегале) в так называемых операциях преследования. А в 1977 г. в ИРМ были направлены подразделения вооруженных сил Франции.

Все более тесным становилось мавритано-марокканское военное сотрудничество. Конечно, руководители ИРМ помнили, что до 1969 г. Рабат отрицал законность независимой Мавритании. Поэтому они долго противились допуску в страну марокканских войск, но в 1977 г. пошли на это. 13 мая 1977 г. Нуакшот и Рабат заключили договор, в соответствии с которым был создан комитет совместной обороны и в ИРМ прибыл марокканский экспедиционный корпус [129, с. 246, 249].

Нуакшот принял заем от Марокко, чтобы выкупить имущество компании «Сомима». В 1976 г. было учреждено Мароккано-мавританское агентство сотрудничества, капиталы которого на 100% принадлежали Рабату. Вакуум, возникший после разрыва мавритано-алжирских отношений (7 марта 1976 г.), стало заполнять Марокко. В ИРМ подняли голову сторонники мавритано-марокканской интеграции.

Растущую зависимость от Марокко лидеры ИРМ стремились уравновесить сотрудничеством с умеренными арабскими режимами — Кувейтом, ОАЭ, Саудовской Аравией.

Обострение сахарского кризиса негативно воздействовало на обстановку внутри Движения неприсоединения и в ОАЕ. Под угрозой оказались принципы безопасности Африки: признание границ, унаследованных от колониализма, и право народов конти-

нента на самоопределение. Сахарский кризис, нерешительность ОАЕ в его разрешении грозили вызвать цепную реакцию. Например, в июле 1977 г. руководство Сомали развязало крупномасштабный конфликт на Африканском Роге. ОАЕ и арабский мир раскололись по вопросу о решении сахарского кризиса. А Марокко и ИРМ делали все, чтобы не допустить официального обсуждения в ОАЕ обстановки в Северо-Западной Африке (в том числе угрожали ОАЕ бойкотом). ИРМ разорвала отношения со странами Африки, признавшими Сахарскую арабскую демократическую республику (САДР), в первую очередь с АНДР, Мадагаскаром, Бенином, и сблизилась с Заиром, который согласился финансировать и осуществлять некоторые мавританские проекты.

Затягивание сахарского кризиса угрожало все еще хрупкому национальному единству. Многие кочевые племена, особенно на севере ИРМ, симпатизировали борьбе сахарцев, материально поддерживали ее. Ей симпатизировала «левая» оппозиция, противостоявшая ПМН. Враждебность негрского населения военным усилиям правительства неуклонно возрастала. Падали престиж и авторитет М. ульд Дадды. Он растрачивал тот капитал доверия, который приобрел в 1960—1975 гг. А это было опасно не только для правящего режима, но и для самой ИРМ. Несомненно, сахарский кризис стал еще одной, последней и решающей, причиной государственного переворота 10 июля 1978 г.

Культурное строительство

Одной из важнейших задач молодого государства стали возрождение и развитие национальных культур ее народов. Наследство, доставшееся ИРМ, было тяжелым. Особенно в области образования, от уровня которого во все времена зависит уровень культурной жизни общества. В первые годы независимости охват детей школами оценивался ниже 9% (23,6 тыс. из 265,2 тыс. в 1967/68 учебном году). Общее число неграмотных достигало почти 90% (1968 г.). Читать и писать по-арабски могли 10% жителей, по-французски — 1,4% [108, с. 313, 314].

До начала 70-х годов Франция сохраняла сильные позиции в идеологической жизни Мавритании. Если судить по документам о франко-мавританском сотрудничестве, то бывшая метрополия продолжала нести свою «долю ответственности» за образование в ИРМ. Французская помощь республике была лишь незначительной частью огромного комплекса международных культурных акций Парижа. Эти акции представляли собой один из важных аспектов его мировой политики. Париж настойчиво продвигал в жизнь планы создания в Африке «франкофонного пространства», «консолидации франкофонной Африки» [128, с. 315—316]. При этом культурные контакты тесно увязывались с контактами политическими и экономическими. Нередко первые предшествовали вторым, дополняли их и подкрепляли.

Поскольку руководство ИРМ еще в 1960 г. приняло французский в качестве официального языка, Париж стремился к тому, чтобы такой выбор стал окончательным. Для этого требовалось внедрять французский в широкие слои населения, в первую очередь в молодое поколение. И главным орудием внедрения была избрана школа. Франция не опасалась конкуренции со стороны местных языков (исключая хасания), считая, что они, во-первых, бедны с точки зрения лексики, грамматики, словарного запаса, во-вторых, распространены в основном среди сельского населения, в-третьих, не являются инструментами межэтнического общения и многогранной деятельности всего общества [128, с. 316].

Но реальную угрозу своим «культурным» планам Франция видела в арабском языке (диалект хасания), распространению которого способствовали ислам и идеологическая политика влиятельных государств Арабского Востока. Этой угрозе она противопоставляла свои аргументы: французский язык — язык международного общения, «инструмент единства» мавританского многоэтнического общества, носитель высокой культуры, орудие современного экономического и социального прогресса. Мавритания постоянно привлекалась к участию в ежегодных конференциях министров образования франкоговорящих государств Африки. В ИРМ регулярно направлялись обучающий персонал и учебные материалы, проводились разного рода педагогические исследования, создавались культурные центры. Мавританцам настойчиво внушалась идея: поскольку французский язык является официальным, то между Парижем и Нуакшотом существуют прочные узы духовной солидарности.

В культурной экспансии Париж добился некоторых результатов, но не таких крупных, на которые рассчитывал. До 1968 г. в Мавритании существовали такие же структуры системы образования, методики и программы обучения, как во Франции. Руководителем общего директората, подчинявшегося министру национального образования, был один из французских экспертов. Он же был советником министра, контролером французского преподавательского персонала. До 1967 г. в школах изучали историю и географию по старым учебникам. Количество учебных часов, во время которых преподавание велось на арабском языке, было явно недостаточным.

Таким образом, для системы образования ИРМ еще долго было характерным деление на французскую («современную») и арабскую («традиционную»). Такой двойной ориентацией отличалось и школьное законодательство. Например, закон 1961 г. поставил перед начальной школой следующие цели: с одной стороны, сохранять и развивать традиционную культуру, вдохновляемую духовными ценностями ислама, а с другой — давать такие знания и духовный заряд, которые требуют интеграции страны в современный мир. В рамках охраны традиционной культуры было принято в 1961 г. решение о создании Национального института высших исламских исследований. В его задачи входило

ло распространять и развивать исламскую и арабскую культуру, обеспечивать подготовку мусульманских ученых (улемов), преподавателей, судей. В том же, 1961 г. была предпринята попытка национализировать франко-арабскую школу в Бутилимите, что позволило бы правящей бюрократии контролировать подготовку прослойки образованных традиционалистов (в школе по-прежнему обучались дети из семей родо-племенной знати).

Руководство ИРМ понимало, что развитие культуры потребует совершенствования системы образования. Уже первый четырехлетний план (1963—1966) намечал увеличить число учащихся начальных школ до 28 тыс. Однако в 1967 г. их было меньше — 21 тыс. Повышению качества образования препятствовал низкий уровень квалификации преподавателей. В 1968 г. из 1036 учителей начальных школ только 128 (12,4%) имели педагогическую подготовку. Чтобы готовить кадры преподавателей в самой ИРМ, в 1964 г. было основано первое педагогическое училище, готовившее двуязычных (с арабским и французским) преподавателей. До 1968 г. оно выпустило 40 и переподготовило 150 учителей [108, с. 322].

Географическое размещение начальных школ оставалось неравномерным. В наиболее благополучной Юго-Западной Мавритании в школу мог попасть один из четырех детей (в городах — один из пяти), в остальных районах — один из шестнадцати [128, с. 322]. Половина начальных школ имела только один класс. Число учащихся в каждом городском классе в два-три раза было выше, чем в сельском (соответственно 60—70 и 20—25).

Так же медленно улучшалось положение в средней школе. Правда, наметки плана 1963—1966 гг. были перевыполнены (1900 учащихся против 1560 по плану). Но перевыполнение было достигнуто за счет качества. Отбор среди выпускников начальной школы был менее строгим, чем требовалось. Трудно было с преподавателями. В 1967/68 г. из 104 учителей было 60 французов, 34 мавританца, 10 — выходцы из Туниса, Египта, Алжира, Палестины [107, с. 323]. В старших классах (второй цикл) занятия вели только французы. Полное среднее образование давал один лицей (мужской в Нуакшоте) из трех [107, с. 323]. Однако в 1968 г. в стране действовали уже четыре педагогических училища: в Атаре, Аюн-эль-Атрусе, Боге, Каэди — с общим числом студентов — 843. Они готовили учителей для начальных и неполных (первый цикл) средних школ. Плохо обстояло дело с подготовкой учителей-женщин.

Собственной светской высшей школы Мавритания не имела до 1971 г., когда был основан Педагогический институт. Большинство студентов обучалось за границей на стипендии, предоставлявшиеся властями страны пребывания. В 1969 г. 20 мавританцев учились во Франции, 40 — в Сенегале. В арабских странах (в Египте — 24, Алжире — 11 и т. д.) они изучали в основном мусульманское право и литературу. Студентов из ИРМ принимали и в социалистических странах (например, в СССР их

было 17). Всего в 1970 г. вне ИРМ получали высшее образование более 150 (включая стажеров) мавританцев [107, с. 324].

Первые технические учебные заведения были созданы уже в 60-е годы. В центре Мамаду Туре (Нуадибу, основан в 1960 г.) обучали рабочих для предприятий города-порта. Компания «Миферма» организовала в Нуадибу и Зуэрате курсы по подготовке железнодорожников низшей квалификации. Позже (с 1970 г.) эти курсы стали обучать кадры среднего звена для горного дела, портового строительства, железной дороги. Основанный в 1962 г. в Каэди центр готовил специалистов по земледелию, животноводству, лесному хозяйству. В открытых в 1966 г. техническом колледже и техническом лицее готовили высококвалифицированных рабочих для различных отраслей экономики [107, с. 324]. В том же году в столице была основана двухгодичная национальная школа управления (в 1968 г. преобразована в Высшую административную школу, получившую в 1981 г. статус вуза). Она готовила государственных служащих. В ней имелось отделение для стажировки и переподготовки.

Руководство ИРМ последовательно осуществляло кампанию борьбы с неграмотностью взрослых. В середине 60-х годов были созданы центры просвещения в Нуакшоте, Нуадибу, Заэрате, Акжужте [107, с. 324].

Наряду с системой светского образования функционировала система традиционного религиозного. Мусульманская школа имела три ступени — низшую (изучение Корана, арабского языка), среднюю (на уровне семинарии) и высшую. В Национальном институте высших исламских исследований (Бутилимит, основан в 1961 г. с помощью Туниса) ежегодно обучалось около 200 слушателей. Его выпускники получали дипломы, эквивалентные дипломам светской средней школы [107, с. 319—325].

До 1965 г. власти делали ставку на количественные изменения в системе образования: увеличивался охват детей школой, росли бюджетные ассигнования. Но вскоре обнаружились недостатки такой политики, которая, во-первых, вела к качественной деградации образования, во-вторых, к малой продуктивности возраставших расходов (в ИРМ в 1967 г. в 2,5 и 4 раза больше, чем в Сенегале и Того соответственно) [107, с. 328]. Массовый наплыв детей в школу вызвал острую нехватку преподавателей (к тому же многие из них были переведены на административные и политические посты, а часть учителей-французов выехала из ИРМ) и, естественно, резкое снижение уровня обучения. Страна несла большие расходы и получала ничтожно малую отдачу. Например, из каждой тысячи учащихся начальной школы заканчивали ее лишь 20—25%. В среднюю попадала половина выпускников начальной. Аттестат неполной средней школы получали 30—35%, полной — 9—10%. А экзамены на диплом бакалавра, открывавший путь к высшему образованию, сдавали единицы (двое-трое из тысячи).

В 1966 г. правительство отказалось от политики «количества

ради количества» и отдало предпочтение политике «качества». Назначенная съездом ПМН (1965 г., Аюн-эль-Атрус) культурная комиссия представила в 1968 г. проект школьной реформы, основные положения которой сводились к улучшению обучения в начальной школе, ужесточению отбора учащихся для средней, созданию системы профессионально-технической подготовки для неуспевающих и отчисленных из начальной и средней школ, усилению трудового обучения в зависимости от потребностей и специфики районов. Особое место в реформе занимало предложение утвердить в школах принцип «двуязычия» с креном в сторону арабского языка.

Хотя комиссия объявила французский язык «необратимым выбором», она выразила уверенность, что арабский, являющийся пока «национальным», вскоре также станет официальным. По ее мнению, изучение арабского укрепит исламское сознание мавританцев, послужит целям «формирования нового человека», борьбе с чувством «культурного отчуждения», с антирелигиозными и антинациональными течениями. Руководство ИРМ приняло проект реформы и попыталось провести ее в жизнь. Однако заметных сдвигов не произошло. По-прежнему количество превалировало над качеством. Добавилась и новая острая проблема — численный рост отряда образованных безработных. Штаты низшего звена учреждений и предприятий были переполнены, а среднего — заняты иностранцами.

Существовавшая в ИРМ система образования еще сохраняла существенные ей пороки колониального периода. Обучение в школах велось на чужом (французском) языке. Привилегированное образованное меньшинство говорило на языке, который не понимало 95% населения. Школа все еще игнорировала местные культурные ценности, создавала у учащихся духовное родство с чужой (французской) культурой. Система образования объективно служила цели формирования местной элиты, мало приспособленной для национального развития, оторванной от народных масс, интеллектуально и эмоционально привязанной к культуре бывшей метрополии. Система образования также мало соответствовала уровню развития самого мавританского общества, а поэтому не могла в полной мере содействовать его прогрессу. Она порождала у коренных жителей пассивность, отсутствие инициативы, презрение к физическому и сложному техническому труду, культ диплома, стимулировала отход образованной молодежи в города на государственную службу и в конторы частных компаний.

Школа оставалась «машиной» воспроизводства социального неравенства. Опрос в 1968/69 учебном году показал, что 70% учащихся составляли выходцы из верхов и только 10% — из низов (20% — не дали ответа). Первые отдавали предпочтение гуманитарному образованию (сохраняли пренебрежение к физическому и сложному труду) [107, с. 347]. На долю вторых оставалось техническое.

Успешное окончание средней школы почти гарантировало поступление на государственную службу. Зажиточные семьи считали, что такая служба обеспечит постоянный высокий доход. Государственная служба для подавляющего большинства выпускников, в первую очередь из верхних слоев, давала возможность сразу попасть в ряды правящего «класса».

Видя недостатки системы образования, руководство страны выдвинуло лозунг «деколонизации» мавританца, его духовного освобождения [167, с. 399]. Освобождение культуры и языка, по его мнению, призвано было стать «третьей» независимостью («первая» — политическая, «вторая» — экономическая). Путь к этому правящие круги видели в формировании «нового человека», освободившегося от наследия, доставшегося от колониализма, воспринявшего подлинно национальные культурные ценности. М. ульд Дадда утверждал, что завоевание полной независимости требует «перестройки мышления». Главные инструменты такой перестройки, по его мнению, национальная культура и арабский язык. Президент призывал повернуться лицом к истокам религии, к постепенной реабилитации арабского языка и араб-исламской культуры. Вместе с тем он считал, что Мавритания должна быть открытой для внешнего мира. Мы, утверждал он, не можем замыкаться в «башню из песка», формирование нового человека предполагает синтез между национальными ценностями и достижениями мировой цивилизации [206, 6.02.1973].

В 60—70-е годы руководство ИРМ последовательно осуществляло в области культуры эти установки. Укрепляя позиции мусульманской религии, арабского языка, оно вместе с тем оставляло мавританское общество открытым для проникновения внешних культурных влияний. В 1973 г. была создана Национальная комиссия по координации научной деятельности и разработке направлений научных исследований. Она занималась вопросами как экономики, так и культуры. В задачи, например, Института научных исследований (основан в 1975 г.) входит изучение культурного наследия мавританцев. В него входят отделы археологии, манускриптов, истории, лингвистики, социологии. Результаты исследований сотрудников регулярно публикуются. Филиалы института созданы в Шингетти, Тишите, Бутилимите. В фондах института насчитывается около 4 тыс. древних рукописей и книг. Позже (в 1980 г.) был создан Институт национальных языков [7, с. 121].

В годы независимости было основано несколько публичных библиотек, которые обслуживают население и ведут научную работу. Среди них — в Нуакшоте Национальная библиотека (основана в 1965 г.), Центр педагогической документации (1962 г.), Библиотека культурного центра Сент-Экзюпери (1964 г.). Имеются библиотеки при научных и учебных заведениях: Национальном институте высших исламских исследований (Бутилимит, 1961 г.), Высшей административной школе (Нуакшот, 1968 г.), Педагогическом институте (Нуакшот, 1970 г.).

Важное значение придается изучению, охране и восстановлению архитектурно-исторических памятников и произведений искусства. Созданная в 1974 г. Государственная комиссия по спасению национального культурного достояния тесно сотрудничает с ЮНЕСКО. Единственный пока в ИРМ Национальный музей находится в Нуакшоте [126, с. 151; 7, с. 122].

Провозглашение независимости дало толчок развитию современных форм архитектуры, изобразительного и прикладного искусства, музыки и танцев, кино. Заметные изменения произошли и в литературе.

Столица Мавритании — Нуакшот (заложен в 1958 г.) свободно раскинулся на морском побережье, хорошо распланирован. Здания малоэтажные: бывшее Национальное собрание, резиденция главы государства, Центральный банк имеют два этажа, национальный госпиталь — три. Архитектуру служебных и жилых сооружений отличают простота и рациональность. Наряду с бетоном широко использован кирпич. Окна затенены солнцезащитными ребрами, решетками, навесами. Такая же архитектура характерна для новых кварталов других городов ИРМ.

Художественные ремесла отличаются изобретательностью и высоким мастерством. Изделия из самых различных материалов насыщены орнаментом, где элементы узора несут в себе особый, скрытый, но понятный посвященным смысл. Каждый ремесленный центр имеет специализацию: в Медердре изготавливают изделия из простых металлов, в Атаге — из серебра, в Аlege и Бутилите — из дерева, в городах Таганта — из кожи, Валата славится художественными изделиями из глины.

В музыке и танцах мавров и негроидов продолжали господствовать традиционные жанры и стили. Однако с ними постепенно начала конкурировать современная самодеятельность, сочетающая традиции мавританской и европейской легкожанровой эстрады. Особенно большой популярностью самодеятельные коллективы пользуются у молодежи. Такие коллективы используют современные музыкальные инструменты (электрогитары, ударные) и средства музыкальной выразительности, близкие европейским образцам.

В стране были заложены основы национального балета, который первое испытание прошел на Панафриканском фестивале культуры (Алжир, 1969 г.). Исполнение им танцев различных мавританских народностей пользовалось большим успехом у зрителей.

Но особенно гордятся в Мавритании достижениями национального кино. Среди произведений киноискусства особо выделяются работы режиссера Меда Хондо и Сиднея Соконы, получившие высокую оценку на международных фестивалях. Для этих работ свойственны самобытность, высокое художественное мастерство, социальная заостренность, гражданская ответственность.

В литературе продолжала преобладать поэзия, которая по-

прежнему делилась на классическую и народную. Авторы шир так же, как и прежде, пребывали в «башне из слоновой кости». Творцы гна жили в гуще народной и пытались отражать реальную действительность. Их отличали щедрость, готовность расходовать свой талант, делиться тем, что создали сами и получили от собратьев по поэтическому творчеству.

Большое влияние на становление современной народной поэзии ИРМ оказал поэт-певец Хаммам (настоящее имя — ульд Мухаммед ульд аль-Моктар), неофициальный «принц поэтов». Он был признанным мастером гна, особенно в жанрах острой сатиры и юмора. Хаммам осмеливался поднимать руку на шир: пародировал грамматику классического арабского языка, подавал в карикатурном виде арабизированные слова диалекта хасания. Он высмеивал улемов-схоластов, «врачей», лечивших знахарскими методами. За все это заслужил звание «мавританского Мольера». Хаммам был также мастером эпического жанра: он писал не только о внутренних, но и о международных событиях. В годы войны был заключен в тюрьму за участие во французском Движении сопротивления.

Хаммам осуществил эксперимент: создал театр на языке хасания, в котором главное место отводилось гна. Ставил пьесы в жанрах комедии и сатиры. Критиковал недостатки общества, особенно архаичные нравы и обычаи. Сатира нередко задевала правящую верхушку ИРМ. В театре Хаммам выступал в качестве постановщика и актера. Как актера его отличали импровизация, способность к перевоплощению. Но ему так и не удалось создать профессиональной труппы.

Быстрый подъем гна не привел, однако, к угасанию шир. Заслуга в этом принадлежала марабутам, защищавшим арабский язык, как единственный письменный. Все же шир понесла чувствительные потери в связи с ослаблением влияния религиозного образования. Число коранических школ и завий в ИРМ сокращалось. Впрочем, и шир и гна с трудом противостояли вторжению западной культуры.

Наиболее эффективным средством социального и культурного воспитания, а также массовой информации было в 60—70-е годы радиовещание. В 1961 г. был основан Дом радио, имевший пять студий. Передачи велись на арабском и французском, языках фульфульде, волоф, сонинке.

Печать, слабо развитая в колониальный период, добилась некоторых сдвигов в годы независимости. Она находилась в ведении министерства культуры и информации и подчиненных ему Мавританского агентства печати (МАП) и Мавританского общества печати (МОП). МАП и МОП, созданные в 1975 г., являлись главными источниками информации для радио и газет. Обе организации поддерживали контакты с африканскими информационными службами, с Франс Пресс, Рейтер, ЮПИ, ТАСС. МАП издавало «Официальный вестник» (выходил два раза в месяц), МОП — ежедневную газету «Шааб» («Народ»).

МАВРИТАНИЯ В 1978—1984 гг.

**Военный переворот.
Политика военных
в первый период правления**

Непопулярность сахарской войны, тяжелое финансово-экономическое положение, голод, вызванный затянувшейся засухой, угроза утраты государственной независимости в связи с марокканским военным присутствием в Мавритании, обострение социальных и этнорасовых противоречий, недостаточное внимание развитию национальной культуры — все это вызвало недовольство широких слоев населения. Воспользовавшись им, группа армейских офицеров 10 июля 1978 г. совершила государственный переворот. Президент Моктар ульд Дадда был арестован, конституция 1961 г. упразднена, Национальное собрание и правительство распущены, ПМН и любая политическая деятельность запрещены. Вся полнота законодательной и исполнительной власти перешла в руки Военного комитета национального возрождения (ВКНВ). В соответствии с принятой в июле 1978 г. конституционной хартией ВКНВ взял на себя руководство политической жизнью страны.

Первоочередными задачами были объявлены вывод страны из войны в Западной Сахаре, возрождение национальной экономики, создание демократических институтов с целью подготовки к безболезненному переходу от военного правления к гражданскому.

По вопросу о выходе из сахарского конфликта в ВКНВ столкнулись различные мнения. Одни члены Комитета предлагали провести референдум в южной части Западной Сахары. Эту идею сразу же отвергли руководители Фронта ПОЛИСАРИО, борющегося за самоопределение и независимость всей Западной Сахары. Другие намеревались выработать всеобъемлющий план перехода к миру в Западной Сахаре. С такой позицией выступал председатель ВКНВ Мустафа ульд Мухаммед Салек. На митинге в Нуакшоте в сентябре 1978 г. он заявил о желании установить контакты со всеми заинтересованными сторонами ради поиска «справедливого, окончательного и полного мира в регионе» [223, 18.09.1978]. Третьи предлагали вступить в прямые переговоры с Фронтом ПОЛИСАРИО. Это предложение совпадало

с позицией руководителей Фронта. В качестве жеста доброй воли они уже в сентябре 1978 г. прекратили военные действия против Мавритании, но предупредили, что в случае если мирные переговоры не начнутся в ближайшее время, то они возобновят боевые операции [217, 1978, № 787, с. 7].

Мустафа ульд Мухаммед Салек и его сторонники оказались перед дилеммой: либо согласиться на справедливый мир с Фронтом, что обострило бы отношения с Марокко, либо затягивать процесс урегулирования конфликта, что было бы неприемлемо для ПОЛИСАРИО. Военный режим Нуакшота лавировал, изыскивал компромиссные пути, что давало повод сахарским лидерам обвинять правительство ИРМ в том, что оно «хочет выйти из войны», не заключая мира.

Двусмысленность позиции председателя ВКНВ по сахарскому вопросу, его нерешительность в деле урегулирования конфликта, стремление добиться компромиссного решения проблемы углубляли разногласия внутри Комитета. Усилился также нажим на ВКНВ со стороны Марокко, Франции, Сенегала, стремившихся не допустить выхода Мавритании из сахарской войны. На территории страны и в южной части Западной Сахары все еще оставались марокканские вооруженные силы несмотря на требование новых властей Нуакшота об их окончательном выводе к концу марта 1979 г.

Внешние трудности усугублялись внутренними. Все это усиливало нестабильность, проявившуюся в серии бескровных государственных переворотов, в реорганизациях ВКНВ (с 6 апреля 1979 г. Военного комитета национального спасения, ВКНС) и правительства.

Новые руководители ВКНС во главе с Мухаммедом Хуной ульд Хейдаллой заняли более четкую позицию по проблеме Западной Сахары: они признали ПОЛИСАРИО и право сахарцев на самоопределение, вступили с Фронтом в прямые переговоры. 5 августа 1979 г. был подписан мирный договор, в соответствии с которым ИРМ объявила о своем нейтралитете и согласилась эвакуировать южную часть Западной Сахары. ВКНС денонсировал соглашение с Марокко о совместной обороне от 13 мая 1977 г., обратился к марокканскому правительству с просьбой вывести из Мавритании свои войска. Он восстановил дипломатические отношения с АНДР, прерванные в марте 1976 г., активизировал сотрудничество с Алжиром, Ливией, Ираком, а также с другими арабскими и африканскими государствами. Подводя итоги первых шагов ВКНС по решению сахарской проблемы, М. Х. ульд Хейдалла 8 января 1980 г. заявил, что Комитет будет продолжать политику «строгого нейтралитета» в сахарском конфликте.

В области внутренней политики руководство ВКНС провозгласило переход в ближайшее время к гражданским формам правления, проведение всеобщих президентских и парламентских выборов, снятие запрета с деятельности политических партий.

Осуществить перечисленные выше меры ВКНС рассчитывал путем привлечения широких народных масс. В августе 1981 г. было объявлено о начале кампании по созданию «структур воспитания масс» (СВМ), призванных способствовать активному участию мавританцев в построении «справедливого и демократического общества». Одной из главных целей СВМ были выработка и распространение «подлинно национальной идеологии», повышение культурного уровня населения. Стремясь привлечь массы к общественно полезному труду, руководство ВКНС рассчитывало на содействие Мавританского союза трудящихся и Национального союза мавританских студентов и учащихся.

Однако реализация этих планов и намерений, так же как и переход к гражданским формам правления, натолкнулась на многочисленные препятствия. В государственном аппарате по-прежнему была распространена коррупция. На рынке процветала спекуляция (вопреки установлению государственного контроля над ценами). Чиновники, особенно из высшего звена, использовали служебное положение в целях личного обогащения. В казнокрадстве были уличены руководители таких государственных учреждений, как Национальное промышленное и горнорудное общество (СНИМ), комиссариат по обеспечению населения продовольствием, министерство рыболовства и морского хозяйства, банки. Крайне замедлилась реализация решений, принятых руководством ВКНС в 1979/80 гг., в частности по ужесточению режима экономии, улучшению работы государственного аппарата, по переходу к гражданским формам правления, проведению выборов, введению новой конституционной хартии, снятию запрета с деятельности политических партий и общественных организаций. Все это послужило причиной роста недовольства, в том числе среди бывших руководителей Мавритании. Одни из них воспринимали медлительность как слабость режима, другие — как его нежелание выполнять обязательства, взятые в июле 1978 г. В результате были предприняты две попытки государственного переворота (март 1981 г. и февраль 1982 г.), в которых участвовали представители и внутренней, прежде всего феодально-племенной, и внешней (эмигранты) оппозиции. Недовольство оппозиции вызывал также и внешнеполитический курс ВКНС, особенно признание Фронта ПОЛИСАРИО, а также укрепление связей Мавритании с радикальными арабскими и африканскими режимами. Силы оппозиции создали организации Союз за демократическую Мавританию (СДМ) и Движение за национальное единство Мавритании (ДНЕМ).

Обвинив Марокко в причастности к попытке государственного переворота в марте 1981 г., руководство Мавритании разорвало с Рабатом дипломатические отношения, обратилось с жалобой на «марокканскую агрессию» в ООН, ОАЕ и ЛАГ. Позицию Мавритании поддерживали Сенегал и Мали. В июне на встрече М. Х. ульд Хейдаллы с королем Марокко Хасаном II и королем Саудовской Аравии Халедом в Эр-Рияде инцидент удалось

ликвидировать. Но продолжавшиеся боевые операции ПОЛИСАРИО против вооруженных сил Марокко в Западной Сахаре были причиной сохранения напряженности между Работом и Нуакшотом. Рабат обвинял мавританских руководителей в том, что они потворствуют отрядам Фронта, предпринимающим боевые операции с территории Мавритании [195, 27.03.1981].

Обострение внутривластной обстановки вызвало ужесточение мер военного режима. Своеобразной «чистке» подвергались как государственные органы, так и общественные организации (профсоюзные объединения, Национальный союз мавританских студентов и учащихся, аппарат «структур воспитания масс»). От занимаемых должностей освобождались, а нередко арестовывались и заключались в тюрьму государственные и общественные деятели, армейские офицеры, в том числе из ближайшего окружения М. Х. ульд Хейдаллы. Просочились сведения, что заключенных содержали в крайне тяжелых условиях, подвергали пыткам. А это еще больше обостряло обстановку.

Одни деятели, опасаясь преследований, покинули Мавританию. Среди них был, например, великий имам Нуакшота Мохамеду ульд Буссейри, чья добровольная эмиграция вызвала широкий резонанс в обществе. Другие примкнули к Союзу за демократическую Мавританию, объединившему людей разных политических взглядов и убеждений, представителей различных слоев населения. «Единственный путь спасения Мавритании — возвращение солдат в казармы», — заявил один из руководителей СДМ — подполковник Абделькадер. «Вдохновляемый исламом», Союз намеревался учредить в стране гражданский и демократический режим, пользующийся уважением как внутри Мавритании, так и за ее пределами, восстановить экономику, провести реформу административного аппарата, вооруженных сил, системы просвещения, для чего считал необходимым мобилизовать «все живые силы нации» [189, 1980, № 10180, с. 16—17; 213, 1980, № 527, с. 23].

Как в самой Мавритании, так и вне ее все чаще вспоминали о М. ульд Дадде, который, несмотря на ошибки и просчеты, сумел добиться единства нации, обеспечить относительную внутривластную стабильность. Действительно, с июля 1978 г. — времени прихода к власти военных — до конца 1984 г. сменилось пять глав государств и шесть премьер-министров, произведено 14 реорганизаций правительств, которые просто не успевали осуществить ни одного важного проекта социально-экономического развития. Дезорганизация государственно-административного аппарата, коррупция, репрессии, вызвавшие рост оппозиции, свидетельствовали о политическом кризисе режима М. Х. ульд Хейдаллы.

Тяжелое положение сложилось и в экономике. Для ее восстановления в сентябре 1978 г. по рекомендации Международного банка реконструкции и развития был принят двухлетний «план возрождения». Его выполнение столкнулось, однако, с

трудностями, обусловленными отсутствием финансовых средств. Осуществляя политику либерализации экономики, развития частного и смешанного секторов при сохранении в ряде отраслей и усилении контроля со стороны государства, правительство в 1979 г. приняло новый кодекс инвестиций, рассчитанный на активное привлечение иностранного (главным образом частного) капитала. Политика «открытых дверей» позволила частично решить проблему финансирования плана развития, завершившегося в 1980 г. Основными объектами приложения иностранного (частного и государственного) капитала были проекты горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства, особенно ирригации, морского рыболовства, инфраструктуры (портовое и дорожное строительство, связь), образования, здравоохранения.

Привлечение иностранного капитала, однако, не привело к оздоровлению экономики ИРМ. На выполнение плана 1976—1980 гг. было инвестировано лишь 70% запланированных капиталовложений. В промышленности план выполнили менее чем на 30%, в сельском хозяйстве — на 10, в инфраструктуре — на 52, в социальной и культурной сферах — всего на 8% [176, 1982, № 12, с. 33—34]. При этом быстро росла внешняя государственная задолженность: к концу 1980 г. она увеличилась на 20% по сравнению с 1979 г.

Ухудшение финансового положения поставило вопрос об ориентации на собственные, хотя и ограниченные источники накопления. В мае 1981 г. руководство Мавритании приняло 20-летний план деятельности. Первым этапом этой долгосрочной стратегии в области экономики стал принятый в марте 1982 г. план социально-экономического развития на 1981—1985 гг.

План призван был достичь три основные цели: оздоровить государственные финансы; завершить строительство рентабельных предприятий и объектов, включенных еще в план 1976—1980 гг.; создать благоприятные условия для подъема экономики. Общая сумма капиталовложений определялась в 89,2 млрд. угий. На развитие сельского хозяйства выделялось более 31% ассигнований, промышленности — около 15, портового и дорожного строительства — 30, социальной инфраструктуры — 15% [170, 1982, № 120—121, с. 2; 193, 1983, № 646—647, с. 162—169].

Однако и этот план выполнялся с огромным напряжением и в целом неудовлетворительно. Уже к апрелю 1982 г. было израсходовано более половины общей суммы ассигнований, в том числе свыше 25% на реализацию проекта «Гельб-Могрейн» (добыча железной руды). Поскольку цены на мировом рынке в начале 80-х годов снова упали, добычу железной руды пришлось сократить. Соответственно снизились экспорт железной руды и экспортная выручка. А это привело к возникновению в 1982 г. отрицательного сальдо торгового баланса, которое в 1981 г. было положительным.

Несмотря на зависимость горнодобывающей промышленности

от конъюнктуры мирового рынка, руководство ИРМ продолжало уделять первостепенное внимание развитию именно этой отрасли экономики. В мае 1982 г. была возобновлена добыча медной руды на месторождении в Акжужте, прекращенная в мае 1978 г. в связи с ее нерентабельностью. Предполагалось уже с 1985 г. вывозить до 110 тыс. т медного концентрата ежегодно. Разработку месторождения вела смешанная арабская компания САМИН (доля ИРМ — 34%). Было решено также начать эксплуатацию месторождений фосфоритов, открытых в правобережье р. Сенегал.

В других отраслях промышленности был застой, вызванный малоэффективной работой многих предприятий, нехваткой квалифицированных кадров. Малорентабельными оказались комплекс в Каэди, включающий мясохладобойню и кожевенный завод, сахарный завод в Нуакшоте (пущен в июле 1981 г.) и нефтеперерабатывающий завод в Нуадибу (1982 г.). Производственные мощности шести рыбоперерабатывающих заводов в Нуадибу использовались лишь на 20%.

В крайне тяжелом положении находилось сельское хозяйство. Страна превратилась в зону бедствия. Наступление пустыни ощущалось даже в правобережье. Под воздействием засухи увеличилась миграция крестьян в города и промышленные центры. Сокращались обрабатываемые площади, что негативно сказывалось на общем уровне производства продукции (только в 1983 г. оно сократилось на 25%) и обеспечении населения продуктами питания. В 1983 г. было собрано 20 тыс. т зерновых, а в 1984 г. — 12 тыс. (оценка) при внутренних потребностях 240 тыс. т [193, 1983, № 646—647, с. 162—169]. Из-за нехватки кормов снижалось поголовье скота. В 1983 г. падеж скота, особенно крупного рогатого, достиг 70%. Дефицит продовольствия покрывался за счет срочной международной помощи и импорта. В связи с обострением продовольственной проблемы руководство ИРМ уделило особое внимание освоению новых земель и развитию орошаемого земледелия. Возможности увеличения площади орошаемых земель оценивались в 300 тыс. га. Предусматривалось ежегодно вводить в эксплуатацию до 5 тыс. га новых площадей. Но осуществление проектов, особенно крупных, тормозилось из-за нехватки финансовых средств, причем не только в масштабах Мавритании, но и в рамках Организации по освоению бассейна р. Сенегал. Завершение строительства плотин Диамы и Манантали (оно планировалось на 1982 г.) затягивалось (плотина Диамы введена в строй в конце 1985 г.). Поэтому крен был сделан в сторону сооружения мелких плотин, дамб, колодцев, оросительных каналов, которые не требовали больших капиталовложений и обеспечивали быструю окупаемость средств.

Чрезвычайные меры власти предприняли в области промышленного рыболовства — второго (после экспорта железной руды) источника валютных поступлений. С конца 1979 г. они прекратили выдачу лицензий иностранным рыбопромышленникам. Лицен-

зии стали выдаваться только мавританским физическим и юридическим лицам. Создавались государственные и смешанные рыболовные компании, в которых доля государства или мавританского частного капитала составляла 51%. Вводилась также плата за право лова судами смешанных компаний в размере не менее 31% стоимости добытой рыбы. А с ноября 1982 г. для иностранных судов было установлено обязательное условие выгрузки в порту Нуадибу всей выловленной в мавританских водах рыбы (от этого условия освобождались суда стран, заключивших с Мавританией соглашения о сотрудничестве в области рыболовства). За нарушение этого условия взимался штраф в размере стоимости несданного улова. В результате принятых мер уже в 1983 г. в Нуадибу было выгружено вчетверо больше рыбы, чем в 1982 г. Соответственно увеличились объем и стоимость экспорта рыбы и морепродуктов. Однако эти успехи были достигнуты не за счет развития промышленного рыболовства, а за счет ужесточения мер контроля в территориальных водах ИРМ. К тому же они не решали продовольственную проблему, поскольку продукция морского рыболовства почти целиком вывозилась на внешние рынки. В целом экономика Мавритании в середине 80-х годов испытывала не меньшие трудности, чем накануне государственного переворота 1978 г.

Экономический кризис сопровождался обострением социальной напряженности, вызванной ухудшением материального положения и снижением жизненного уровня большинства населения. Число безработных не сокращалось, цены на продукты питания и товары первой необходимости росли, а заработная плата оставалась неизменной.

Экономические трудности ускорили процессы социального расслоения общества, ломки традиционной социально-классовой структуры. Массы мелких земледельцев, скотоводов-кочевников и полукочевников разорялись, а феодально-племенная знать и нарождающаяся национальная буржуазия, наоборот, обогащались. Резко возросла миграция. Массы крестьян в поисках заработка хлынули в Шеммаму, тесня негроидное население. Обострилась также проблема урбанизации. Все это вызывало растущее недовольство народных масс.

Ширилось забастовочное движение. Весной 1980 г. бастовали рабочие различных предприятий Зуэрата и Нуадибу, строители, печатники и журналисты Нуакшоты, в декабре того же года — учащиеся и преподаватели средних учебных заведений столицы. Волнения учащихся происходили и в марте 1984 г. Главу государства обвиняли в установлении режима личной власти, потакании коррупции (в частности, при распределении продовольственной помощи), спекуляции, nepотизма и казнокрадства, в бесхозяйственности и некомпетентности, в отсутствии твердой политики по отношению к ПОЛИСАРИО, который нарушал суверенитет ИРМ, используя ее территорию при атаках против марокканских вооруженных сил.

В целях стабилизации внутривнутриполитической обстановки руководство ИРМ приняло некоторые меры по улучшению положения трудящихся: был сокращен налог на жилье, увеличена зарплата отдельным категориям низкооплачиваемых рабочих; зарплата рабочих и служащих государственного сектора повышена до уровня зарплаты частного. Однако эти меры имели ограниченный характер и не могли исправить положения.

Глава государства М. Х. ульд Хейдалла понимал, что решение социально-экономических проблем Мавритании во многом зависит от воли всего народа, его способности сосредоточить свои усилия на выполнении важнейших для жизни страны задач. Понимал он также и необходимость опоры на массы. Поэтому в 1980—1982 гг. был осуществлен ряд мер по ужесточению режима экономии, улучшению деятельности государственного аппарата, усилению контроля за состоянием промышленности, сельского хозяйства, финансов, судопроизводства, учреждений культуры, по пресечению коррупции, хищений, разбазариванию государственных средств.

Одной из первых важных мер стала полная отмена института рабства. Общая численность рабов и других категорий зависимого населения (харатинов, находящихся на положении крепостных) составляла, по оценке экспертов, около 400 тыс. человек, или 25% всех жителей. 5 ноября 1980 г. был издан декрет, окончательно запретивший рабство. Однако декрет не определил юридические основы освобождения рабов, в том числе наказания для тех рабовладельцев, которые продолжали ими владеть. Исправляя это упущение, руководство ВКНС 9 ноября 1981 г. издало новый декрет, в котором уточнялось, каким образом должна осуществляться отмена рабства. В нем указывалось: «Рабство во всех формах окончательно отменяется на всей территории Исламской Республики Мавритании» [199, 1988, № 1458, с. 46]. Предусматривалось также создание специальной государственной комиссии для изучения вопроса о выплате государством компенсации бывшим хозяевам рабов.

Решение ВКНС получило положительный отклик со стороны мавританской общественности. Организация «Эль-Хурр», борющаяся за освобождение рабов, однако, потребовала предоставить им право собственности на землю, которую они обрабатывали. Она также считала, что выплата государственной компенсации лишь усилит экономические позиции бывших рабовладельцев.

Но решение об отмене рабства натолкнулось на ожесточенное сопротивление племенной и феодальной знати, расценившей его как покушение на право частной собственности.

В трудном положении оказались освобожденные рабы, так как у них отсутствовали средства к существованию в новых условиях.

Другой важной мерой руководства было принятое в 1982 г. постановление об аграрной реформе «в интересах тех, кто рабо-

тает на земле». Согласно новому земельному законодательству (вступило в силу в 1984 г.) владельцем всего земельного фонда объявлялось государство, а группы населения (семьи, роды, фратрии, племена) становились землепользователями. Предусматривалось распределение участков среди мавританцев, покинувших сельскую местность из-за засухи, но намеревавшихся туда вернуться (среди них был проведен опрос). Эти участки закреплялись за юридически определенными лицами вне зависимости от их социального положения. Проводимые меры характеризовались как кампания за «возвращение на землю». Она осуществлялась путем широкой пропаганды среди населения. Кандидатам на переселение предоставлялись (бесплатно) транспортные средства, выделялись (бесплатно или по доступным ценам) сельскохозяйственный инвентарь, семена, удобрения, гербициды.

Власти предпринимали также некоторые меры по борьбе с продолжавшимся опустыниванием зоны мавританского Сахеля. Была разработана программа лесонасаждений, прежде всего вокруг Нуакшота и 15 других городов, которым угрожало наступление песков. Ставилась задача остановить и стабилизировать дюны. К началу 1983 г. в непосредственной близости от столицы на площади 425 га были посажены деревья и кустарник.

В области культуры очень важной мерой была отмена обязательного изучения арабского языка всеми мавританцами, введенного в октябре 1970 г.

Языковой вопрос в годы независимости, как уже отмечалось, не раз был причиной политической и социальной напряженности. В целях устранения почвы для обострения этнорасовых и социальных противоречий между маврами и негроидами руководство ИРМ в октябре 1979 г. приступило к реформе системы образования. Реформа предусматривала постепенный (в течение шести лет) переход к преподаванию в школах на трех языках. Два из них объявлялись основными, национальными, третий (французский) — иностранным. Основным национальным языком мавров становился арабский, негроидов — фульфульде, сонинке (сараколе) и волоф. Преподавание на основных национальных языках началось с октября 1982 г. в 12, а с конца 1984 г. в 24 экспериментальных классах некоторых школ Нуакшота, районов Трарзы, Бракны, Горголя [195, 1983, № 1798, с. 18—19].

В области внешней политики руководство страны особое внимание уделяло укреплению связей со странами Магриба. В декабре 1983 г. оно присоединилось к договору о братстве и согласии между Алжиром и Тунисом (от 19 марта 1983 г.), а 27 февраля 1984 г. признало САДР. Последняя акция, одобренная ОАЕ, частично восстановила утраченный в 1975—1978 гг. авторитет ИРМ. Укреплялись также ее связи с Ливией, Сенегалом, Мали, рядом других арабских и африканских государств.

Стабильными были отношения ИРМ с Советским Союзом. В 1979 г. были подписаны соглашения о сотрудничестве в обла-

сти обмена информационными материалами между ТАСС и Мавританским агентством печати, об эквивалентности дипломов об образовании, ученых степенях и званиях. СССР оказывал помощь Мавритании в подготовке национальных кадров, особенно в области здравоохранения (в Советском Союзе обучалась группа мавританских студентов). И хотя объем взаимоотношений и сотрудничества между двумя странами был ограниченным, руководство ИРМ проявляло постоянную заинтересованность в развитии мавритано-советских связей.

ПОЛИТИКА ВОЕННЫХ ВО ВТОРОЙ ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ (1984—1990)

12 декабря 1984 г. в Мавритании произошел очередной бескровный государственный переворот. Новым председателем ВКНС стал полковник Маауя ульд Сиди Ахмед Тайя (с июля 1978 г. по март 1984 г. занимал посты премьер-министра и министра национальной обороны в правительствах ИРМ, а с марта по декабрь 1984 г. был начальником генерального штаба вооруженных сил). Он охарактеризовал переворот как простую смену руководства, «реорганизацию», предпринятую с целью улучшения управления делами государства [205, 5—6.03.1985].

Новое руководство ИРМ провозгласило следующую программу в области внутренней политики: ликвидация коррупции и произвола, восстановление доверия масс к государственным институтам, обеспечение социальной справедливости, подъем экономики. В области внешней политики оно обещало уважать все обязательства ИРМ. Оно подтвердило поддержку Нуакшотом национально-освободительной борьбы арабского народа Палестины, признание САДР, высказалось за решение проблемы Западной Сахары мирными политическими средствами, осудило сионизм, расизм и расовую дискриминацию в ЮАР.

Новое руководство освободило политических заключенных, осужденных в 1980—1984 гг., осуществило девальвацию угии, «заморозило» зарплату служащих государственных учреждений, передало в руки частного сектора некоторые предприятия, в основном контролируемые государством, активизировало экономические связи с Алжиром, Ливией, Сенегалом, некоторыми другими странами, нормализовало отношения с Марокко, прерванные в 1981 г.

Однако первоочередными задачами стали оздоровление финансов и общий подъем экономики. Решить их предполагалось в рамках плана развития на 1985—1988 гг., призванного обеспечить стабилизацию экономики и подготовку условий для ее будущего роста на 4% ежегодно. Первостепенное внимание в плане уделялось решению продовольственной проблемы, в частности путем проведения аграрной реформы и рациональной эксплуатации рыбных ресурсов. Предусматривалось также строить лишь рентабельные промышленные предприятия и объекты, продолжать курс жесткой экономии в целях уменьшения бюджетного

дефицита и ослабления зависимости от внешних источников финансирования.

Однако ограниченность внутренних источников накопления заставляла руководство ИРМ делать основной упор на привлечение иностранного капитала. В середине 80-х годов оно обратилось к МБРР, на долю которого в 1985 г. приходилось около 20% общей суммы долговых обязательств ИРМ, с просьбой отсрочить погашение долгов и предоставить новую финансовую помощь на 1986—1988 гг. Учитывая тяжелое экономическое положение Мавритании, МБРР согласился на девятилетнюю отсрочку 95% суммы платежей в счет погашения займов и кредитов, предоставленных Мавритании в 1986—1987 гг. Со своей стороны, МВФ предоставил ИРМ резервный кредит. На уступки пошли и некоторые другие кредиторы. Исходя из всего этого, руководство Мавритании рассчитывало к концу 80-х годов восстановить экономику и оздоровить финансы. Их расчеты опирались на общий рост экономики (1985 г. — на 3,1%, 1986 г. — на 4%), на значительное увеличение производства зерновых (121 тыс. т в 1986/87 г. и 140 тыс. т в 1987/88 г. против 20 тыс. т в 1984/85 г.) [179, 1987, № 49, с. 43; 201, 1988, № 2233, с. 2278].

Улучшить финансово-экономическое положение должны были доходы от увеличения добычи (с 9 млн. т в 1986 г. до 12 млн. т в 1988 и в последующие годы) и экспорта железной руды, а также от дальнейшего развития промышленного морского рыболовства. Экономическому подъему могли служить эксплуатация нефтеперерабатывающего завода в Нуадибу, модернизация которого была завершена в 1987 г., и автономного порта Нуадибу, грузооборот которого составил 1136 тыс. т в 1986 г. против 904 тыс. т в 1984 г. [199, 1987, № 49, с. 48].

Однако оптимистические прогнозы руководства ИРМ сводились на нет дефицитом торгового и платежного балансов, увеличением внешнего государственного долга (в конце 1986 г. он достиг 1,7 млрд. долл., или 200% ВВП) [170, 1987, № 97, с. 8; 201, 1987, № 2180, с. 2223]. Горнодобывающая промышленность испытывала трудности с экспортом железной руды: мировые цены оставались столь низкими, что эксплуатация железнорудных месторождений становилась нерентабельной. По-прежнему большим оставался дефицит продовольствия. Потребности населения в зерне оценивались в 300 тыс. т ежегодно. А накормить удавалось в среднем лишь одного из трех мавританцев, да и то в наиболее урожайные годы. В неурожайные большинство населения недоедало, а порой и голодало. Продовольственную проблему усугубляли продолжавшееся наступление пустыни (в начале 1987 г. она покрывала 75% территории), многолетние засухи, периодические нашествия саранчи и других сельскохозяйственных вредителей, вспышки холеры и других массовых заболеваний.

Свидетельством неблагоприятного финансово-экономического положения Мавритании в 80-е годы был низкий национальный доход на душу населения (в 1987 г. — 440 долл.) [193, 1987,

№ 686—687, с. 141] и крайне медленный его рост. Подводя итоги выполнения плана развития на 1985—1988 гг., правительство отметило, что национальный доход за этот период вырос лишь на 3,6% вместо намечавшихся 4%.

7 сентября 1988 г. был утвержден план развития на 1989—1991 гг. В экономику намечалось вложить 59 млрд. угий (на 8,2 млрд. больше, чем было реализовано в предыдущей программе развития). Из них около 35% средств выделено на развитие сельского хозяйства и 15,3% — промышленности. Среднегодовой прирост национального дохода за 1989—1991 гг. должен составить 4%. Достичь этих целей помимо улучшения системы государственного управления, выравнивания диспропорций в экономическом развитии планировалось главным образом за счет еще более активного привлечения частных иностранных и национальных капиталов. С этой целью в начале 1989 г. был принят новый инвестиционный кодекс, предусматривающий свободу репатриации капитала, дивидендов и средств с валютных счетов в случае, если иностранные инвесторы захотят прекратить свою деятельность в Мавритании. При экспроприации собственности кодекс предусматривает выплату компенсации. Иностранным гражданам, работающим в стране, разрешено переводить свои доходы в любое государство в соответствии с правилами, установленными Центральным банком Мавритании. Значительные льготы кодекс предоставляет также частному национальному капиталу.

В социальной области руководство предпринимало попытки психологической перестройки сознания мавританцев, выработки у них нового, сознательного отношения ко многим вопросам. Особенно труден процесс перехода кочевников к оседлости, приобщения их к современному образу жизни.

В 1985—1987 гг. на ранее брошенные земли вернулось около 30 тыс. крестьян. Это было немного, если учесть, что в середине 80-х годов насчитывалось 500 тыс. бывших сельских жителей. Тем не менее и первые результаты кампании за «возвращение на землю» обнадежили руководство ИРМ. Необходимость продолжать кампанию вызывалась тем, что тысячи мавританцев, перебравшиеся в города, владели жалкое существование. (Доля кочевников в общей численности населения сократилась с 85% в начале 70-х годов до 15% в 1987 г.)

Чтобы решить продовольственную проблему, руководство ИРМ приступило к реализации программы «продовольствие за труд». Прекращалось бесплатное распределение продуктов питания среди населения, пострадавшего от засухи, и вводилась система оплаты этими продуктами за труд на сооружении тех или иных объектов (плотин, дорог), за трудовое участие в борьбе с натиском песков.

В области культуры главное внимание по-прежнему уделялось системе образования. В конце 80-х годов начальной школой было охвачено 33%, а средней — 10% детей школьного возраста [213, 1987, № 686—687, с. 147]. Несмотря на кампании по борьбе

с неграмотностью (ежегодно грамоту осваивали в среднем 40 тыс. человек), доля неграмотных все еще была высокой — около 65% жителей. В 1985/86 г. в 878 начальных школах обучалось около 141 тыс., в 44 средних и средних специальных — почти 35 тыс. учащихся. Число студентов шести вузов достигало 4,3 тыс. Кроме того, около 1,5 тыс. студентов и 421 стажер обучались за рубежом [193, 1987, № 686—687, с. 147].

Некоторых успехов достигло и здравоохранение: был расширен национальный госпиталь в Нуакшоте, что позволило увеличить число больничных коек со 135 до 450. В 28 восстановительных (реабилитационных) центрах лечили детей, пострадавших от недоедания и обезвоживания организма. В 1986 г. проводились мероприятия по предупреждению болезней, расширению сети лечебных учреждений в сельской местности, созданию условий для широкого охвата медицинским обслуживанием масс населения. Уровень вакцинации к концу 1987 г. достиг 55% [193, 1987, № 686—687, с. 147].

Более широкие возможности получили средства массовой информации. В 1988 г. была провозглашена «политика открытости (гласности)». Помимо официального органа, газеты «Шааб», стали публиковаться независимые издания — ежемесячный журнал «Мавритания завтра» и еженедельник «Событие» (оба на французском языке). Тем самым была разрушена существовавшая с ноября 1960 г. монополия правящих кругов, не допускавших появления оппозиционной прессы. Общественность положительно оценила «политику открытости», полагая, что теперь в Мавритании создана «благоприятная ситуация для развития личных и общественных свобод, среди которых наиболее фундаментальными являются свобода слова и печати» [201, 1988, № 2237, с. 2500].

Национальное радио и телевидение оставались в ведении государства. В конце 80-х годов Управление радио- и телевизионного вещания (основано в 1981 г.) располагало пятью радиостанциями. Их мощность позволяла им вещать не только на Мавританию, но и на страны Западной Европы, Африки, Арабского Востока. Передачи велись на арабском, фульфульде, сонинке (сараколе), волоф, французском. Телевидение (основано в 1984 г.) располагало двумя студиями и двумя центрами вещания, которые обслуживали соответственно автономный округ Нуакшот и район г. Нуадибу [193, 1987, № 686—687, с. 147].

Несмотря на определенные успехи нового руководства ИРМ, внутривнутриполитическая обстановка в Мавритании второй половины 80-х годов характеризовалась как неустойчивая. Выполняя обещания повернуть страну на путь демократии и ввести многопартийную систему, оно провело муниципальные (декабрь 1986 г.) и коммунальные (январь 1988 г.) выборы. Предполагались также парламентские и президентские выборы. Цель руководства, заявил М. ульд С. А. Тайя, привлечь арабо-берберов и негроидов, пользующихся равными правами, к управлению и особенно

к восстановлению экономики, мобилизовать на решение этих задач все население Мавритании, улучшить условия его жизни, отказаться от трайбализма и клановости, в целом создать условия для существования подлинной нации [199, 1988, № 1418, с. 33]. Призывы главы государства к демократизации встретили положительный отклик общественности.

Тем не менее переживаемые страной финансово-экономические и социальные трудности вели к обострению политической борьбы. Снова на передний план выдвинулась этнорасовая проблема (ее иногда деликатно именовали «культурной»). В 1985 г. по стране прокатилась волна демонстраций. Сначала демонстрации имели мирный характер, но в сентябре—октябре сопровождались инцидентами (поджоги машин, магазинов, появление на стенах домов лозунгов с угрозами в адрес руководителей Мавритании) [182, 1987, № 391, с. 14]. В 1986 г. обстановка еще более осложнилась. Дело дошло до актов насилия. Это послужило веским доводом для ВКНС не выпускать из своих рук бразды правления. Однако такое решение усилило напряженность. Не ослабили ее и проведенные в марте и сентябре 1987 г. частичные реорганизации правительства. Недовольство оппозиции политикой властей нарастало.

В октябре 1987 г. был раскрыт заговор, готовившийся группой высших военных чинов, выходцев из народа фульбе. Среди них, в частности, был начальник личной охраны главы государства и заместитель председателя ВКНС. Органы следствия заявили, что в заговоре участвовали 56 военных и несколько гражданских лиц, намеревавшиеся будто бы убить главу государства и ряд других руководителей, захватить власть, установить господство негроидной верхушки, оторвать Мавританию от арабского мира, ориентировать ее на связи с государствами Тропической Африки, прежде всего с Сенегалом. Главой государства должен был стать полковник Ане Амаду Бабали, в прошлом занимавший важные посты в правительстве (в том числе министра финансов, внутренних дел) и генеральном штабе (в декабре 1984 г. — заместителя начальника генерального штаба).

Обвиняемые предстали перед специальным уголовным судом. Суровый приговор (прокурор требовал смертной казни для 11 обвиняемых) вызвал возмущение негроидного населения ИРМ. В конце декабря 1987 г. в Нуакшоте прошли демонстрации под лозунгом «Смерть Тайе!». Для разгона демонстраций были брошены жандармерия и армейские подразделения. Улицы столицы круглосуточно патрулировались вооруженными солдатами. Южная граница Мавритании была перекрыта, чтобы не допустить проникновения в страну подрывных элементов, якобы базирующихся в Сенегале. Многие военные и гражданские лица были арестованы и осуждены по обвинению в «посягательстве на национальное единство» Мавритании.

Однако причинами недовольства среди различных групп населения служили не только этнорасовые противоречия, финансо-

во-экономические и социальные трудности, но и внешнеполитический курс властей, прежде всего по проблеме Западной Сахары. Некоторые круги, в том числе в руководстве, высказывались против политики нейтралитета, проводимой главой государства и его сторонниками, требовали поддержки САДР и ПОЛИСАРИО в их противоборстве с Марокко. Периодические перестановки в правительстве, аресты недовольных его внешнеполитическим курсом не могли устранить разногласия.

Недовольство оппозиции особенно усилилось в апреле—мае 1987 г., когда было завершено строительство последнего оборонительного вала, соорудившегося Марокко вдоль южной границы Западной Сахары с ИРМ. Фронт ПОЛИСАРИО лишился доступа на сахарскую территорию. Чтобы пробиться туда, отряды Фронта оказались вынужденными вести боевые операции против марокканских войск, пересекая мавританскую территорию. Для ИРМ возникала угроза оказаться втянутой тем или иным образом в военные действия. «Мавритания не является непосредственно затронутой стороной в сахарском вопросе,—заявил министр внутренних дел ИРМ Джибрил ульд Абдаллахи.—Мы надеемся и стремимся к тому, чтобы у нас не возникло никаких серьезных осложнений в отношениях как с Марокко, так и с ПОЛИСАРИО» [185, 1987, № 1971, с. 6—7]. Тем не менее Нуакшот заявил энергичный протест Рабату в связи с сооружением «оборонительной стены», проходящей в 400 м от мавританского города Инал, что создает постоянную угрозу для экономики ИРМ.

В военном отношении Мавритания была не в состоянии противостоять внешней опасности. Численность ее армии сократилась до 8,5 тыс. человек. Ее боеспособность была невысокой. Практически отсутствовали финансово-экономические и военнотехнические средства, достаточные для эффективной обороны.

В этих условиях руководство ИРМ избрало тактику активного взаимодействия с соседними государствами как в области экономического сотрудничества, так и в области коллективной обороны. Оно приняло участие в работе совещания «в верхах» стран — членов Экономического сообщества Западной Африки (Нуакшот, 1987 г.), девизом которого стало: «Позор всякой агрессии и угрозе целостности наших государств!» [205, 1987, № 1971, с. 6]. Мавританская дипломатия предпринимала шаги к укреплению связей с Алжиром, Тунисом, Марокко, в частности по вопросу строительства так называемого Великого арабского Магриба. 17 февраля 1989 г. Мавритания наряду с Алжиром, Марокко, Ливией и Тунисом стала членом Союза арабского Магриба (САМ). 6 марта 1989 г. ВКНС ратифицировал договор о создании САМ. В сахарском конфликте Нуакшот оставался на позиции нейтралитета. «Мы,—заявил министр иностранных дел ИРМ,—остаемся верными резолюциям ООН и ОАЕ по вопросу урегулирования конфликта в Западной Сахаре» [221, 1987, № 2182, с. 2324].

Сохранению позиции Мавритании по сахарской проблеме способствовали гарантии Франции и АНДР. Президент Ш. Бенджедид накануне визита в Мавританию в апреле 1987 г. заявил о поддержке Алжиром народа и руководителей ИРМ во всем, что касается безопасности, стабильности и единства их страны. Он подтвердил также солидарность Алжира с ИРМ в ее борьбе за территориальную целостность, независимость и суверенитет [201, 1987, № 2182, с. 2324].

Однако позиция Мавритании по проблеме Западной Сахары все же оставалась уязвимой. Роль Нуакшота сводилась к тому, чтобы осторожничать в отношениях с Марокко, поддерживать контакты с Фронтом ПОЛИСАРИО, не создавая при этом иллюзии, будто он помогает ему, укреплять сотрудничество с Алжиром, не огорчая Рабат.

С весны 1989 г. ухудшились отношения ИРМ с Сенегалом. Нестабильными они оставались в 1990—1991 гг. Непосредственным поводом к ухудшению отношений стали столкновения в апреле 1989 г. на почве этнорасовых противоречий внутри того и другого государства. Жертвами оказались община мавров в Сенегале и община сенегальцев в ИРМ. Последовали взаимные обвинения, претензии и санкции. В августе 1989 г. Дакар закрыл общую границу и разорвал дипломатические отношения с Нуакшотом. Из Сенегала было выслано около 300 тыс. лиц мавританского происхождения. Власти ИРМ ответили депортацией почти 50 тыс. сенегальцев. Нарастала напряженность на границе. Вмешательство ОАЕ остановило опасное развитие событий. Посреднические услуги Организации ослабили остроту конфликта, но не привели к полному его урегулированию.

В сложном положении оказалось руководство ИРМ в связи с кризисом в зоне Персидского залива (1990—1991 гг.). Нуакшот имел прочные отношения как с Ираком, так и с Кувейтом. Поэтому он занял осторожную позицию. С одной стороны, Мавритания осудила вторжение Саддама Хусейна в эмират, присоединилась к резолюции ООН, призвавшей ввести эмбарго против Багдада. В Нуакшоте продолжало функционировать посольство Кувейта. С другой стороны, руководству ИРМ приходилось учитывать проиракские симпатии арабо-берберской части населения, проводить сдержанную политику, склоняясь к формуле — кризис должен быть разрешен в рамках самого арабского мира.

На международной арене Мавритания продолжала занимать позицию позитивного нейтралитета. В ООН и ОАЕ она выступает за мирное сосуществование государств с различным общественным строем, за свободу и независимость бывших колониальных стран и народов, за мирное политическое решение всех территориальных споров и пограничных конфликтов.

І. Документы и материалы,
статистические и справочные издания

1. Африка сегодня. Политико-экономический справочник. М., 1962.
2. Африка. Энциклопедический справочник. Т. І, ІІ. М., 1986, 1987.
3. Ежегодник Большой Советской Энциклопедии. М., 1961—1987.
4. Зарубежные молодежные организации. М., 1973.
5. Здравоохранение зарубежных стран. М., 1981.
6. Ислам. Краткий справочник. М., 1983.
7. Исламская Республика Мавритания. Справочник. М., 1987.
8. Конституции государств Африки. Т. І. М., 1963.
9. Политические партии современной Африки. Справочник. М., 1984.
10. Политические партии. Справочник. М., 1974, 1981, 1984, 1986.
11. Профсоюзы мира. Справочное издание. М., 1980.
12. Профсоюзы стран Западной Африки. М., 1964.
13. Страны Африки. Политико-экономический справочник. М., 1969, 1988.
14. Страны и народы. Научно-популярное географо-этнографическое издание в 20 томах. Африка. Общий обзор. Северная Африка. М., 1982.
15. Уткин Г. Н. Мавритания (Географическая справка). М., 1968.
16. Шпажников Г. А. Религии стран Африки. Справочник. М., 1981.
17. Africa. Who's Who. L., 1981.
18. L'Afrique (Guide). P., 1966.
19. L'Afrique noire «А» à «Z». P., 1979.
20. L'Afrique noire politique et économique. P., 1977, 1979, 1981, 1983.
21. L'année africaine. P., 1975.
22. L'année politique africaine. Dakar, 1974, 1975, 1976, 1979.
23. L'année politique et économique africaine. Dakar, 1983, 1985.
24. Annuaire de l'Afrique du Nord. P., 1963—1985.
25. Annuaire de législation française et étrangère. P., 1981—1985.
26. Annuaire Noria. Guide économique. Limoges, 1960, 1961.
27. Annuaire vert. Annuaire économique. Casablanca, 1960—1970.
28. Charte constitutionnelle du Comité militaire de salut national de Mauritanie.— Afrique contemporaine. P., 1980, № 108.
29. Code du travail de la République Islamique de Mauritanie, 23 janvier 1963. Dakar, 1966.
30. Cours International de Justice. Recueil des arrêts avis consultatifs et ordonnances. Sahara Occidental, avis consultatif du 16 octobre 1975. Rôle général № 61. La Haye, 1975.
31. Daddah M. ould. Discours-programme prononcé le 20 mai 1957 devant l'Assemblée territoriale de la Mauritanie... à l'occasion de son investiture. [Б. м.], 19...
32. Daddah M. ould. Discours prononcé par Moktar ould Daddah. Saint-Lois, 1958.
33. Daddah M. ould. Interview de M. ould Daddah.— Remarques africaines. Bruxelles, 1976, № 480—481.
34. Daddah M. ould. Mauritanie: le rapport sur l'état de la nation du président Moktar ould Daddah.— Afrique—Industrie—Infrastructures. P., 1974, № 62.
35. Daddah M. ould. Rapport sur l'état de la Nation.— Bulletin de l'Afrique Noire. P., 1967, 1969, 1972.
36. Documentation législative africaine. Dakar, 1974, № 3—4.
37. Dossier: Mauritanie.— Afrique-agriculture. P., 1977, № 24.

38. Dossier Sahara.— Remarques arabo-africaines. Bruxelles, 1976, № 522.
39. Education et développement en Mauritanie. P., 1963.
40. Encyclopédie africaine et malgache. P., 1964.
41. Enquête sur l'emploi dans le secteur moderne en 1966. Nouakchott, 1967.
42. L'essor économique de la République Islamique de Mauritanie. P., 195—.
43. *Page J. D.* An Atlas of African History. N. Y., 1978.
44. *Gerteiny A. G.* Historical Dictionary of Mauritania. L., 1981.
45. *Haidalla M. K.ould.* Le traditionnel message à la nation du chef de l'état.— Bulletin de l'Afrique Noire. P., 1980, № 1072.
46. International Development Association and Mauritania.— UN Treaty Series. N. Y., 1976, № 825.
47. Mauritania. Country Profile. L., 1987/88.
48. Mauritanie.— Observateur africain. Dakar, 1975, № 120.
49. Mauritanie. Les décisions du 4e congrès du Parti du peuple.— Afrique—Industrie—Infrastructures. P., 1975, № 99.
50. Mauritanie 1966.— Bulletin de l'Afrique Noire. P., 1966, № 416.
51. Mauritanie 1970.— Bulletin de l'Afrique Noire. P., 1970, № 625.
52. Mauritanie. 15 ans d'indépendance.— Europe outremer. P., 1975.
53. Mauritania. Softey, Softey: 16 Years of Diplomacy.— Africa. L., 1976, № 56.
54. Parti du Peuple Mauritanien. Congrès 3-e Nouakchott, 1968.
55. Petite encyclopédie africaine et malgache. P., 1964.
56. Le II Plan quadriennal de la Mauritanie est axe sur le développement du secteur minière et des industries de la pêche.— Industrie et travaux d'outremer. P., 1971, № 215.
57. Le 3-ème Plan de développement de la Mauritanie. 1976—1980.— Bulletin de l'Afrique Noire. P., 1977, № 907.
58. Plan quadriennal de développement économiques et social 1963—1966. P., 1964.
59. Les programmes spéciaux de l'emploi et de formation de la jeunesse en République Islamique de Mauritanie. Une étude comparative du PECTA. Rapport soumis au Gouvernement de la République Islamique de Mauritanie. Addis-Abebe, 1985.
60. Programme du PPM. Nouakchott, 1975.
61. Rapport au Gouvernement de la République Islamique de Mauritanie sur l'évaluation et la planification de la main-d'oeuvre. Genève, 1967.
62. Rapport au gouvernement de la République Islamique de Mauritanie sur la sécurité sociale. Genève, 1968.
63. République Islamique de Mauritanie. P., 1963.
64. La République Islamique de Mauritanie. P., 1964.
65. République Islamique de Mauritanie (guide). P., 1963.
66. République Islamique de Mauritanie. Lois. Code du travail de la République Islamique de Mauritanie, 23 janvier 1963. Dakar, 1963.
67. République Islamique de Mauritanie.— Europe outremer. P., 1987, № 686—687.
68. La République Islamique de Mauritanie dans sa 4-ème année d'indépendance, année pleine d'événement. Nouakchott, 196—.
69. République Islamique de Mauritanie.— Bulletin de l'Afrique Noire. P., 1969, № 557 (numéro spécial).
70. République Islamique de Mauritanie.— Jeune Afrique. P., supplément, № 516.
71. République Islamique de Mauritanie. Formation professionnelle pour l'industrie de la pêche maritime. Genève, 1977.
72. Sakia el Hamra et Rio de Oro — partie intégrante du Maroc. Preuves historiques et juridiques. Casablanca, 1974.
73. *Schrock J., Ceorran B. D.* Area Handbook for Mauritania. Wash., 1972.
74. Spécial Mauritanie.— Afrique—Industrie—Infrastructures. P., 1977, № 143.
75. Statistical Yearbook. N. Y.
76. UN Treaty service. 1972. N. Y., 1976, vol. 832.
77. Status du PPM. Nouakchott, 1975.
78. Tableau économique et financier de la Mauritanie en 1976.— Bulletin de l'Afrique Noire. P., 1977, № 914.

79. Tableau économique et financier de la Mauritanie en 1979.— Bulletin de l'Afrique Noire. P., 1981, № 1083.

II. Мемуары, дневники, описания путешествий

80. Ковальска-Левицка А. Мавритания. М., 1981.
81. Фромантен Э. Одно лето в Сахаре. М., 1985.
82. Feral G. Le tambour des sables. P., 1983.
83. Stoulovsky Z. V táboře nomádů.— Lidé a Země. Praha, 1974.

III. Литература

84. Беляев Е. А. Мусульманское сектантство. М., 1957.
85. Гаврилов Н. И. Западная Африка под гнетом Франции (1945—1959). М., 1961.
86. Кашин Ю. С. Мавритания. М., 1976.
87. Массэ А. Ислам. Очерк истории. М., 1982.
88. Михайлова Г. Д. Создание горнодобывающей промышленности Мавритании.— Страны Ближнего и Среднего Востока. История. Экономика. М., 1972.
89. Новейшая история Африки. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1968.
90. Субботин В. А. Колонии Франции в 1870—1918 гг. М., 1973.
91. Хондо М. Истина, о которой надо кричать.— Азия и Африка сегодня. М., 1975, № 7.
92. Хромов А., Рогов А. Состояние и перспективы развития здравоохранения Исламской Республики Мавритании.— Советское здравоохранение. М., 1973, № 12.
93. Aperçu sur l'économie de la Mauritanie.— Bulletin de l'Afrique Noire. P., 1975, № 847.
94. Arnaud J. La Mauritanie. Aperçus historique, géographique et socio-économique. P., 1972.
95. Arnaud J. L'Espace et l'homme mauritaniens.— Introduction à la Mauritanie. P., 1979.
96. Arnaud J. Lignes de forces du peuplement de l'espace mauritanien.— Bulletin de l'IFAN. Dakar, 1973, t. 35, № 2.
97. Aspects essentielles de la culture en Mauritanie (une brochure culturelle éd. par la Commission nationale de préparation du 1er Festival culturel panafricain d'Alger). Nouakchott, 196—.
98. Balans J.-L. Le système politique mauritanien.— Introduction à la Mauritanie. P., 1979.
99. Barry B. La guerre des Marabouts dans la région du Fleuve Sénégal de 1673 à 1677.— Bulletin de l'IFAN. Dakar, 1971, t. XXXIII, sér. B., № 3.
100. Bennouna M. The Political Economy of Mauritania: Imperialism and Class Struggle.— Revue of African Political Economy. L., 1978, № 12.
101. Blanchère J.-C. Quelques aspects de l'implantation de la langue française en Mauritanie jusqu'en 1960.— Bulletin de l'IFAN. Dakar, 1972, t. XXXIV, sér. B., № 4.
102. Bomboté D. Mauritanie. Nouveau visa pour O. Daddah.— Afrique nouvelle. Dakar, 1975, № 1365.
103. Bonte P. Conditions et effets de l'implantation d'industries minières en milieu pastoral: L'exemple de la Mauritanie.— Pastoralism in Tropical Africa. L., 1975.
104. Bonte P. L'émirat de l'Adrar après la conquête coloniale et la dissidence de l'émir Sidi Ahmed. 1909—1939.— Journal des africanistes. P., 1984, t. 54, fasc. 2.
105. Chassey F. de. Contribution à une sociologie du sousdéveloppement, l'exemple de la RIM. Thèse. Lille. 1972.
106. Chassey F. de. L'évolution des structures sociales en Mauritanie de la Colonisation à nos jours.— Introduction à la Mauritanie. P., 1979.

107. *Chassey F. de*. Mauritanie. 1900—1975: De l'ordre coloniale à l'ordre néo-colonial entre Maghreb et Afrique Noire. P., 1978.
108. *Chassey F. de*. Mauritanie. 1900—1975; facteurs économiques, politiques, idéologiques et éducatifs dans la formation d'une société sous-développée. P., 1985.
109. *Constantin F., Coulon Ch.* Les relations internationales de la Mauritanie.— Introduction à la Mauritanie. P., 1979.
110. *Dahmani A.* Mauritanie.— Jeune Afrique. P., 1975, № 777.
111. *Dahmani A.* Mauritanie sous le signe de l'unité.— Jeune Afrique. P., 1977, № 857, suppl.
112. *Damis J.* Mauritania and Sahara.— Middle East International. L., 1977, № 71.
113. *Decraene P.* Mauritanie: relance de la coopération avec Paris.— Revue française d'études politiques africaines. P., 1975, № 120.
114. *Derrick J.* Slavery and Mauritanian Society.— West Africa. L., 1980, № 3287.
115. *Désiré-Vuillemin G.* Aperçu historique de la Mauritanie du XIXe siècle à l'indépendance.— Introduction à la Mauritanie. P., 1979.
116. *Désiré-Vuillemin G.* Contribution à l'histoire de la Mauritanie de 1900 à 1934. Dakar, 1962.
117. Développement problème № 1 de la Mauritanie.— Europe—France-outrémer. P., 1965, № 431.
118. *Diop M.* Classes et idéologies de classe au Sénégal. Dakar, 1964.
119. *Dudley Z.* Mauritanie. Le système de planification. Montréal, 1971.
120. *Dussaube-Ingrand E.* L'émigration sarakollaise du Guidimaka vers la France.— Modern Migrations in Western Africa. L., 1974.
121. L'économie mauritanienne (hypothèse d'évolution). Nouakchott, 1971.
122. Etude monographique de trente et un pays africains. Mauritanie. P., 1964.
123. *Foucault B., Fessard de.* La Parti du Peuple Mauritanien.— Revue française d'études politiques africaines. P., 1973, № 95.
124. *Garnier Ch., Ermont Ph.* Désert fertile. Un nouvel état. Mauritanie. P., 1960.
125. *Garnier G.* Maures et toucouleurs sur les deux rives du Sénégal. La mission de Victor Vaillant auprès de Sidi Ely, roi des Maures Braknae, février—juin 1884.— Bulletin de l'IFAN. Dakar, 1968, t. XXX, sér. B., № 1.
126. *Gaudio A.* Le dossier de la Mauritanie. P., 1978.
127. *Gerteiny A. G.* Mauritania. L., 1967.
128. *Greekhagh M.* Arabs Give Aid to Help Mauritania's Economic Recovery.— Middle East Economic Digest. L., 1979, vol. 23, № 15.
129. *Hodges T.* Western Sahara. The Roots of a Desert War. Westport, 1983.
130. *D'Hont K.* Les kébés (bidonvilles) de Nouakchott.— Afrique contemporaine. P., 1986, № 3.
131. Introduction à la Mauritanie. P., 1979.
132. Islam in Africa. New York, Toronto, London, Melbourne, 1969.
133. *Jacques-Meunié D.* Cités anciennes de Mauritanie. Provinces de Tagant et du Hodh. P., 1961.
134. *Kane O.* La dévolution du pouvoir au Fuuta-Tooro.— Bulletin de l'IFAN. Dakar, 1981, t. 43, sér. B., № 3—4.
135. *Keita N. M.* Nationalisation de la Miferma: révolution économique? — Afrique nouvelle. Dakar, 1975, № 1333.
136. *Larab M.* Mauritanie. A la recherche d'un équilibre.— Révolution africaine. Alger, 1982, № 947.
137. La libération de la province mauritanienne et l'opinion internationale. Rabat, 1981.
138. *Marty P.* Etudes sur l'islam au Sénégal. P., 1917, vol. I—II.
139. *Marty P.* Les tribus de la haute Mauritanie.— Renseignements coloniaux et documents. P., 1915, № 5—8.
140. *Mauny R.* Tableau géographique de l'Ouest africain au moyen âge d'après les sources écrites, la tradition et l'archéologie. Dakar, 1961.
141. La Mauritanie du Ould Saleck 6 mois après.— Jeune Afrique. P., 1979, № 941.
142. Mauritania Invaded again.— West Africa. L., 1977, № 3131.

143. Mauritanie: les premières exportation de minerai de fer.— Europe—France-outremer. P., 1963, numéro spécial.
144. *Miské A.-B.* Al-Wasit (1911). Tableau de la Mauritanie à la fin du XIXe siècle.— Bulletin de l'IFAN. Dakar, 1968, sér. B., t. XXX, № 1.
145. Le Monde religieux. Nouvelle série, 29e volume. L'Afrique islamique. [Б. м.], 1966.
146. *Morgan S.* Mauritania and the Polisario.— Africa. L., 1977, № 70.
147. *Oloruntimehin O.* The Idea of Islamic Revolution and Tuculer Constitutional Evolution.— Bulletin de l'IFAN. Dakar, 1971, t. XXXIII, sér. B., № 4.
148. *Norris H. T.* Shingiti Folk Literature and Song. L., 1968.
149. *N'Diaye F.* La colonie du Sénégal au temps de Brière de l'Isle. 1876—1881.— Bulletin de l'IFAN. Dakar, 1968, t. XXX, sér. B., № 2.
150. Panorama économique de la Mauritanie.— Bulletin de l'Afrique Noire. P., 1965, № 394.
151. *Perret T.* Mauritanie: retour d'exils.— Afrique—Asie. P., 1986, № 367.
152. *Piquemal-Pastré M.* La République Islamique de Mauritanie. P., 1969.
153. *Pitte J.-R.* La sécheresse en Mauritanie.— Annales de géographie. P., 1975, № 466.
154. Première escale: Nouakchott.— Europe—France-outremer. P., 1971, № 492.
155. Les problèmes posés par la nationalisation de Miferma s'inscrivent dans le contexte d'une politique arabe.— Marchés tropicaux et méditerranéens. P., 1974, № 728.
156. *Robert S. H.* History of French Colonial Policy. 1870—1925. Vol. I—II. L., 1929.
157. *Salem Ould Bouboutt A.* Existe-t-il un contentieux administratif autonome en Mauritanie: réflexions à propos d'une décision jurisprudentielle récente.— Penant. P., 1985, № 787—787.
158. *Santucci J.-C.* La Mauritanie dans les relations inter-maghrébines.— Introduction à la Mauritanie. P., 1979.
159. *Sokhona S.* Nationalité-immigré.— Afrique—Asie. P., 1976, № 102.
160. *Stewart C. C.* Political Authority and Social Stratification in Mauritania.— Arabs and Berbers. L., 19—.
161. *Suret-Canale J.* Afrique Noire occidentale et centrale. L'Ere coloniale (1900—1945). P., 1964.
162. *Toupet Ch.* Sédentarisation des nomades en Mauritanie centrale sahélienne. Lille—Paris, 1977.
163. *Toupet Ch.* La régénération des milieux naturels dans le domaine sahélien: l'exemple mauritanien.— Le Développement rural en question. Paysages, espaces ruraux, systèmes agraires. Maghreb—Afrique Noire—Mélanesie. P., 1984.
164. *Traoré A.* L'Islam en Mauritanie.— Introduction à la Mauritanie. P., 1979.
165. *Vanacker Ch.* La Mauritanie jusqu'au XXe siècle.— Introduction à la Mauritanie. P., 1979.
166. *Van Buu E.* Décolonisation et développement: les accords de coopération entre la France et la Mauritanie.— Introduction à la Mauritanie. P., 1979.
167. *Vernet R.* La Préhistoire de la Mauritanie.— Introduction à la Mauritanie. P., 1979.
168. *Vergara F.* L'économie de la Mauritanie et son développement.— Introduction à la Mauritanie. P., 1979.
169. *Westebbe R. M.* The Economy of Mauritania. N. Y., 1971.

IV. Периодика

170. Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ). М.
171. За рубежом. М.
172. Известия. М.
173. Народы Азии и Африки. М.
174. Правда. М.
175. Советское здравоохранение. М.
176. Экономика промышленности. М.

177. Action. Tunis.
178. Africa Confidential. L.
179. Africa Economic Digest. L.
180. Africa Report. N. Y.
181. Afrique agricultures. P.
182. Afrique—Asie. P.
183. Afrique contemporaine. P.
184. Afrique—Industrie—Infrastructures. P.
185. Afrique nouvelle. Dakar.
186. Al-Bayane. Casablanca.
187. Bulletin de l'IFAN. Dakar.
188. Bulletin de l'Afrique Noire. P.
189. Bulletin quotidien d'Afrique. P.
190. Chaab. Nouakchott.
191. Country Profile. L.
192. Europe—France-outramer. P.
193. Europe-outramer. P.
194. Financial Times. L.
195. Humanité. P.
196. Industrie et travaux d'outre-mer. P.
197. Information d'outre-mer. P.
198. International Herald Tribune. P.
199. Jeune Afrique. P.
200. Journal des africanistes. P.
201. Marchés tropicaux et méditerranéens. P.
202. Maroc-soir. Casablanca.
203. Matin. Casablanca.
204. Matin du Sahara. Casablanca.
205. Monde. P.
206. Monde diplomatique. P.
207. Moniteur africain et commerce extérieur. Dakar.
208. El-Moudjahid. Alger.
209. New York Times. N. Y.
210. Nouvel observateur. P.
211. Orient. Hambourg.
212. Penant. P.
213. Remarques arabo-africaines. Bruxelles.
214. Révolution africaine. Alger.
215. Sahara libre. Alger.
216. West Africa. L.

ульд-Абба Саддум 63
 Абд аль-Азиз 78, 79
 Абд аль-Хафиз 80
 Абдаррахман (эмир Таганта) 89
 ульд Абидин Буйяги 107
 Абубакр бен Абхом см. Насир ад-
 Дин 28—32, 38
 Абу Бакр ибн Омар 20, 21
 Адильби 31
 ульд Айда Ахмед 89, 92, 98
 ульд Айнин Ма 66, 70, 72, 73, 75, 78—
 80, 82, 87, 98
 Альморавиды 20, 21, 28, 30, 66, 87
 ульд Амар Баккар 36
 ибн Ананс Малик 65
 Арно Р. 86
 ульд Ахмед Даман Хадди 41
 Ахмед 34
 ульд Ахмед Эли 34
 Ахмеду (эмир Бракны) 73—75
 ульд Ахмед Юра Мухаммед 63

 ульд Бабана Хорма 105, 106
 Бакар (эмир Таганта) 74, 76
 Балл Сулейман 38, 39, 40
 Баллэ Ноэль-Эжен 71
 Бубакар 37
 Бу Саад 66, 73, 79, 82, 87
 ульд Буссейри Мохамед 173

 Вальдек-Руссо Ренэ 70, 71
 Ван Волленховен Йост 100

 Гадо 37
 Гонсальвеш Антао 25
 Гуро Анри 79, 80, 81, 88, 92

 ульд Дадда Моктар 10, 17, 103, 107—
 109, 112, 114—118, 122, 124, 126,
 127, 153—159, 162, 167, 170, 173
 Даладые Э. 104
 бен Даман Ахмед 35
 ульд Дейд Сиди 76, 92
 Делькассе Теофиль 70
 Диамбот Али 57

 Жиро Анри 99

 ульд Зейн 77

 Идрис 78

Исмаил 62

 Кадамосто Альвизе 25
 Кане Абделькадир 38, 40
 Кане Элиман 113
 Кейта Модибо 154
 Конко 38
 Копполани Ксавье 58, 70—77, 81, 86
 аль-Кури Мариам 113
 аль-Кури Эли 37, 38

 Мамаду Ламин 58
 ульд Мамун 98
 Марти Поль-Никола 86
 Мильес-Лакруа Рафаэль 80
 Миске Ахмед Баба ульд Ахмед 62—
 64, 107
 Моктар Сиди 65
 аль-Моктар Сидия 85
 Монтане-Капдебоск 77
 ульд Мухамди 63
 Мухаммед (аския Мали) 23
 ульд Мухаммед ульд аль-Моктар см.
 Хаммам 169

 Наама Си 89
 Наполеон III 56
 Насер Гамаль Абдель 156
 Насир ад-Дин см. Абубакр бен Абхом
 28—32, 38
 Н'Диайе Сиди аль-Моктар 106
 ульд Нгарту Саддум 63
 Нур ад-Дин 31

 Понти Вильям 79, 80, 83

 ульд Разг 62
 Раффенель 58
 Реббо Меребби 89
 Ришелье Арман-Жан дю Плесси 41
 Рум Эрнест 71, 72, 74, 75
 Салек Мустафа ульд Мухаммед 170,
 171

 Салум Ахмед 57, 73—76
 Самба Геладио 38
 Самори 58, 79
 ульд Сидия Абдаллах 92
 Сиди Эли 76
 Сидия Баба 65, 73, 75, 76, 79, 82,
 85, 87, 89, 92

Сидия аль-Кабир 57, 65
Сидия аш-Шейх 63
Сидия Сулейман ульд Шейх 114, 115
Сире Сава Ламу 37
Сокона Сидней 168

Тайя Маауя ульд Сиди Ахмед 18,
180, 183
Тенгелла Қоли 23
ат-Тиджани Сиди Ахмед бен Мухам-
мед бен аль-Моктар 66
ат-Толба Мухаммед ульд 63
Трентиньян Луи-Эдгар де 70
Тристао Нуньо 25
Тринке 99

Уджаха 98
Уэли 81

Фадиль Мухаммед 65, 66
ульд Фал Сиди Мухаммед 57, 58,
72—76
Федерб Луи-Леон-Сезар 56, 57, 104
Франко Франсиско 155
Фрержан 74, 76, 77, 80

аль-Хабиб Мухаммед 55—57
аль-Хадди 29

аль-Хадж Абдаллах 29
аль-Хадж Омар 57
Хайба ульд Ногмаш 34
Хамаллах 100, 105
Хама Амаду Тафсир 38
Хаммам 169
Хасан II 172
Хасан 75, 79—81
ульд Хейдалла Мухаммед Хуна 18,
171—173, 177
аль-Хиба 83, 89
Хияр Талеб 89
Хомеин 32
Хондо Мед 168
Хусейн (эмир Таганта) 76
Хусейн Саддам 186

Шайн Мхаммед 36
Шандора Али 34—36, 41—44
аш-Шейх Мухаммед аль-Мами 63
Шмальтц 56

Энгельс Ф. 14

Юсуф ибн Ташфин 20

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абд аль-Малик, селение 99
Абиджан 156
Австрия 160
Аддис-Абеба 115, 156
Адрар, обл. 6, 7, 34, 49, 51, 57, 58,
66, 67, 70, 72, 74—76, 78, 79, 81, 88,
89, 98, 109
Азия 5
Аюн эль-Атрус 164, 166
Акжужт 8, 12, 79, 80, 139, 143, 145,
165, 175
Акрейжит, селение 58
Алег, селение 76, 168
Алжир 5, 18, 58, 70, 72, 76, 78, 82,
86, 154—156, 158, 160, 164, 171,
178, 180, 185
Альхесирас 78
Америка 5
Амозагга, гора 6
Англия 16, 26, 35, 40, 42, 43, 55, 70,
139, 159
Андалусия 13
арабо-берберы, этн. 9, 13, 14, 45, 48,
61, 65
арабы-хасаны, этн. 9, 11, 45, 46, 50
Аравия 20, 60, 62
Арген, о-в 6, 25, 26, 28, 29, 34, 35,
41—44

Асаба, обл. 6, 34, 134, 135, 136
Атар 9, 80, 102, 108, 135, 141, 164,
168
Атлас 10, 19
Аудагост, ист. 20, 51, 58, 59
Аукер, местность 6, 20
Африка
Северная 11, 13, 19, 20, 25, 51, 86,
107, 148, 156
Тропическая 11, 51, 62, 93, 148, 155,
156, 160
Афгут, область 37, 75
Багдад 61, 186
бамбара, этн. 9, 12, 22, 25, 50, 71
бани хасан, этн. 10, 16, 23
Барни, селение 12
бафур, этн., ист. 9
Бельгия 139, 159
Бенин 162
берберы-санхаджа, этн., ист. 10, 19,
50
Бизерта 153
Бир-Могрейн, селение 7
Блан, мыс 17, 25, 26, 40, 44, 71
Боге, селение 34, 85, 102, 103, 164
Бокос, о-в 41
Бордо 26

Боссеа Ирбале, ист. обл. 40
 Браззавиль 152
 Бразилия 160
 бракна, этн. 27, 34, 37, 39
 бракна, обл. 26, 32, 34—39, 42—44,
 49, 56, 57, 66, 73—75, 77, 81, 88,
 95, 178
 Бу-Гадум 76
 Будапешт 159
 Бутилимит 31, 65, 76, 78, 82, 87, 102,
 103, 114, 153, 165, 167, 168
 Бухарест 159
 Вадан 26, 28, 37, 51, 58, 60—62, 78
 Валата 28, 51, 58, 60—62, 66, 68, 168
 Вало, ист. гос. 24, 28, 29, 31, 32, 36,
 37, 43, 55, 56
 Варан, местность 6
 Вилья Сиснерос 48
 Виши 104
 волоф, этн. 9, 12, 22, 24, 25, 50, 55, 71
 Вьетнам Южный 158
 Гаага 43
 Галламан, местность 6
 Гамбия 41, 44
 Гамбург 42
 Гана (Аккра) 152
 Гана, ист. гос. 20, 21
 Гангара, этн., ист. 9
 Гао, ист. 23, 60, 71
 Гвинейский залив 5
 Гвинея 92, 95, 115, 156, 157
 Германия 58, 70, 89
 Гидимака, обл. 7, 81, 135, 160
 Голландия 16, 26, 35, 40—43
 Горе, о-в 44
 Горголь, обл. 77, 81, 95, 131, 160, 178
 Горголь, р. 5
 Дакар 85, 89, 137, 154, 186
 Дамаск 61
 Дахла, п-ов 25, 48
 Дахр Валата, местность 6
 Дахр Нема, местность 6
 Дахр Тишит, местность 6
 Диурбель, селение 40
 Джолоф, ист. гос. 28, 29, 31, 32
 Джрейда, селение 26
 Джуби, мыс 71
 аль-Джуф, местность 6
 Европа 5, 13, 25, 26, 41, 42, 60, 88,
 104
 Египет 60, 62, 158, 164
 Заир 155, 162
 Замбия 157
 Западный берег р. Иордан 157
 Западная Сахара 17, 18, 152, 170, 180,
 186

Зеленый мыс 44
 Земмур, гор. обл. 6
 зенага см. санхаджа, этн., ист. 45
 зената, этн. 19
 Зимбабве 157
 Зуэрат 9, 119, 143, 146, 165
 Иберийский п-ов 13, 25
 Игиди, обл. 6
 идауали, этн. 93
 идаульхадж, этн. 37
 идуайш, этн. 34, 36, 75, 76, 78, 89
 Израиль 155, 157
 Индия 15, 16
 Индокитай 158
 Иншири, область 80
 Ирак 158, 160, 171, 186
 Испания 13, 20, 26, 70, 71, 139, 155
 Испанская Сахара 5, 12, 17, 83, 99,
 120, 126, 127, 156, 158, 160
 Италия 70, 139, 159
 Каес 70, 154
 Каир 61, 155, 156, 158
 Кайор, ист. гос. 28, 29, 31, 32, 38
 Камерун 95
 Кампучия 158
 Кансадо 78, 145
 Каракоро, р. 5
 Карет, местность 6
 Карфаген 13
 Каср аль-Барка, селение 58
 Кастилия, ист. 25
 Катар 160
 Каэди 8, 9, 39, 58, 78, 81, 85, 102, 103,
 107, 115, 132, 134, 141, 164, 175
 Кедиа д'Иджиль 8, 12, 80, 99, 114,
 138
 Китайская Народная Республика 131,
 138, 142, 156, 159
 Киффа 8, 102
 Кувейт 158, 159, 161, 186
 кунта, этн. 12, 75, 76
 Ла-Гюэра, селение 17
 Леврие, залив (Нуадибу) 25, 58, 78
 Либерия 95
 Ливия 18, 158, 159, 171, 178, 180
 Лондон 42
 Магриб (Арабский Запад) 12, 13, 19,
 20, 51, 60, 62, 91, 93, 148, 178
 Мадагаскар 162
 Мадрид 71, 99, 155, 161
 макиль, этн., ист. 10
 Мале, селение 38
 Мали 5, 10, 12, 23, 57, 148, 152, 154,
 157
 малинке, этн. 22, 50
 Марокко 5, 12, 14, 17, 18, 35, 37, 50,
 58, 62, 70, 72, 77, 78, 92, 146, 148,
 152, 156, 171, 185

Марсель 26
Мбут, селение 78
Медердра 79, 102, 168
Медина 61, 65
Мекка 61
Мешдуф, этн. 93
Москва 156, 159
Муит, селение 74
Мутунси, селение 98, 99

Наар, о-в 25
Ндгамша, местность 6
Неджд 62
Нема 61, 65, 117, 142, 143, 154
Нигер, р. 15, 16, 42, 50, 57, 58
Нигер, гос-во 157
Нигерия 157
Ниорде, р. 5
Нуадибу (Порт-Этьенн) 6, 9, 12, 141—
143, 146, 155, 165, 175, 176, 181
Нуакшот 8, 9, 12, 31, 81, 107, 108,
117, 141—143, 146, 167, 168, 175,
176

Объединенные Арабские Эмираты
(ОАЭ) 158, 159, 161

Палестина 18, 155, 157, 180
Париж 58, 70, 72, 75, 78, 92, 98, 99
Пекин 159
Пире, селение 38
Пиренейский п-ов 20
Портендик, ист. 26, 29, 34, 41—44
Португалия 16, 25, 26, 41
Порт-Этьенн (Нуадибу) 79, 80, 98
Прага 159

Рабат 152, 156, 158, 161
Рассеремт, селение 80
Республика Риф 98
Регейба, область 37
регейбат, этн. 12, 71, 75, 89, 99, 109
Рио-де-Оро 126
Ркиз, оз. 6
Росо 9, 31, 133
Россия 100
Роттердам 42
Руан 26, 41

сараколе см. сонинке 9
санхаджа см. зенага 10, 19, 20, 27,
28, 46
Саудовская Аравия 158, 160, 161, 172
Сахара 7, 19, 22, 35, 145
Сахарская Арабская Демократиче-
ская Республика 18, 162, 180
Сахель 7, 11, 19, 21, 22, 26, 91, 131,
133, 135, 142, 145, 178
Сегнет-эль-Хамра 66, 70, 79
Сенегал 5, 10, 57, 58, 71, 72, 75, 82,
91, 146, 148, 154, 180, 186

Сенегал, р. 5
Сен-Луи 26, 28—35, 38—44, 55—58,
71, 72, 74, 75, 80—82
серер, этн. 22, 50
Сеута 25
Сиджилмаса, ист. 20
Синай 157
Сирия 158
Смара 65, 66, 78
Соединенные Штаты Америки 139,
157, 160
Сомали 17, 157, 162
Сонгай, ист. гос. 23, 36, 61
сонинке, этн. 9, 12, 22, 25, 50, 55, 71,
131
София 159
Союз Советских Социалистических
Республик 159, 164, 178, 179
Средиземное море 5
Судан (Французский) 5, 36, 70, 80,
82, 92, 95, 96, 108, 146
Судан (Хартум) 157
Суэт аль-Ма, селение 72

Тагант, обл. 6, 21, 27, 34, 36, 49, 57,
66, 74, 75, 81, 88, 89
таджакант, этн. 12
Тайвань, о-в 155, 156, 159
Танзания 157
Тегдауст (Аудагост) 20, 58
Текрур, ист. гос. 22
текрур, этн., ист. 9
текна, этн. 12, 35
Тертилла, селение 31
Тегуан 25
Тиджикжа 36, 58, 60, 61, 68, 77, 78,
80, 102
Тидра, о-в 6
Тимбедра 102
Тимирис, мыс 8
Тин Йедфад, селение, ист. 32, 33
Тирана 159
Тирис, обл. 51
Тишит 28, 58, 60, 61, 62, 167
Того 165
Томбукту 60, 70
трарза, этн. 27, 34, 35, 37, 56
Трарза, обл. 26, 34—38, 41—44, 49,
51, 55—58, 66, 67, 72—74, 81, 92,
95, 115, 178
туареги, этн. 155
тукулеры, этн. 9, 12, 22, 23, 36, 51, 55,
71, 131
Тунис, гос-во 18, 152, 153, 158, 164,
178, 185
Тунис, г. 61
Турция 88, 89

Уганда 17
улад бирри, этн. 46, 75
улад бу сба, этн. 9, 75, 78

- уляд даман, этн. 35
- уляд делим, этн. 12, 75, 89
- уляд магфар, этн. 27, 28, 34
- уляд мбарек, этн. 27, 36
- уляд ризг, этн. 27, 28, 35
- Умм-эд-Друс-Гебли, местность 6
- Умм-эд-Друс-Телли, местность 6
- Федеративная Республика Германия 139, 159
- Форт Гуру (Фдерик) 99
- Франция 5, 12, 13, 16, 17, 26, 31, 35, 37, 40—44, 55, 70, 88, 89, 100, 103—105, 120, 139, 152, 153, 159, 160, 162, 163
- фульбе, этн. 9, 12, 22—25, 50, 55, 131
- Фута Джаллон, ист. гос. 23, 38
- Фута Торо, ист. гос. 15, 22—25, 28—32, 36—40, 50, 51, 55, 58, 68, 69
- аль-Хаммами, местность 6
- Ханой 159
- Хиджаз 62
- Ход, обл. 8, 36, 61, 89, 132, 134—136, 154
- аль-Хосейра, местность 6
- Шегга, селение 7
- Шеммама, область 26, 34, 176
- Шингетти 28, 58, 60—62, 68, 98, 102, 167
- Эбро, р. 20
- Эр-Рияд 158, 172
- Эфиопия 157
- Югославия 159
- Южно-Африканская Республика 155, 157, 180
- Япония 139
- Яунде 152

SUMMARY

Modern and Contemporary History of Mauritania. This book is written by the team of authors from the Institute for African Studies of the USSR Academy of Sciences.

Chapter One deals with the pre-colonial period, from the 17th to the early 20th century. The focus is on the early stage of disintegration of primitive society and the evolvement of statehood of the Berbers, Arabs and Negroids. There is a considerable section of material and spiritual culture and an analysis of external and internal factors which exerted their influence on developments in Mauritania. Specifically, the study shows foreign penetration into this part of West Africa.

Chapters Two and Three consider the history of Mauritania's occupation and colonization and the methods of the colonial rule in that country. Also reviewed are the changes in Mauritania's pre-colonial basis and superstructure. Here the stress is on varied forms of resistance and organized national liberation movement there, and on exposition of the evolution of national culture and social and political ideas.

Chapter Four is concerned with the post-independence period in Mauritania. There is an analysis of a conflict between the conservatives and the reformers and the government policy to create a modern society and to uproot antiquated institutions. The major focus is on Mauritania's foreign policy. In addition, there is an analysis of various factors, external and internal, that led to the fall of Moctar Ould Daddah government in July 1978.

Chapters Five and Six profile the present military regime as attempting to put an end to the crisis in Mauritania and create conditions for national development.

Введение	5
Глава I. Доколониальная история Мавритании (XVII—XIX вв.) . . .	19
Местное общество на рубеже нового времени	19
Европейская колонизация побережья (конец XV — начало XVII в.) . . .	25
Религиозно-реформаторское движение (1644—1677)	27
Образование эмиратов	33
Имамат (альмамиат) Фута Торо	37
Обострение соперничества европейских держав	40
Эволюция политических и социальных структур	45
Активизация Франции в долине р. Сенегал	55
Материальная и духовная культура	58
Глава II. Утрата независимости народами Мавритании (1900—1918) . . .	70
Захват Францией внутренних областей страны	70
Управление захваченными территориями	81
Политика колонизаторов в области культуры. Власть и ислам	83
Мавритания в годы первой мировой войны	88
Глава III. Колонизация Мавритании (1918—1945)	91
Социальные процессы в мавританском обществе	91
Антиколониальное движение сопротивления	98
Эволюция политики колонизаторов в области культуры	100
Мавритания в годы второй мировой войны	104
Подъем антиколониальной борьбы (1945—1960)	105
Глава IV. Независимая Мавритания	111
Замена парламентского режима президентским	111
Курс на подъем экономики	128
Социальные сдвиги, рост политической борьбы	142
Внешняя политика	152
Культурное строительство	162
Глава V. Мавритания в 1978—1984 гг.	170
Военный переворот. Политика военных в первый период правления	170
Глава VI. Политика военных во второй период правления (1984—1990)	180
Библиографический список	187
Указатель имен	193
Указатель этнических и географических названий	194
Summary	198

